

Анатолий Ива

Основной
принцип

Санкт-Петербург
«РЕНОМЕ»
2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И12

Ива, А.

И12 Основной принцип / Анатолий Ива. — СПб. : «Реноме», 2014. — 152 с.

ISBN 978-5-91918-399-0

Где заканчивается реальность и начинается авторский вымысел? Отличаются ли события, происходящие с нами в настоящем и в наших фантазиях? Ведь все, что нас окружает, что мы делаем или о чем думаем, — так или иначе связано лишь с «основным принципом» отношений между мужчиной и женщиной.

Новая книга Анатолия Ивы — это короткие, на один глоток, истории, претендующие только на одно: занимательность. И, пожалуй, не стоит искать в них ту грань, разделяющую натуральную правдивость от придуманных сюжетов. В жизни это давно уже смешалось. Просто увлекитесь смесью юмора, черного юмора, фантазии, фэнтези, нежной иронии и нейтрализующего весь микс здравого смысла.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

В оформлении обложки использовано фото пользователя
Korru_B с сайта <http://www.sxc.hu/>

Ограничение по возрасту 18+

ISBN 978-5-91918-399-0

© Анатолий Ива, 2014
© Оформление. ООО «Реноме», 2014

Дай мне напиток железнодорожной...

Волкова отправили в командировку. Не очень далеко, но и не очень близко — так, ни то ни се. Полтора суток в вагоне. Плюсом поездки являлось то, что билеты командированным покупали только в купе. Минусом являлось все остальное: холодный дождливый октябрь, промокающие ботинки, насморк и пункт назначения. Ехать надо было в совхоз «Племенной», до которого от железной дороги еще семьдесят километров автобусом.

Волков и раньше ездил в командировки, а потому к поездке подготовился. Прежде всего он купил три малыша «Столичной» (одну — туда, одну — там и одну — на обратный путь) и три «Жигулевского» пива. В вагоне-ресторане пиво покупать невыгодно — слишком большая наценка. Там Волков отоваривался в очень редких случаях. И никогда не ел приготовленное в ресторане, так как закуску всегда брал из дома. В этот раз он ограничился банкой «Рыбных тефтелей», четвертинкой хлеба и тремя яйцами.

Его место в купе было верхним по ходу поезда. Это тоже можно было расценивать как плюс. Минусом был противный говорливый старик, представившийся Захаром Тимофеевичем. Ненужное знакомство состоялось, как только Волков положил свой чемодан на полку, обозначив тем самым свое право на соседство. У старика на

щеке была бородавка, он постоянно и без всякого повода жаловался на свое здоровье и имел отвратительную манеру икать. Словом, попутчик еще тот. Такие не пьют, не играют в карты и не травят анекдоты. Его место было по диагонали под Волковым. Больше пассажиров не было.

Полчаса до отхода поезда, разбиваемые на короткие перекуры, Волков томился, слушая про засорение желудка.

Но тут произошло чудо: за четыре минуты до отхода поезда в купе, запыхавшись от бега и ругани, которые разносились на весь вагон, ввалились двое — баба лет тридцати пяти и нагруженный сумками мужик. Чудо состояло в том, что взмыленный мужик не ехал, а только провожал. Побросав кое-как вещи, он удалился, приняв напоследок последние инструкции и оставив взамен свои пожелания и приветы. Из разговора Волков понял, что мужика зовут Валерой, а его бабу — Ниной.

Имя Нина нравилось Волкову. От него веяло каким-то благородством. Все Нины, встречаемые им, отличались яркой внешностью. Вообще Волков заметил связь между именем и его носителем. Так, например, Гали, Нади, Люси были на грани безобразия: носы картошкой, толстые икры, веснушки и маленькие глаза. И неисправимо глупы.

Эта Нина вполне отвечала своему имени. Ее лицо сохранило былую смазливость (особенно выделялся большой рот), а фигурка была стройной. Волков это сразу отметил, стоило Нине снять плащ. А еще он обратил внимание на Нинину грудь. Она, приятно для глаза, обтягивалась банлоном и казалась упругой и крепкой.

Нина тоже расположилась на верхней полке (еще один плюс), уверенно разложила свои вещи, равномерно распределив их по купе, а на столик сразу выложила большой пакет с едой. Потом вышла к проводнику.

Когда поезд тронулся и разнесли постельное белье, Нина ловко и быстро устроила себе ложе, а чуть позже явилась в замечательном стеганом халате, отчего еще больше понравилась Волкову. От волнения он выкурил две сигареты подряд, благо тамбур уже открыли.

Дорогой Волков украдкой поглядывал на Нину, и это доставляло ему удовольствие. Но одно обстоятельство Волкова сильно смущало: Нина вела себя так, как будто его в купе не было. Она разговаривала со стариканом, ела, пила чай, читала «Огонек», но в свои действия Волкова не приглашала. Так, она долго упрашивала тупого Захара Тимофеевича угоститься бутербродом с сервелатом, а на Волкова при этом лишь бегло взглянула. Когда она отгадывала кроссворд, то обращалась, опять же, к старому маразматику, не знающему ничего, а когда Волков на вопрос о столице Кении ловко ответил: «Найроби», Нина очень сдержанно поблагодарила и возможный дальнейший разговор не поддержала. Это и раззадоривало, и раздражало. За окном мелькали черные раскисшие поля, желто-серые полосы лесопосадок, голые сады и дымящиеся огороды. Но это мало занимало Волкова — он был весь поглощен своей соседкой. От растущей поглощенности захотелось выпить. Но пить при Нине было почему-то стыдно.

Когда Нина в очередной раз за чем-то вышла из купе, Волков очень проворно и незаметно для старика достал «маленькую» и сунул ее в карман пиджака. В иное время он давно бы уже переоделся. А точнее, снял костюм, оставшись в тренировочных штанах и рубашке. Но при Нине это было невозможно — ему хотелось сохранить свой деловой вид. На работе Волкову однажды сказали, что костюм делает его интереснее и строже. Он в это свято поверил и запомнил. И теперь ему хотелось быть во всеоружии. Для чего? Он не знал и сам. Но не исключал

ничего. Опять же, чего «ничего»? Четкого ответа не было. Были неясные томления.

Когда Нина, принеся с собой туалетную специфическую свежесть, вернулась, Волков поспешил на распитие. В туалете стук колес звучал значительно громче и отчетливее. Казалось, что летишь над самыми рельсами. Это придавало задору. Волков сделал два больших глотка: один — для настроения, другой — для храбрости. Но тут обозначилась маленькая оплошность — второпях Волков забыл взять с собой свой «Советский спорт», и бутылку пришлось затыкать обрывком туалетной газеты, засунутой в оконную ручку. Это было крайне не гигиенично. Но выхода не было. Впрочем, через пару минут это перестало быть проблемой, а после перекура и вовсе потеряло всякое значение.

Нина стала еще лучше. Вела она себя по-прежнему, игнорируя, насколько можно, Волкова, но в этом открылся какой-то шарм. Он только теперь углядел в этом тонкую игру, замечательную женскую уловку, дескать, чем меньше внимания, тем больше внимательности. Отсюда не мог не напрасться вывод — и Волков не безразличен ей! Это открытие и вдохновило, и развеселило Волкова. Ему стоило большого труда прятать свои улыбки, расцветающие на лице совершенно неожиданно. Он был готов начать игру, но случая умело вступить в нее не было. Нина виртуозно дразнила его, избегая прямых просьб и обращений. Для этого использовался Захар Тимофеевич. Он тоже подпал под обаяние попутчицы и ловил каждое ее слово и каждый взгляд. А потом вдруг расщедрился и достал из рюкзака приличный шмат сала. Но угощение пришлось отложить — поезд прибыл в Рузаевку. Время стоянки, как трижды объявили на платформе, составляло сорок минут.

Минут пять посидели в глухой тишине и неподвижности. А потом, толкаясь (Волков умудрился как бы случайно коснуться Нининой руки. Замечательно!), вышли в коридор, где с общим неспешным потоком вылились на перрон. Захар Тимофеевич остался перед трапом, Нина направилась к «Союзпечати», а Волков бросился на поиски мороженого и вина.

Его план был логичен и прост. Идея состояла в праздновании дня своего рожденья. Вымышленного, конечно. Равнодушных к такому событию Волков не встречал, а потому и сделал ставку на него. Тут уж не откажешься. И от задушевного разговора не уклонишься. Небольшая дорожная импровизация, в которой нет ничего зазорного. Пока он метался по станции, выясняя, где ближайший гастроном, снова захотелось в туалет. Там же в хлорированном полумраке допил для бодрости «малька». Тем более что бутылка, несмотря на малый размер, мешала свободно двигаться.

Волкову повезло — магазин, в котором продавалось почти все необходимое для жизни, находился на параллельной вокзалу улице. Там на него нашел приступ щедрости. Он купил две бутылки «Фетяски», полкило «Белочки», триста граммов «Любительской» и столько же «Ярославского» сыра. На мороженое, которое продавалось в конце платформы, времени не осталось — он вскочил в вагон в последнюю минуту.

Настроение у Волкова было прекрасное. Вралось вдохновенно и очень естественно. Старик клюнул сразу, а Нина немного покапризничала, сославшись на то, что с незнакомыми мужчинами не пьет, но потом сдалась, не ответив вразумительно на лукавый вопрос Волкова: «Может ли считаться незнакомым мужчина, с которым она провела вместе более четырех часов?»

«Праздничный стол» был накрыт очень быстро. На его усеченной потертой спине смогли уместиться: семь яиц (каждый поспешил избавиться от своих), шмат сала, так и оставленного в сомнительного вида тряпке, колбаса, немного хлеба, бутылка вина и три граненых стакана из-под чая. Остальная закуска была разложена на нижней полке Захара Тимофеевича.

Нину Волков, как распорядитель и виновник торжества, посадил к окну, а сам уместился рядом, почти прижимаясь к ее обтянутым халатом бедрам. Судя по изгибам, ноги у Нины имели пропорции, близкие к идеальным. Выпитая натошак водка крайне обострила обоняние. От Нины дразняще веяло духами, отчего очень хотелось ее обнять. А от сала, в противовес лирическому настроению, не менее дразняще пахло чесноком, отчего очень хотелось есть.

Первый бокал полагалось осушить до дна. За здоровье и успехи именинника. Старик, на удивление, не заставил себя упрашивать, общее нездоровье не явилось помехой, и, громко глотая, Захар Тимофеевич произвел нужное действие. Нина, чуть пригубив, соорудила гримаску и отставила стакан — для нее вино оказалось слишком кислым. Тогда Волков рискнул:

— А водочку будете?

— А вот водочку буду.

И все пошло как по маслу. После второго стакана старикан заснул, откинувшись в угол, и праздник продолжали вдвоем. Чтобы Нина не смущалась, водочку пили вместе. Для запивки Волков предложил припасенное пиво, что никаких возражений не вызвало. Пили за женщин вообще, за Нину в частности, за любовь с первого взгляда и за счастье. Нина разругалась, глаза ее заблестели, а губы приняли игривый соблазнительный изгиб. Сало оказалось не таким вкусным, как обещал его вид. Зато

Волкову очень понравилась рыба в томате, приготовленная самой Ниной. На последнем тосте Волков предложил выпить на брудершафт, дабы перейти на «ты».

Поцелуй получился долгим и соленым на вкус. Язык Волкова терся о Нинины сомкнутые зубы, пытаясь их раззять и втиснуться в щель. Дополнительно его рука устремилась на Нинину грудь, но стукнула снизу по столу. На нем что-то подпрыгнуло, а Нина, начавшая было сдаваться, опомнилась и Волкова от себя отстранила.

— Не надо, Никита.

— Что, «не надо»?

— Все.

Волков сделал послушное, немного обиженное лицо и, обсыпаясь желтком, принялся доедать третье яйцо. Но внутри он был доволен — начало все же положено.

Пока сидели, наступила ночь, и окно из экрана превратилось в черное зеркало, по которому периодически проплывали огни. Два раза Волков выходил курить. В прохладном тамбуре всегда кто-то да оказывался, что усугубляло получаемое удовольствие — к дурманящим затычкам прибавлялся незатейливый приятный разговор. Все было просто замечательно. Даже своим отражением в туалетном забрызганном зеркале Волков остался очень доволен. В легкой красноте лица проступало что-то южное и романтическое, взгляд был нежно напорист. Волков чувствовал себя совершенно трезвым и готовым к любым приключениям.

Когда после второго перекура он вернулся в купе, там включили местную трансляцию и начали передавать что-то вроде концерта по заявкам. Пели Хиль, Кобзон, Камбурова и Пахоменко. Слегка пьяная Нина, что придавало ей потрясающий шарм, покачивалась в такт музыке и иногда подпевала. Лацканы ее халата приглашающе разъехались, демонстрируя в образовавшемся

треугольнике розовые бретельки бюстгалтера, поддерживающего стесненные полусферы груди. А когда «Песняры» затащили свою «Александрину», Нина сама предложила потанцевать.

Танцевали в тесном ущелье между полками, обнявшись и плотно прижавшись друг к дружке. От близости и сжигающего контроль возбуждения оба вспотели. На ощупь Нина оказалась значительно мягче — все части тела, к которым прикасались ладони Волкова, податливо проминались под пальцами. Нина, чуть повиснув, обвинила Волкова за шею, а он гладил ей спину, бока и ягодицы. Так они, сплетясь, терлись о полки и медленно вращались, иногда наступая себе на ноги. Музыка кончилась, а они все стояли не в силах разлепиться, громко сопели и с влажным чмоканьем целовались.

Поезд, постанывая тормозами, с легким толчком остановился. Кто-то пробежал по насыпи. И тут, в самый разгар прелюдии, когда была дана воля рукам, и каждый устремился в заповедные, влажные от пота зоны, раздался кашель. Эти звуки были так внезапны, что Нина вскрикнула, а Волков отпрянул от предмета растущего вожделения и с испуга сел на нижнее сиденье. Проснулся Захар Тимофеевич, мучимый приступами кашля с хрипами и мокротой. Пока он приходил в себя, Нина выскользнула из купе. Волков лихорадочно соображал, что теперь делать. Было видно, что старик выспался. От вина, предложенного Волковым, он гневно отказался, сказав, что год не пил, теперь еще столько же пить не будет. Взяв пустой стакан, старый хрен также удалился из купе.

Такого поворота Волков не ожидал. Ему уже начали представляться бурные ласки на своей верхней полке с ее теснотой, вынуждающей рисковать и изощряться. Уже всасывала в себя многообещающая Нинина плоть, горячая и слегка липкая. Уже собственная сила, стойко

оформленная, сосредоточенная между ног, неистово рвалась наружу.

Погасили верхний свет. Тусклое дежурное освещение значительно убавило пространства, но добавило тоски и раздражения. С горя Волков налил себе стакан кислой низкоградусной «Фетяски» и выпил его одним залпом. Это помогло. Через минуту в голове имелся план действий, реализуемый двумя вариантами. Первый вариант заключался в естественном развитии событий. Он требовал только одного — быть терпеливым. Старик неизбежно заснет, и тогда можно будет возобновить любовную игру. Второй вариант предполагал творческий подход. Если по какой-либо причине старая сволочь спать не будет, под предлогом перекура выйти с Ниной из купе и поискать укромный уголок в общем пространстве поезда. Таким уголком может оказаться все что угодно: туалет, темный безлюдный тамбур, на худой конец, шаткий переход из вагона в вагон. Неудобство возможного соития компенсировалось бы пикантностью позы и оригинальностью обстановки. Волков представил себя и Нину в тамбуре, и от нарисовавшейся картины застучало сердце.

Появился Захар Тимофеевич. Его движения были крайне медлительны и осторожны — он принес себе чай. Шурша бумагой, дедок с сопением устроился на своей заваленной пакетами полке, затем отрезал себе сала и принялся неторопливо жевать, громко прихлебывая свое чавканье. Его замедленные действия таили в себе что-то зловещее. Казалось, он специально тянет время.

Вошла Нина. Она пожелала старику приятного аппетита и принялась убирать разложенную повсюду провизию. По мнению Волкова, это было хорошим признаком. Значит, и она заинтересована в скорейшем продолжении их дразнящей игры.

— Никита, вы не могли бы вынести пустые бутылки и мусор? А я пока помогу Захару Тимофеевичу постелить белье.

Вот оно! Волков взял тяжелый пакет (причем ему явно показалось, что Нина слегка погладила его пальцы) и вышел в коридор. Нетерпение сжигало его. Чтобы как-то себя унять, Волков выкурил сразу три сигареты, и перестарался: стало мутить, потемнело в глазах, закружилась голова, вспотели ладони, и захотелось лечь. Он попробовал покинуть тамбур, но это оказалось весьма трудным. Ноги подгибались, шатало, и туман в голове становился гуще. Пришлось сесть на корточки.

Стоило закрыть глаза, как под веками поплыли синие пятна. Было приятно вот так сидеть, прислонившись к покачивающейся стенке, и смотреть на эти пятна...

Когда Волков очнулся, то первые мгновения не мог понять, сколько времени он так просидел. Должно быть, достаточно долго, потому что ноги затекли и стали деревянными. Слабость прошла, но хмель еще оставался. Умыв в сортире лицо, Волков на негнущихся ногах направился в купе. Его путь по вздрагивающему коридору был наполнен предвкушением: старик храпит в потолок, а Нина с нетерпением ждет. Интересно, голая она лежит или нет?

Когда же после небольшой заминки (Волков зашел не в свое купе) он оказался у себя, все было абсолютно противоположно грезам. В теплой тишине густился мрак — ночник был выключен, а окно спрятано за спущенной клеенчатой шторой. Но свет оставался: на столике был установлен карманный фонарик (что делало купе похожим на блиндаж), и в близоруком луче его виднелись пузырьки и пачки таблеток. Старик сортировал свои медикаменты. И хотя он сидел в заменявших пижаму солдатских подштанниках и фуфайке, слабо белеющих

в полутьме, чувствовалось, что Захар Тимофеевич свое отоспал и забираться под одеяло не собирался. Зато Нина уже спала и даже — это неприятно поразило Волкова — похрапывала. Ее бесформенные очертания едва наметились, так что было не понять, голая она или в одежде.

Делая вид, что он стелет постель, Волков осторожно положил руку на теплую массу. Ладонь пришлась на укутанное простыней сочленение. После короткого ощупывания Волков распознал согнутую в локте руку. Волков слегка руку потряс. Никакой реакции не последовало. Он потряс еще. Настойчивей и энергичней. В ответ вместо страстного, как хотелось, шепота раздалось нежное мычанье. Что теперь делать? Озадаченный Волков сел на нижнюю полку: ему еще не верилось, что момент упущен, и романтическая часть поездки завершена. Нужно было что-то срочно предпринимать. В чемодане оставались бутылка пива и маленькая. Пиво Волков оставил на утро, чтобы освежиться, а вот маленькую пригубил. Тем временем дедок закончил свою возню с лекарствами, убрал их в сумку, но не уgomонился, а неизвестно откуда выудил тетрадь, раскрыл ее и принялся шепотом читать. Как понял Волков, написанные от руки молитвы. Водка сняла налет вялости, растворила в себе навалившееся незаметно отупение и подтолкнула к действиям. Благо, все опять стало легко осуществимым и возможным.

Проводник, на счастье, не спал. Он пересчитывал постельное белье. В его закутке было тепло, как в бане. От предложенной Волковым водки он не отказался и вообще оказался компанейским малым. Звали его Колей. К просьбе Волкова о перемещении престарелого соседа в другое купе Коля отнесся с пониманием и взялся помочь. Услуга стоила десять рублей. В случае неудачи деньги возвращались. За успех дела выпили еще по глоточку яблочного винца, которым, в свою очередь,

угостил проводник. Затем Коля для официальности надел фуражку, и они отправились переселять Захара Тимофеевича.

Хотя Волков был мужиком крепким, вино было выпито зря. Он очень скоро почувствовал это своей оставшейся незамутненной частью. Язык и движения перестали быть послушными. И поэтому, чтобы не мешать процедуре и не испортить дело, Волков, шатаясь, отправился в тамбур. Он решил не курить, а просто постоять и проветриться. Но это не совсем удалось — перед его носом в соседний вагон удалилась компания, оставив после себя плотное облако синего дыма. Этот тяжелый дым подействовал на Волкова двояко — сверху, в голове, добавилось туману, а внизу, ниже пупа, начало выпирать зудящее возбуждение. Женщина стала просто необходима.

Коля оказался мастером своего дела: когда Волков (ему вдруг показалось, что он не в поезде, а на корабле), преодолевая качку, добрал до своей каюты, старика не было. Исчезли также его авоськи и фонарик, вместо которого теперь вновь горел ночник. От бесследно исчезнувшего Захара Тимофеевича осталась только скомканная тряпка, забытая на застеленной нетронутой постели.

Нина спала. Но вид ее кричал — одеяло и простыни сбились к ногам, предоставив взору Волкова прикрытые атласным лифчиком и черными панталонами прелести.

— Нинок, проснись, — принялся тормошить ее Волков, — слышь, никого нету. Старикашку я сплавил.

Нина ворочалась, стонала, раз чуть приоткрыла глаза, но очнуться не смогла. Тогда Волков засунул руку ей под бюстгальтер и принялся тискать теплую, будто сдутую грудь. Нина слабым бессознательным движением руки попыталась избавиться от ласк, но потом ее

вновь парализовала тяжелая неподвижность глубокого пьяного сна. Волкова это только раззадорило. Намявши молочные железы, он, окончательно осмелев (отсутствие какого-либо сопротивления он истолковывал как согласие), дал волю своим дрожащим пальцам, забравшись Нине в трусы. С ума сводило все: ягодицы, пухлый волосатый лобок, влажная промежность...

Тактильное пиршество неразделенной прелюдии омрачалось единственным обстоятельством. Им был вопрос «Как?». На нижнюю полку стащить Нину невозможно — здесь и двоим таким, как Волков, не справиться. «Как есть» не пристроишься ни сзади, ни сбоку — слишком высоко, даже если что-нибудь подставить под ноги. Оставалось только забраться к спящей Нине на полку самому. Волков сбросил простынь и одеяло вниз, немного повозился, стаскивая с нее трусы, а потом, задыхаясь от нетерпения, принялся разоблачаться и сам.

Волков был уже в трусах и майке, когда поезд внезапно дернулся. Да так, что Волков чуть не свалился, а затем началось торможение. Подъехали к какой-то станции. Снаружи слышались голоса и громкий неуместный смех. Хлопнула дверь вагона, в него кто-то забрался и затопал по коридору. Волков замер в ожидании, недовольный возникшей помехой. Вагон опять качнуло, и темнота поехала сама в себе. Вдруг в дверь постучали. Волков, матерясь про себя, безмолвствовал. Постучали еще раз. Громче и требовательнее.

— Кто? — сглатывая слюну, выдавил Волков.

— К вам пассажиры, — слышался Колин голос, — открывайте.

— Какие пассажиры? У нас все занято.

— Открывайте, открывайте. У них два места в вашем купе.

— Сейчас, подождите.

Проклиная Колю, неизвестно откуда взявшихся пассажиров, старика и свою медлительность, Волков набросил на приготовленную Нинину наготу поднятые с пола одеяло и простынь, натянул на себя брюки и щелкнул замком.

На пороге, обливаемая ярким коридорным светом, стояла баба. В одной руке она держала громадный чемодан, за другую ухватился очкастый пацаненок лет семи.

— Ну у вас тут и запахок, — зло сказала баба, выставила перед собой чемодан и шагнула в купе. — Женюшка, заходи, миленький, не бойся, голубок.

Чемодан своим острым никелированным углом пришелся Волкову в бедро. Толчок бросил его на сиденье, и он ударился затылком о стенку. Тетка обернулась на деревянный стук, но вместо извинения попросила Волкова выйти в коридор.

Возмущенный, обиженный и злой, он стоял перед купе и наблюдал, как орудует новая попутчица. С треском и скрипом была поднята оконная светомаскировка и отверста оконная форточка. В уютное некогда гнездо с порывом ветра ворвались стук колес и паровозный посвист. Волков плюнул в сердцах на ковровую дорожку и отправился к проводнику.

Но Коля ничем помочь уже не мог. Он только развел руками и глубокомысленно заявил, что в дороге может случиться «все». В качестве утешения Коля предложил убитому Волкову купить у него бутылку водки. Пол-литра стоили столько же, сколько и оказавшийся ненужным переезд старого пердуна. У Волкова оставалось только девять рублей (кошелек Волков всегда носил с собой), но Коля по знакомству готов был рубль уступить, и это решило дело.

Чтобы никто не мешал, Волков пил в тамбуре. Он смотрел на неподвижную луну и периодически делал

из горлышка большие глотки, после которых язык в спазме прилипал к нёбу, и приходилось бороться с подкатывающей тошнотой. Иногда, чтобы особо не мутило, Волков пил в туалете воду. Неудобство заключалось в том, что подача теплой вонючей жидкости осуществлялась лишь при нажатии клапана, а голова и рука плохо умещались в рукомойнике, и каждый раз Волков ударялся виском.

Потом кончились сигареты, и пришлось потребовать в никотине удовлетворять окурками, извлекаемыми из банки-пепельницы, прикрученной к поручню. Чтобы легче шла сортировка, слюнявые и короткие хабарики Волков бросал на пол.

А когда надоело стоять, он решил пойти в вагон-ресторан, посидеть в нормальной обстановке и послушать музыку. Не заходя в туалет, он справил, где стоял, малую нужду и отправился в путь.

Хлопая дверями, шумно задевая стены и матерясь, Волков пробирался по спящему поезду. Начались плацкартные вагоны. Путь затруднился выставленными в проход ногами, которые или перегораживали проход, или, словно ветви, ударяли по лицу. Дважды Волков падал, и оба раза неудачно. Первый раз из бутылки, засунутой в карман, вылились остатки водки, а на штанах оторвалась пуговица. А во второй он вывихнул руку и своим шумом разбудил старуху, которая принялась ругаться и звать проводника.

От такого движения почти на ощупь, похожего на продираание через лесную чащу, Волков выбился из сил. В одном из отделений оказалось свободное нижнее место, и он присел передохнуть. Мучила жажда. На столике позванивали стаканы, и в одном оказался чай. Сладкий и холодный. Волков с наслаждением его выпил. Потом само собой получилось, что он лег. Совершенно

по-детски — свернувшись калачиком и подложив под щеку ладони. Сразу все полетело вниз и закружилось. А потом и вовсе исчезло.

А днем, когда Волкова наконец-то растолкали и незнакомая женщина в форме, нависнув над ним своей страшной тушей, спрашивала билет, он долго не мог понять, где находится и что происходит. Рот совершенно склеился, ломило затылок.

Поезд тем временем несся мимо леса. За окномплыли полосы вечнозеленых могучих елей с лимонно-желтыми вкраплениями берез и красными мазками рябин.

Над лесом издевательски синело небо с глянцевым солнечным диском посередине, вокруг которого, как мотыльки вокруг лампы, вились невидимые купидоны.

Май 2011 г.

Конец Кентавра

Уже на Кушелевке в электричке сидячих мест не осталось. В проходе и тамбуре еще можно было встать, не прижимаясь к соседу или его вещам, а вот скамейки облепили полностью. Маресову повезло — он одним из первых на платформе влился в вагон и, не примериваясь, успел занять интервал между мужиком с рюкзаком на коленях и девчонкой у окна, жующей попкорн. Небольшим неудобством оказалось то, что вагон, в который он вбежал, был моторным, а скамейка, куда он плюхнулся, находилась на солнечной стороне. Поэтому внизу под полом периодически начинало трещать и гудеть, а когда выбирались на открытые места, глаза слепило белесыми горячими лучами. Но это так, мелочи, главное, что он сидел, а не стоял.

На Пискаревке набилось под завязку, и в проходе образовалась единая сплюснутая масса, состоящая из перекошенных лиц, прижатых друг к другу тел, мешков, коробок с рассадой, просто коробок, сумок и сумочек. Моментально стало душно. Запахло потом, помидорами и собачьими какашками. Открытые окна не помогали: поступающего снаружи воздуха хватало только на то, чтобы облизывать лежащие на полках вещи. По непонятным причинам электричка, не успев отъехать от станции и разогнаться, сбавила ход и потащилась со скоростью

ослиного шага. Бесконечный перегон позволил немного перераспределиться: разреженную серединку поджали, встали поровнее и вещички устроили покомпактнее. Каждый квадратный сантиметр был использован с максимальной рациональностью, и свободного, ничем не занятого пространства не осталось.

Но на Ржевке выяснилось, что и это еще не предел укомплектованности и вместимости. Там мизерная часть пассажиров с руганью и криками схлынула, и на как бы освободившееся место поступила новая партия. Перед дневным перерывом электричка была последней, и поэтому ее брали штурмом, с воодушевлением и азартом. И вот тогда туго пришлось всем. И стоящим, и сидящим. Под натиском вновь вошедших в зазоры между скамейками втиснулись самые нестойкие и не цепкие из прохода, навалившись, прижав и придавив собой и своим барахлом тех, кто имел счастье сидеть.

Чтобы не видеть красных и злых завидующих рож, Маресов уже после Пискаревки закрыл глаза и, пригнув голову к своему пакету, абстрагировался от ситуации, показывая оставшимся в душной тесноте, что он глубоко спит. Но очень скоро он почувствовал, как после тяжелого качка перегруженного вагона кто-то встал ему на ногу. Подождав и не дождавшись освобождения сандалии, Маресов поднял голову и увидел стоящую вплотную к нему изогнутую бабульку, безропотно сносящую крайнее неудобство пути — её отжимала чья-то спина с висящим на ней брикетом спального мешка или палатки. Выпрямиться бабулька не могла, потому что с другой стороны ее подпирали засунутые в холщовый мешок саженьцы с торчащими сухими, как у веника, ветками.

В подобных боевых условиях каждый сам за себя: нет никаких правил и этикета, как нет деления на пол, возрастные категории и инвалидные группы. Все просто

пассажиры. Но Маресову вдруг стало жалко эту выцветшую морщинистую старушку, обернутую в плащик и наивно прижимающую к себе (кулачок с мутно-зеленым венами почти касался носа Маресова) потрескавшуюся лакированную сумочку. Другой своей сухонькой ручкой бабулька держала объемную авоську, жестко упирающуюся Маресову в голени.

— Садитесь, пожалуйста, бабушка.

Маресов оторвал прилипшую мокрую спину от горячего дерматина сиденья и, раздвигая собой малоподатливый живой массив, поменялся с бабушкой местами, перехватив для удобства маневра ее тряпочную сумку:

— Ничего, не беспокойтесь, я подержу.

«Вот бабушка дает! Такие тяжести носить. Как она еще стояла? Как вообще вошла в этот фарш?» — мелькнула у Маресова мысль, на плечо которого прилегла часть палатки или спального мешка.

— Спасибо тебе, сынок, — робко улыбнулась старушка и поправила свой блестящий ридикюль. — Поставь мне на колени свой пакетик, не стесняйся.

— Да что вы! Не беспокойтесь, пожалуйста, я прекрасно все подержу и сам. Расслабьтесь.

— Спасибо тебе, добрая душа, спас старуху. Думала, сейчас упаду. Есть еще на свете настоящие люди. Дай тебе Бог все блага земные и небесные. Счастья тебе и здоровья. Спасибо тебе, добрый человек.

Бабка не ошиблась — Маресов действительно был добрым человеком. Добрым и отзывчивым. И нуждающимся в счастье и здоровье.

Дело в том, что со счастьем у Алексея Маресова были небольшие проблемы. Доброты и отзывчивости не хватало, чтобы компенсировать его внешнюю обыкновенность и никаковость. «Добрая душа» помещалась в весьма невзрачном теле. Все у Маресова было средним,

на троечку: рост, телосложение, лицо. И если сравнить Маресова с каким-нибудь растением, то он легко ассоциировался с ольхой. Или с акацией. Но все-таки больше с ольхой: невысокой, тонкоствольной, серенькой, без шишечек, с жидкими листочками. Есть люди-дубы, люди-сосны, люди-лианы, люди-кактусы... А он — ольха. Что-то среднее между деревом и кустарником, составляющее в совокупности себе подобных зеленый летний фон, на котором прекрасно смотрится все что угодно, только не он сам.

Поэтому в личной жизни у Маресова было «всё сложно». Точнее, этой жизни просто не было. По причине его полной непривлекательности для женщин. Всегда находились те, кто был сильнее, быстрее и выше Леши Маресова. И он к этому привык. Как привык к тому, что никогда не будет зачислен в разряд личностей, обладающих характерными индивидуальными чертами и яркими персональными качествами. Хотя бы внешними, хотя бы экстерьерными.

Но и это еще не все. Природа поступила с Алексеем более чем жестоко. Она не только сэкономила на основном материале, дав ему впалую грудь, узкие плечи и не поддающиеся укреплению и развитию конечности. Она подсекла его в корне. У Леши (переходим на шепот) был очень маленький член. Даже в эрегированном состоянии. А это уже настоящая трагедия для мужчины. Каким бы добрым и отзывчивым он не был.

Несколько раз Маресов обжигался. Добившись различными ухищрениями благосклонности какой-нибудь дамы, благоволившей допустить его до себя только потому, что она сама не пользуется спросом у красивых и сильных, Маресов бывал поднимаем на смех в самые интимные и важные для него минуты. И именно по вышеуказанной позорной причине. Тогда в Маресове

что-то обрывалось, ему становилось за себя очень стыдно и обидно. И он спешил уйти: вставал с кровати, одевался и уходил. Невзирая на время, расстояние и способ доставки себя до дома, а также неудовлетворенное желание, сила которого совершенно не зависела от параметров его некоторых органов.

Поэтому Маресов в свои тридцать два года продолжал жить с матерью, к которой он теперь и ехал в поселок Ириновку, зависнув над умиленной его состраданием старушкой, сжимая в руке ее авоську и мечтая о глотке холодной воды из колодца.

После Всеволожска в вагоне стало полегче. Давка сосалась, и можно было спокойно встать и расправить плечи. В Романовке народу поубавилось еще, и Маресов сел. На свое старое место, которое опять освободилось, так как бабулька сдвинулась ближе к окну.

— Садись, родной, и давай мне мою поклажку, — старушка поставила свою тяжелую авоську к себе на колени, — нельзя ее на пол ставить, вот беда. Там у меня сервиз. Везу домой. Племянница подарила на юбилей. Кузнецовский фарфор. От свекра ей достался. Я говорю: «Ну зачем ты мне такие подарки делаешь, Галина?», а она: «Если дарить, так самое лучшее, тетя Катя». Золотая душа. Такая же, как и ты. Тебя, милый, как зовут?

— Кхм... Алексеем.

— А по бабушке?

— Алексеем Борисовичем.

— Спасибо тебе еще раз, Алексей Борисович. Милый ты человек. Пожалел меня, помог. Доброе у тебя сердце. А кто много любит, тому многое прощается. А кому многое прощается, тому многое дается.

Бабулька умиленно взглянула на Маресова, обхватила свои сумки и стала смотреть в окно.

— Май, а буйство растительное, как летом. Спешит жизнь, торопится, — обратилась она минуту спустя неизвестно к кому.

— Да, — из вежливости поддакнул Маресов, не имеющий особого желания поддерживать разговор.

— А сады, как в снегу. Видишь, Алексей Борисович? Но яблок в этом году не будет.

— Да...

— Зато овес мог бы быть сильным, если бы его, конечно, засеяли.

— Да...

— И липа будет вся в цвету. А солнце так и ест глаза. Это хорошо, пусть чистит.

— Да...

Так они и ехали еще минут пятнадцать — бабулька подавала невнятные реплики, а Маресов из вежливости ей поддакивал.

На подъезде к Ириновке оба поднялись:

— Ну, Алексей Борисович, прощай. Я выхожу.

— Кхм... Так и я тоже.

— И ты! Вот как мы с тобой!

— Давайте ваш сервиз, я помогу вам выйти.

— Да здесь я уж сама справлюсь.

— Давайте, давайте, все равно ведь вместе выходим.

Сумка-то у вас действительно тяжелая.

— Тяжелая. Что правда, то правда.

— Ну, так и давайте я ее понесу.

— Сделай милость, сынок. Хотя бы на платформу, а то я спрыгивать боюсь. Все кажется, что под вагон упаду.

Маресов снова взял тяжелую бабкину сумку, и они вышли в тамбур. А после вместе выгрузились в сияющий свежий день, показавшийся Маресову после душного вагона прохладным.

— Вот это благодать! Ах, какая кругом благодать. Ну, Алексей Борисович, давай мне мою кузнецовскую посуду, я потихонечку пойду.

— А вам куда?

— Да здесь недалеко, на Песочную.

— Так, давайте, я вас провожу, мне все равно по пути.

— Да что ж ты, сынок, на меня свое время тратить будешь?

— Почему тратить? Мне же по пути. Раз уж начал, — Маресов попытался улыбнуться, — так доведу дело до конца. Как тимуровец.

— Ты не тимуровец, ты ангел, которого мне Господь послал. Уж, если не сложно, то пойдем вместе, сколько сможешь. Отказаться не могу. Меня ведь в городе Галин муж провожал. Сама я, если бы знала, что за тяжесть, ни за что не согласилась взять этот подарочек. Проще из бумажных тарелок есть. Да, Алексей Борисович? Не устал мне помогать-то?

— Нет. Все нормально. Тем более что мне по пути. Не беспокойтесь.

Они спустились платформы, свернули на уже подсохший растоптанный угольно-черный грунт и в сопровождении тихого мушиного жужжания двинулись вдоль заросшей одуванчиками канавы.

Шли недолго. Заросший кустами набухшей сирени домик бабульки оказался минутах в десяти стариковской ходьбы от станции. С виду он был такой же вылинявший и ветхий, как и сама старушка. Даже цвет шелушащейся вагонки мало отличался от цвета бабкиного плаща.

— Ну вот, мой спаситель, мы добрались до моего скворечника. Если б не спина, поклонилась бы тебе.

— Да что вы меня все хвалите, как будто я что-то сверхъестественное сделал?

— Я не тебя, я сердце твое хвалю. Живое оно. А теперь, Алексей Борисович, подожди еще минутку, я тебя отблагодарить хочу, как в сказке, — сказала бабушка, взяла у Маресова свой сервиз и быстро вошла в тамбур. Маресов слышал, как она там со скрежетом открывает замок.

«Сейчас, небось, деньги будет предлагать. Интересно, сколько? Братъ или не братъ?»

Не успел Маресов решить, что ему делать, если бабка будет давать деньги, как она уже снова появилась у калитки.

— Вот тебе, Алексей Борисович, моя благодарность, — и она протянула Маресову старинную, затертую баночку из-под вазелина. Такая же точно была у него на даче. В ней хранились малюсенькие сапожные гвоздики, оставшиеся от деда вместе с прочим старьем.

— Это что? — Маресов вертел в пальцах баночку, сохранившую зеленый оттиск маркировки: Калуга... «Вазелин»... цена 5 коп... ОСТ 18-91-72.

— А это, я думаю, то, что тебе надо.

— Вазелин? Зачем он мне?

— Конечно, не вазелин. Я же не сумасшедшая пока. Эта баночка у меня еще с золотых советских времен осталась. А в ней хранится специальная мазь. Я ее из другой посуды переложила. Про Распутина Григория слышал?

— Ну слышал кое-что. Он при последнем царе вроде жил...

— И это в его жизни было, но знаменит он не этим.

— А при чем здесь Распутин? Ладно, спасибо за мазь, только мне ее не надо. Я лучше пойду. До свиданья.

— Да дослушай ты меня, Алексей Борисович. Ведь ты же пока еще, Лешенька, мальчик. А вот мазьку эту используй, и тогда станешь настоящим Алексеем Борисовичем.

— Это вы о чем?

— А это я, — бабулька понизила голос и приблизилась к Маресову, — о твоём «золотом петушке». Ведь он у тебя цыпленок. Так?

Бабулька улыбалась. Но не издевательски, а очень по-доброму и понимающе. Маресов мгновенно покраснел:

— А откуда вам это... Вы о чем, не понимаю?

— Да ты не стесняйся меня, старухи. Я же старуха. А о твоём цыпленке я ещё в электричке узнала. Есть такая сказка, «Мальчик с пальчик». Так вот, она про этот самый пальчик. Посмотри на свои руки.

Маресов поставил на землю пакет и уставился на свои маленькие ладони. Вазелиновая банка, лежащая на правой, бросила ему в глаза солнечный блик.

— Длина каждого безымянного пальца полностью соответствует длине мужского хозяйства, когда оно отдыхает от дел. А если их соединить, то увидишь длину Ильи Муромца в бою. Дубину его увидишь. Понял? Поэтому-то обручальные кольца на них и надевают. Но об этом сейчас не будем. Видишь?

Маресов видел. Видел, какие у него короткие эти самые безымянные пальцы.

— Ты не смущайся. Об этом сейчас мало кто знает. А теперь и подавно никто ничего не поймет. Потому что мазь эта для таких, как ты, и предназначена. Ею сам Григорий Ефимович не побрезговал воспользоваться.

— Это кто?

— Это и есть Распутин. Захочешь ты попробовать или нет — дело твое. Но инструкция к применению такая. Возьмешь свою писульку за кожицу, натянешь и по темному кожному шовчику с той стороны осторожненько промажешь. По всей длине. Один раз. Руки потом проти одеколоном или спиртом. И день свое достоинство не мой.

— А потом?

— А потом увидишь, что будет. Потом ты станешь Алексеем Борисовичем, и женщины к тебе в очередь становиться начнут.

— А...

— Это твое дело, мой дорогой, — бабулька улыбнулась, показывая пластмассовые челюсти. — Можешь верить, можешь не верить. Но лучше поверить. Верить людям всегда лучше. Да?

— Наверно. А как вас зовут, если не секрет?

— Какой же секрет? Зовут меня Екатерина Валентиновна. Ну, иди, Алексей Борисович, я тебя и так задержала дольше, чем нужно. Будь счастлив.

И бабулька ушла в домик.

* * *

Всё время, пока Маресов был у матери на даче, он думал о загадочной мази и странной старушке, с которой его свела судьба. Раздумья настолько поглотили его, что он не замечал того, что делают его руки и ноги. А они тем временем вскопали две грядки под клубнику и свеклу, подровняли и стянули алюминиевой проволокой завалившийся пролет забора, разбросали на картофельник слипшуюся гниль из компостного ящика и еще успели натянуть новые бельевые веревки. Потом мать позвала Маресова обедать.

Но и за едой он не мог оторваться от воспоминаний о недавнем разговоре и порожденных этим разговором идей и мечтаний.

— Леша?

— Что?

— Ты меня слушаешь?

— Слушаю, а что?

— Ну и что ты думаешь?

— По поводу?

— Я тебе уже третий раз об этом говорю. Ты где витаешь? Яблоню будем подпиливать?

— Какую?

— Господи! Да ту, что к Титовым перевесилась!

— Ты знаешь такую Екатерину Валентиновну? — вместо ответа спросил он мать. — Она на Песочной живет. В девятом доме. Такой весь потертый.

— Это Островскую? Знаю, конечно.

— Ну?

— Что «ну»? Леша, так что с яблоней будем делать?

— Я с ней сегодня в электричке ехал. Странно, что я ее до этого дня не встречал. Мы здесь уже восемь лет, и никогда раньше ее не видел.

— Так она здесь не каждый год живет. У них еще под Псковом есть участок. Я с ней близко не знакома. Говорят, что травница она. Потомственная. Язву желудка и почечнокаменную болезнь может вылечить своими чаями. Не верю я этим травам и разным шарлатанам. Может, просто подпилим те ветви, которые за забор полезли, как ты считаешь? Чтобы к Титовым наши яблоки не падали. А, Леша? Что ты как воды в рот набрал?

— Устал я, мама.

— Устал? Иди, полежи в моей комнате, там сейчас хорошо, прохладно.

— Нет. Я лучше домой поеду.

— Домой? Ты же хотел остаться до воскресенья! А морковку сажать и лук? Мне одной предлагаешь? Какой хитрый.

— Мама, ты прекрасно справишься сама. Завтра лук, послезавтра — все остальное. А мне ехать надо.

— Ну вот, только приехал... Эх ты, помощник. А в городе что?

— В городе у меня встреча. А с кем, пока секрет. Я поеду.

— Ну, если секретная встреча, то езжай. Смотри не напейся, как тогда со своим Пахомовым.

— Не напьюсь, не беспокойся. Сегодня другое.

И Маресов уехал домой. Хотя еще утром собирался провести в Ириновке все выходные.

Он поехал «пробовать» мазь. Он поверил. Баночка, которую он пока не открывал, лежала у него в кармане брюк, завернутая в носовой платок. Его, естественно, подмывало посмотреть, на что эта волшебная мазь похожа, но возможности уединиться не было — рядом с ним на участке постоянно присутствовала мать.

Электрички в город шли пустые, Маресов устроился под опущенным окном и снова погрузился в мысли и мечты. Ничего особенного не думалось и ничего особенного не мечталось, но тем не менее у Маресова было чувство, что он стоит на пороге чего-то очень для себя значительного и важного.

За окном тянулись садоводства, огороды, участки и желтые от одуванчиков пустоши. На участках копошились люди, подставив под сползающее к горизонту солнце свои белые плечи и спины. В одной из луж Маресов заметил купающихся мальчишек. «Жизнь торопится», — вспомнил он.

В городе Маресовы жили на Ланском шоссе, и к себе в квартиру Маресов вошел уже в начале десятого вечера. Волнуясь и слегка боясь предстоящего. От волнения ему не хотелось ни пить, ни есть, и поэтому Маресов сразу забрался под душ, чтобы всего себя хорошенько вымыть.

После душа он, накинув на голое тело халат, сел на кухне и стал рассматривать баночку. «Калуга... “Вазелин”... цена 5 коп... ОСТ 18-91-72». Баночка ничем не пахла и была такой легкой, что казалась пустой. Чтобы

ее открыть, Маресову пришлось повозиться — половинки склеились, и их было никак не подцепить. Маресов нашел ножницы и с их помощью отлепил крышечку.

«Как драгоценную раковину вскрываю, блин!»

В банке помещался небольшой бурый сгусток, напоминающий солидол или засохшую мастику. На ощупь вещество было вязким. Оно сразу промялось под мизинцем Маресова. Он понюхал и мазь. Она пахла сковородкой, на которой недавно что-то жарилось. Не то свинина, не то баранина. Еще в состав источаемого жирного аромата входила явная парфюмерная примесь. Маресов вспомнил, что так пахнет гигиеническая помада. Мизинец запаха не перенял.

Поставив мазь на стол, Маресов сходил за ваткой и лосьоном после бритья. Теперь все было готово.

Маресов оголился и посмотрел на свой пах. Потом приставил безымянный палец к своему маленькому члену.

«Смотри-ка, один в один! Ну дает старушка!»

Примерившись, как удобнее держать, Маресов ухватил крайнюю плоть пальцами левой руки, оттянул ее и поднял свой аппаратик, ставший от этой манипуляции длиннее, чем был на самом деле.

«Хотя бы таким стал, уже было бы нормально».

С той стороны члена действительно темнело похожее на шов кожное уплотнение.

«И здесь она была права. Значит, мазать по нему».

Набрав побольше воздуха, Маресов затаил дыхание и указательным пальцем правой руки подцепил немного вязкой мази.

«А вдруг сейчас жечь начнет? Вот будет номер».

Но жечь не начало. Не было вообще никаких особенных ощущений — как будто он мажет себя густым темным кремом. Мазь легко втиралась в шов.

Первая ее порция кончилась на половине пути к спрятанной в коже головке. Пришлось подцеплять еще. Кое-что попало под ноготь, но основная масса была на подушечке пальца. Маресов вновь затаил дыхание и продолжил.

Уже в самом конце Маресову потребовался глоток воздуха. Он выдохнул, затем вздохнул и... И в этот момент кожа крайней плоти выскользнула из вспотевших от волнения пальцев. Маресов автоматически перехватил член правой рукой. От этого судорожного и неосторожного движения немного мази попало в щелку мочеиспускательного канала. Совсем немного. Так что, когда Маресов снова оттянул кожу левой рукой и задрал член, оставшейся мази вполне хватило, чтобы замазать его полностью.

Маресов постоял немного в прежнем положении, подождал, пока впитается мазь, потом разжал пальцы и тщательно протер их лосьоном, не забыв про ногти. Затем он осторожно надел халат.

Баночка с мазью была завернута в полиэтилен и спрятана за книги («Война и мир»), в надежной неприкосновенности пылящиеся на книжной полке.

Пока Маресов убирался, он все время прислушивался к своим ощущениям. Но ощущений не было. Член не жгло, не щипало, не покалывало и не грело. Он, как обычно, вообще не чувствовался. Единственным, что давало о себе знать, было чувство сильной усталости, которое не имело прямого отношения к мази и легко объяснялось пережитым нервным напряжением и дневными дачными работами на участке. Поэтому Маресов в этот вечер ничего больше не делал, а просто лег спать. Спал он в чистых трусах, стараясь лежать на спине.

Утром, проснувшись, но еще не открыв глаза, Маресов вспомнил свою возню с мазью и членом. Сейчас это показалось ему страшной глупостью и бредовыми

издержками своей излишней доверчивости. Тем более что член — он засунул руку в трусы — оставался прежним. Жалким и маленьким.

«Зря я всю эту хрень затеял. Надо было оставаться на даче. Или хотя бы пива вчера попить».

Маресов попытался заснуть опять, но это не получилось — мешали мысли о мази и старухе. Тогда Маресов встал и пошел в туалет. Член оставался без изменений. Мазь впиталась бесследно.

«Ну и хрен с ним!»

Маресов позавтракал и вышел на улицу. Солнце пробиралось сквозь ярусы клейкой и пахучей тополиной листвы и выпаривало с тротуаров и травы ночную влагу. Ветра не было, поэтому казалось, что птицы щебечут на повышенной громкости. Все вокруг Маресова было пронизано полусонной скукой.

Побродив по двору, Маресов вышел на проспект. На проспекте было пыльно, шумно и пахло бензином. Делать было абсолютно нечего.

Маресову захотелось пить.

«Надо было оставаться на даче, блин!»

Он зашел в гастроном и купил себе бутылочку холодной газированной «Бонаквы», показавшейся Маресову необыкновенно вкусной. И тогда он купил себе еще одну. Эффект повторился. Колючая вода, вливаясь в Маресова, снова доставила ему большое удовольствие. Вначале он не придавал значения этому обстоятельству, но когда через несколько минут, отрыгивая газы, Маресов снова почувствовал жажду, то понял — в нем начался какой-то процесс.

В общей сложности в этот день он выпил около шести литров воды. Холодной, газированной воды, за которой приходилось периодически бегать в магазин. Ни есть, ни в туалет Маресову не хотелось. Ему хотелось только пить.

Странным было и то, что живот от выпиваемой воды не раздувался. Она как будто рассасывалась в неизвестном направлении. Глотнул, походил и снова почувствовал потребность глотнуть.

Постоянная жажда и ее регулярное утоление вытеснили все остальные занятия. Так, оказался ненужным Интернет, обычно развлекающий Маресова по выходным, потому что Алексей не смог играть по сети в свои стрелялки, требующие стопроцентной отдачи. Еще он не поехал к Пахомову, чтобы у того не возникали ненужные вопросы и не было повода для шуток: ему только дай, уже не отстанет. Телепередачи особого смысла смотреть тоже не было — частые выходы в магазин за очередным запотевшим пузырем «Бонаквы» создавали невосполнимые пропуски. Когда Маресов возвращался, то уже не мог понять, что теперь показывают и о чем идет речь. Он, конечно, мог бы запастись газировкой впрок, но подлость заключалась в том, что каждая выпитая бутылка (он покупал теперь полуторалитровые) казалась последней. И к тому же для лишней емкости в холодильнике не было места, а хотелось именно щекочуще-ледяной влаги.

В течение этого странного дня Маресов несколько раз рассматривал свою письку. Она оставалась в прежнем состоянии.

«Может, я просто чего-то соленого объелся? Но когда? Полная хрень!»

К вечеру жажда стихла. А уже часов в десять вечера ее как отрезало — на воду он не мог смотреть. Но странности не закончились — Маресову с такой же неудержимой силой захотелось спать. Рот его раздирался зевотой, глаза застилало слезами, а голову изнутри точно набили ватой, которая сдавила и обездвижила все мысли. Он даже не разделся, а прямо в штанах и рубашке повалился поверх одеяла и мгновенно вырубился.

На следующий день все повторилось снова: когда солнце вышло в зенит, Маресову захотелось пить, когда оно закатилось, жажда сменилась страшной сонливостью. При этом там все оставалось без видимых сдвигов.

Когда в понедельник Маресов пошел на работу, то был очень на себя сердит за бездарно проведенные выходные. И вот тогда на работе, в туалете, он увидел, что чудо свершилось! Чудо произошло. Мазь сработала. Ура!

Вынимая из ширинки член, Маресов заметил, что он стал толще и длиннее. Таким, каким он становился, когда «вставал». Но, в отличие от эрегированной жесткости, пенис был мягок и податлив. Его можно было повернуть в любую сторону, сложить. Им можно было потрясти, через него можно было, не напрягаясь, пописать. И при этом никакого возбуждения, вызывающего кровавой прилив, никакой эротической окраски настроения.

Переполненный восторгом Маресов вернулся на свое место («Расчетная группа» в ЦБКиДе) и нормально работать уже, естественно, не мог. Он чувствовал сильнейшую потребность поделиться своей радостью, но при этом прекрасно понимал, что ни с кем этого делать не будет — он в заточении секрета. Даже Пахомову, который работал с ним в одной конторе, Маресов не собирался ничего рассказывать. Слишком всё было интимно и деликатно. Еще по поводу Пахомова вертелась лукавая мысль: а вдруг, узнав историю, и он попросит мази?

Еще несколько раз до конца рабочего дня Маресов ходил в уборную и любовался своим детородным органом. Он оставался таким же увеличенным. Это не проходило.

Вернувшись домой, Маресов первым делом измерил с помощью линейки происшедшие изменения. Длина его отростка в висячем положении была девять с половиной сантиметров. После замеров Маресов решил

приставить к члену безымянный палец. Головка выступала вперед пальца на целую головку. Ура!

Так для Маресова началась счастливая пора.

Через неделю длина члена была уже двенадцать сантиметров. Причем увеличение размеров происходило удивительно пропорционально: пенис не только вытягивался, он также и толстел. Вдобавок мошонка под ним стала крупней и мощней. Только волосы оставались прежние — мягкие, темные, негустые завитки. Но так даже было красивее.

Маресов не предполагал, насколько соблазнительной и приятной окажется эта тема. Знак перед которой диаметрально поменялся.

Пользуясь одиночеством проживания, Маресов иногда ходил по квартире без трусов, поглядывая на разные ракурсы отражения: в трюмо, стеклах серванта, в зеркальце ванной.

В один такой момент у него появилась идея проверить длину своего аппарата в боевой готовности. Он долго боролся с этим искушением, но искушение победило. Сдавшись, Маресов еще немного покругил вокруг компа, потом сел, набрал слово «влагалище» и ткнул «Картинки». Картинок было не менее тысячи. И все разные. Но все с одним общим качеством — они неистово возбуждали.

Маресов поедал глазами предельную женскую обнаженность и растопыренность и чувствовал, как там у него все растет и крепнет. Набухая, вытягиваясь и наливаясь кровью. И переживание этой поднимающей голову силы было мучительно сладостно.

Результат превзошел все ожидания. Немного изогнутый, как будто выгнулся от удовольствия, перевитый венами стержень и блестящая багровая шишка давали двадцать шесть сантиметров! Целых двадцать шесть сантиметров горячего напряжения! Двадцать шесть!

«Вот это да! Вот это да! Вот это хрень!»

Маресов встал и подошел к зеркалу. Зрелище было восхитительным. Особенно сбоку. Из Маресова торчало упругое гигантское чудо. Маресов потрогал его, обхватил. Кулаку моментально стало тепло. Он обхватил еще раз повыше. Потом пониже.

До греха не дошло — позвонила мать Маресова и попросила привезти жидкость от сорняков и растворимый кофе. Короткий разговор с матерью Маресова отрезвил. Он перестал себя дразнить, свернул «влагалища» и пошел под душ остужаться.

Эрекция оказалась под стать размерам: член очень долго принимал нормальный вид, и хотя уже так воинственно и победоносно себя не демонстрировал, еще какое-то время бедро Маресова чувствовало его плотное длинное прикосновение.

* * *

В субботу днем Маресов поехал к матери в Ириновку. Основной народ уже свалил за город рано утром или накануне, поэтому ехалось легко и с удобствами. И вообще, с того момента, когда Маресов обнаружил начавшееся фантастическое изменение своего полового органа, все у него делалось легко и удобно. Он чувствовал себя исключительным. Необыкновенным и могучим. И это окрыляло.

В вагоне ему понравилась девушка, сидевшая к нему лицом через скамейку по диагонали. Ничем особенным она не отличалась, но Маресова притянули декольтированный вырез ее кофты и длинные пальцы с наращенными ногтями, которыми девушка держала яблоко. Как показалось Маресову, она вполне могла быть студенткой. Половину дороги он разглядывал попутчицу,

а когда, придумав подходящий вопрос, решился к ней подсесть, девушка встала и вышла.

«Ничего, скоро такие в очереди стоять будут. Молодец бабулька!»

Вспомнив о бабушке, он решил к ней заглянуть, чтобы поблагодарить, но домик оказался пуст, и сколько Маресов ни стучал в дверь, никто на стук не откликнулся.

У матери Маресов остался на ночь, решив, что солнце и свежий воздух могут благоприятно подействовать на его организм, требующий, по его мнению, дополнительной энергоподпитки. Хотя рост члена никак не отражался на общем состоянии Маресова: голод его не мучил, жажда больше не изводила, не хотелось дополнительных порций мяса, сметаны или других содержащих белок продуктов.

Может быть, так совпало, но пребывание на свежем воздухе и солнце дали свой результат. Когда в воскресенье вечером Маресов произвел замеры, то оказалось, что произошел прирост еще почти на сантиметр.

И тогда он не удержался. Тогда Маресову захотелось собой похвастаться. Похвастаться перед Пахомовым, пусть знает! Для этого он согласился пойти с ним в бассейн и сауну.

Раз в неделю уже второй год Вова Пахомов ходил в бассейн. И каждый раз приглашал с собой Маресова. И каждый раз Маресов отказывался. Это уже стало их игрой:

— А я сегодня иду кровь разгонять. Ты как, со мною? — улыбаясь, начинал Пахомов.

— С тобой, Вова, хоть в ядерный реактор, но бассейн не люблю. Я же — «огонь», ты знаешь.

— Будет тебе и огонь, Трелковкий. После плавания мы посидим в сауне. А?

— Нет, я не любитель экстрима. Иди один.

— Одному скучно.

— Вот в этом-то вся причина.

— Ну, пойдём, Леха! Причина в твоей жадности. Тебе жалко четыреста рублей за билет. А ты купи абонемент, как это сделал я. Колоссальная скидка. От этого и вода кажется теплой, и сауна суше. Пошли! Разомнешься, разгонишь кровь, взбодрись. С какой-нибудь девушкой познакомишься.

— Давай так: когда ты сам познакомишься, тогда и я пойду.

— Ради этого сегодня же подпишу любую.

— Вот тогда в следующий раз я с тобой.

Через неделю повторялся похожий разговор. Через неделю — снова. А в этот раз Маресов согласился.

— Ты что, серьезно?

— А ты?

— Я серьёзен всегда, даже когда шучу. Ты на самом деле пойдешь?

— Да, Вовчик, я дозрел. С удовольствием поплаваю и попарюсь. У нас на даче уже купаются в пруду. Я посмотрел, и что-то мне тоже захотелось водной стихии. Идем.

И они пошли.

Уже в душевой перед бассейном Маресов заметил на себе изумленный взгляд Пахомова. Тот ненадолго замер, увидев, какого гиганта носит между ног Маресов, но у него хватило самообладания, чтобы отвернуться и сделать вид, что ничего не произошло.

Зато в сауне, после того как они побарахтались на дорожках, Маресов получил настоящее наслаждение: Пахомов, уже не скрываясь, смотрел на мошонку и член Маресова, которые крупными самостоятельными фрагментами лежали у него на бедрах. Это был триумф — завистливо-восхищенный взгляд в сочетании со смущенным выражением пахомовского лица.

Чтобы окончательно не смутить приятеля, Маресов недолго демонстрировал свое богатство и прикрыл все полотенцем, тем более что чувствительную кожу на чуть сморщенной от жары головке начало жечь.

После бассейна они сидели в «Теремке», пили клюквенный квас и ели блины.

— Да, брат Трелковский, поразил ты меня, поразил.

— Чем? Тем, что так плохо плаваю?

— Да нет, не плаванием, Леша, не им. Плохо плавают у нас миллионы. — Пахомов помолчал. — А вот... А вот Шварца такого иметь не каждому дано. Не думал. Честно говоря, не предполагал, что у тебя... Ну, ты понимаешь, о чем я. Мы с тобой не бабы, чтобы про сиськи-письки разговаривать, но скажу я тебе — это сила! Даже меня впечатлила. И ты до сих пор не женат. Ты у нас холостой! Это с такой гаубицей. Парадокс! Не понимаю, как это можно? Трелковский — потомственный холостяк, мда-а... А с другой стороны, можно выбрать, какую захочешь. Не беспокоит?

— Что?

— Сила?

— Как-то особо не замечал.

— Ну ладно, всё! Больше об этом не будем. Но я тебя, мужик, зауважал, в натуре. Ты вырос в моих глазах, бля буду.

Они замолчали и стали есть. Но Пахомов успокоиться не мог.

— Тебя с Натальей Павловной надо познакомить, — сказал он через минуту. — Ей-богу, она оценит тебя по достоинству.

— Это кто?

— Натунчик? Да есть здесь одна неприступная озабоченность. В аккурат для твоего Шварца. Хочешь контакта, Лелик? Не пожалеешь.

Так Маресов познакомился с Натальей Павловной, или, как ее величали самые близкие, Натунчиком.

Маресов и не предполагал, что у Пахомова могут быть подобные знакомые. На работе они большей частью говорили о работе. После работы иногда вместе пили пиво и ходили на хоккей. Общение по телефону, как правило, сводилось к обсуждению планов на выходные и определению времени и места встречи. У Пахомова были бывшая жена и дочь. Это Маресов знал. После развода Пахомов уже несколько лет жил в однокомнатной квартире на Гражданке. Это Маресову тоже было отлично известно. Еще Пахомов любил злокачественно пошутить. И это не являлось тайной. Но вот о том, что у него есть небольшая компания «одиноких интеллектуалок», Маресов даже не догадывался. На такие темы они не разговаривали, потому что не было общей почвы. А тут Натунчик...

Она жила недалеко от Пахомова, когда-то училась в одной с ним школе. Только Натунчик была на три класса старше. Как понял Маресов, когда они с легким угощением направлялись к ней в гости, с Натунчиком у Пахомова были исключительно приятельские отношения. Они могли встречаться и с такой же легкостью могли не встречаться. Всё дело было в настроении Натальи Павловны.

— Чудачка. Но чудачка интересная. С ней никогда не скучно. Пьет только сухое красное вино. Но главная ее особенность не в этом.

— А в чем?

— Придем — увидишь. Кустодиев отдыхает! С мужчинами раскована, но избирательна. Если ее зацепило, даст понять сама. Говорят, баба — огонь. Твоя стихия. Будь естественен и раскован. Хочешь говорить — говори. Захочешь молчать — молчи. И не дрейфь.

— А я и не дрейфлю.

— И не надо. Тем более что я о тебе уже кое-какую информацию заслал.

— Это какую?

— Что ты — отличный пловец. И еще любишь танцевать.

— А разве я люблю танцевать?

— Нет. Танцевать любит Натунчик.

Кустодиев действительно отдыхал. Наталья Павловна помещалась в таких округлых и объемных формах, что Маресов, когда они знакомились, почувствовал себя лилипутом. Она была выше его на голову, и на ее коленях могло спокойно поместиться четыре Маресова. По двое на каждой ноге. Груды Натунчика, упрятанные в поддерживающий их бюстгальтер, гипнотизировали своим грандиозным объемом и шарообразностью. Руки, плотно обтянутые темной кофточкой, могли вызвать зависть любого качка. Но когда она улыбнулась, то уничиженная скованность и страх Маресова мгновенно прошли, потому что лицо Натальи Павловны стало очень веселым и приветливым. И Маресов тогда понял, что оно красиво.

— Вот, Наталья Павловна, наш Трелковский, — представил Пахомов, когда они немножко потолкались в передней. — Зовут его Алексей, можно по-свойски — Алексей Борисович или еще проще — господин Маресов. Но лучше официально. А это, Леша, наша дорогая Наталья Павловна. Канцелярская крыса, работающая в районной библиотеке. Эрудит чрезвычайный. Не хуже Вассермана. Он, выдаю семейную тайну, ее сводный брат. Прошу любить и жаловать.

— Хватит принужденно хохмить, Пахомов. Ты в своих шутках настолько однообразен, что от тебя веет скукой сильнее, чем твоим пошлым дезодорантом. Если будешь продолжать в том же духе, я тебя выгоню. И тогда

Алексею Борисовичу в одиночку придется развлекать двоих изнывающих от безделья дам. Таня еще не подошла, но подойдет с минуты на минуту. Проходите, Леша, и не бойтесь меня. Рада, что пришли.

Вечер сгорел, как свечка в торте, — незаметно и быстро, последовательно пройдя по всем пунктам программы. Вначале они просто разговаривали. Потом пришла худая и юркая, в узких, как танковая смотровая щель, очках, не очень молодая Таня. Потом они снова разговаривали и пили вино — красное и терпкое. Потом, когда немного попривыкли друг к другу, все расслабились и продолжили пить вино и разговаривать. Но при этом произошла легкая дифференциация: Маресов образовал нечто вроде молекулы с Натунчиком, а Пахомов — с предназначенной ему юркой очкастой Таней.

За этот период Маресов успел заметить, что при всей крупногабаритности фигура Натальи Павловны удивительно пропорциональна. И это каким-то образом его щекочет. Но он так и не понял, благоволит к нему Натунчик или нет. Беседуя с ним, она никак не показывала своего женского отношения к нему. И это раздражало.

— А почему вас Трелковским зовут? Вы же Маресов.

— Это старый прикол Пахомова. Был такой персонаж у Романа Поланского. Смотрели его «Жилец»?

— Конечно. Шикарный фильм. Растворимость личности. Теперь я поняла. Зло, но, извините, точно. Меня тоже не милуют. И «мадам Грицацуева», и «муза Рубенса», и еще похлеще. Я к чужим реакциям уже давно толерантна. Главное, нравится самому себе, верно?

— Верно.

— Давайте за это выпьем.

— Давайте.

Должно быть, и к вину Натунчик была толерантна, потому что количество выпитого никак на ней не

отражалось. Она как была приветливо спокойна и скоординирована, так такой и оставалась. А вот Маресов слегка захмелел. А захмелев, окончательно расслабился. И когда стали танцевать, он без всякого стеснения обхватил корпус Натальи Павловны и стал с ней вращаться в тесноте заставленной книжными стеллажами комнаты, в которой все расположились. Лицо Маресова оказалось на уровне натунчиковой груди, и он иногда в нее втыкался, чувствуя и удивляясь упругости телес.

И вот во время танца он понял, что Натунчик к нему благосклонна. Это угадывалось по тому, что она очень осторожно и деликатно стала к нему прижиматься, нежно поглаживая при этом его узкую спину...

Когда Таня и Пахомов ушли, он остался. Когда он остался, произошло его соитие с Натунчиком и испытание преображенного орудия наслаждения.

Полный, абсолютный, совершенный, грандиозный, потрясающий триумф! Но потрясенной была не только изнемогшая от экстаза Наталья Павловна, получившая полное, абсолютное, совершенное и грандиозное удовлетворение. В такой же степени был потрясен и сам Маресов.

Его оргазм, длившийся не менее минуты, кроме небесного блаженства от выплескиваемого в глубины Натунчика семени дал ему довольно горький опыт: все силы Маресова, весь его потенциал были выжжены. У него заломило в затылке, что-то стало журчать в позвоночнике, а в точке под обмякшей величественной мошонкой стало холодно. И немного придя в себя, вялый и сонный Маресов понял, что обладает настолько мощным оружием, что пользоваться им нужно очень осторожно и, по возможности, нечасто. Насколько нечасто, они с Натунчиком определили опытно. Оптимальный интервал их страстных встреч был не менее десяти дней.

Июнь и июль Маресов и Наталья Павловна занимались любовью, удивляясь их взаимному идеальному соответствию. Соответствию темпераментов и, прежде всего, размеров. Но потом на горизонте плотского счастья появились грозные тучи.

Член продолжал расти. И то, что совсем недавно приносило Маресову радость и вызывало восторг, теперь стало вызывать тревогу и нести страх: что будет дальше?

А дальше прибавляющий по миллиметру (как в длину, так и в ширину) в день, разбухающий член Маресова стал причинять Наталье Павловне боль. А к началу августа перестал в нее помещаться. Проникновение в вагину стало невозможным. Головка пениса не могла войти и упиралась в растянутые до предела *labia minora pudendi*.

Да и в обычном своем всячем состоянии член Маресова стал причинять ему определенные неудобства. Он не помещался в трусах, теснился в брюках и мешал быстро ходить. Теперь он походил на загорелый перезревший банан. Тяжелый и длинный.

Всё зеркально отобразилось. Отныне Маресов снова не мог соединяться с женщинами по причине размера своего героя и также за него стыдился.

Несколько раз, приезжая в Ириновку к матери, он пытался найти Екатерину Валентиновну, чтобы выяснить, как остановить непрекращающийся рост своего гиганта, но ее почему-то не было. В электричке Маресов уже не смотрел беспечно в окно. Он высматривал среди едущих с ним пассажиров пропавшую неизвестно куда бабульку.

А член рос. Медленно, но упрямо. Причиняя все больше и больше неудобств. Если Маресов мочился, то ему приходилось, как в детском саду, спускать трусы и брюки до колен, потому что быстро вынуть пенис из ширинки стало нереально. Если Маресов испражнялся,

то приходилось следить за тем, чтобы головка не касалась холодного унитаза. Если он садился, то нужно было сделать несколько подготовительных движений, расправляющих складки чувствительной мошонки, ставшей увесистым мешком.

И вот тогда Маресов решил пойти к врачу.

У него было два посещения поликлиники. Один раз он показывался хирургу, второй раз — урологу. Эти визиты, кроме сожаления и отвратительных воспоминаний, ничего ему не дали. Доктора (тетка-уролог и дядька-хирург) осматривали, охали, ахали, задавали глупые вопросы, посылали на рентген и к заведующим отделений, но ничего путного не посоветовали. При осмотрах Маресова присутствовали любопытные сестры, и он слышал знакомые, ранящие сердце смешки.

Встал вопрос: «Что делать?»

И ответ на него дал, как ни странно, Пахомов. Как-то, когда они шли после работы к метро, мимо них прошла, распространяя запах пота, высокая полная тетя.

— Кстати, Леха, ты давно не видел Натунчика?

— Да уже недели две.

— Это, конечно, не мое дело, но как у вас?

— Что?

— Ну... это. Всё в порядке? А то мне Натунчик недавно позвонил. Такой грустный. Вы что, как это принято у джентльменов, расстались?

— Не знаю. Пока не встречаемся.

— Станный ты, Трелковский! Нашел себе бабу, да такую, что всем бабам баба, а теперь «не встречаемся». Мне бы твои возможности и оснастку. Я бы... Эх, пойти, что ли, и увеличиться?

— Ты о чем?

— Да всё о нем. Что сейчас только за деньги не делают: и грудь накачивают бабам, и концы мужикам

вытягивают. Только плати. Тебя-то эти мелочи мало волнуют, а вот нас, простых инженеров, заманивают.

— И что?

— А то, что есть десятки способов сделать из сосиски колбасу. Массажем, вакуумной помпой, хирургически. Были бы гроши.

— А где?

— Что ты как с Луны свалился! Полно всяких контор. Посмотри в Интернете, если интересно. Тебе бы к ним в рекламу пойти. Поднялся бы. «Наш Трелковский! Чудо за два сеанса!» А, Маресов?

И точно, контор было полно. Когда Маресов на этот предмет прошелся по сайтам, то был удивлен количеством медицинских заведений, занимающихся увеличением размеров пенисов, влагалищ и молочных желез, а также способов, инструкций и рекомендаций по превращению малого в Великое.

Из всего многообразия он выбрал Центр гендерной медицины «Макрос», помимо прочих мудреных штук с непонятными названиями, занимающийся также и хирургической коррекцией анатомических недостатков. «Макрос» находился в относительной близости от его дома.

Но, вопреки этому, добраться до центра сразу у Маресова не получилось. Середину августа и начало сентября он был завален работой. Начался обычный квартальный аврал, и ему приходилось почти каждый день оставаться сверхурочно.

Сидячее положение за столом, когда член, устроенный в лежачем положении на ноге не беспокоил и не пугал своими габаритами, создавало иллюзию приостановки идущего в нем процесса. Бывало, что Маресов, поглощенный бумагами, вообще о нем забывал. Но он тем не менее рос. И в ширь, и ввысь. Однажды воскресным утром, когда Маресов проснулся после полового акта

с приснившейся ему Натальей Павловной, то обнаружил, что его член, отреагировавший на мозговые импульсы, что называется, «стоит». Коснувшись его рукой, Маресов пришел от этого в ужас. А когда он подошел к трюмо, ему чуть не стало плохо: головка похожего в этот момент на палку твердокопченной колбасы органа глянцево вздулась на уровне его сосков. Диспропорция ошеломляла.

«Всё, мама мия, в понедельник иду к врачу. Или отрежу сам!»

Но в понедельник пойти к врачу не вышло. Как не вышло и во вторник, и еще две недели спустя: у Маресова заболела мать, и ему пришлось перевозить ее в город. Забирая мамашу из Ириновки, Маресов еще раз забежал (выражение фигуральное, потому что член бегать не давал) на Песочную улицу к Екатерине Валентиновне. Но, к его злой досаде, старухи не было.

Возня с матерью и работа не позволяли приступить к решению проблемы. Единственным, что смог сделать Маресов, чтобы как-то облегчить свое положение, была покупка тренировочных штанов и брюк большого размера, позволяющих скрывать от других болтающееся при ходьбе чудовище. Находящееся, к счастью, в пассивном состоянии. Мошна, содержащая в себе миллиарды сперматозоидов, на удивление, не мучила. Маресов был так подавлен, что и не думал о женщинах. Поэтому ни полового возбуждения, ни вызванного им томления у Маресова не было. И, как следствие, не было и пугающих эрекций.

Семейные заботы (магазин, посильная готовка, символическая уборка квартиры) и ощущение беды, которое иногда наваливалось на Маресова, отключили его от окружающего мира. Он видел, слышал, но не замечал. Осень зажелтела, пожухла и начала редеть. Стало мокрей, холодней и темнее. И если раньше Маресов реаги-

ровал и переживал по поводу приближения неизбежной грязи, предваряющей мертвый зимний сезон, то сейчас ему было на это наплевать. Он стал раздражительным и нервным от того, что чувствовал себя пойманным и обреченным. А помочь себе никак не мог. И не мог, в силу обстоятельств, обратиться за помощью к другим.

* * *

В «Макрос» он попал только в начале октября. Первый визит был наполовину холостой, потому что первая консультация дозировалась и регламентировалась записью. И Маресов, не попав на прием, смог лишь занять невидимую, но реальную очередь. Встреча с «ведущим специалистом» состоялась лишь девятого числа.

Разговор и осмотр проходил в маленьком уютном кабинете с лежаком, растопыренным гинекологическим креслом и яркой многоглазой лампой над ними. При входе слева в кафельной раме белел умывальник, а в тени пряталась ниша. Справа выставила рога вешалка.

Доктором оказался улыбчивый молодой субъект с тихим голосом и выражением лица, гарантировавшим хранение тайны. Звали его Вячеслав Игоревич.

Несколько минут Маресов мялся, не зная, с чего начать. Потому что преследуемая им цель была радикально противоположной целям, в достижении которых помогал «Макрос». Он долго покашливал и шуршал бахилами, прежде чем открыл пересохший рот. Ему очень хотелось быть правильно понятым и верно истолкованным при минимуме личной информации. Глубинное десятое чувство подсказывало ему, что о встрече с Екатериной Валентиновной и ее мази упоминать не надо. А что рассказать взамен, он придумать не мог и очень жалел о том, что не догадался сделать этого заранее.

Свою историю Маресов начал с рассказа о приступе жажды. Потом сбился, потом чуть не заплакал. Его невнятный монолог был прерван предложением невозмутимого Вячеслава Игоревича:

— А вы покажите.

И он показал.

Вячеслав Игоревич крикнул, мгновенно извинился и натянул перчатки. Осмотр проходил в полном молчании. Иногда Вячеслав Игоревич сопел, иногда кашлял, но ни одного слова не проронил. Из чего Маресов понял, что дела его плохи:

— Так вы сможете мне помочь?

— Естественно, — бодро ответил врач. — Естественно. Мы в состоянии оказать квалифицированную помощь практически всем нашим пациентам. Но хочу вам сразу сказать, что случай ваш экстраординарен и требует дополнительного исследования, подготовки и времени. Не все, как говорится, сразу. Сколько, вы говорите, это у вас происходит?

— Уже пятый месяц.

— А...

Вячеслав Игоревич задал еще с десяток вопросов, мало чем отличающихся от вопросов, задававшихся Маресову в поликлинике, и после недолгого раздумья подытожил:

— Случай по своей исключительности уникальный. В этом я вас уверяю. Работы предстоит много. Но, как говорится, лиха беда — начало, — он широко улыбнулся. — Беда — лихой конец. От этого мы вас и постараемся избавить. Не беспокойтесь.

— Неужели сможете?

— Стопроцентную гарантию даже Господь не дает. Но мы, как я сказал, постараемся.

И он согласовал с повеселевшим Маресовым день и час приема.

Несколько дней до следующего визита в «Макрос» Маресов, возносимый зароненной в него надеждой, летал. А накануне не мог заснуть половину ночи.

Когда он вошел в кабинет, то сразу увидел, что Вячеслав Игоревич не один. Рядом с ним за столом сидел седой плотный мужчина в костюме.

— Я не помешал?

— Нет, нет! Заходите, Алексей Борисович, мы вас ждем. — Вячеслав Игоревич заулыбался, вышел из-за стола и, подойдя к Маресову, как приятелю, пожал ему руку. — Прошу вас познакомиться.

Плотный мужчина тоже поднялся, тоже улыбнулся и тоже, как приятелю, протянул Маресову руку:

— Голуб Андрей Андреевич.

— Андрей Андреевич — доцент кафедры экспериментальной хирургии, — уточнил Вячеслав Игоревич, — мы специально пригласили его для консультации по вашему случаю, надеясь на то, что его опыт и знания помогут нам определить оптимальные методы вашего, будем говорить, лечения. Предлагаю сейчас взять небольшой тайм-аут, выпить чаю и немного побеседовать. Хотите чай, Алексей Борисович?

Маресов чаю не хотел, но отказаться постеснялся.

— Отлично! Прошу вас! — И Вячеслав Игоревич распахнул находящуюся в нише дверь, которую в первый визит Маресов не заметил.

Алексей, еще не совсем понимающий, что происходит, оказался в узком помещении с диваном и креслами, окружившими низкий черный столик, на котором стояли чашки, чайник и раскрытая коробка с конфетами.

— Наш мини-конференцзал. Располагайтесь.

Маресов сел на диван, Голуб и Вячеслав Игоревич — в кресла.

— Вам с лимоном?

— Да, — ответил Маресов, хотя лимоны не любил.

«Что им надо?»

— А вам, Андрей Андреевич?

— Спасибо, цитрусовые не люблю. Я, с вашего позволения, с конфеткой.

Пока доктор разливал чай, Голуб пожаловался на автомобильные пробки. Потом они, поглядывая на Маресова и тем самым приглашая его участвовать в разговоре, поговорили о погоде, приближающейся эпидемии гриппа и последних спортивных новостях.

— Уважаю горячий и крепкий, — глотнув из чашечки, похвалил доцент и без переходов начал: — Алексей Борисович, мне Вячеслав Игоревич уже в общих чертах рассказал о вашей истории. Случай если не уникальный, то очень и очень интересный. И, скорее, не с бытовых или эстетических, а со строго научных позиций. Сейчас, как вы прекрасно понимаете, медицинская наука шагнула очень далеко, и горизонты ее возможностей если не безграничны, то очень широки. Я говорю это вам для того, чтобы вас успокоить и сразу заверить, что ваше желание привести свои гениталии в норму осуществимо. Вполне. За недельку-другую Вячеслав Игоревич вернет вам прежний стандарт, и уже через месяц вы забудете о курьезе и станете жить, как жили до этого — без неудобств и комплексов. Это в наших силах и наша обязанность. Но... — Голуб сделал еще глоточек. — Но, Алексей Борисович, как ученый я настолько заинтригован и мотивирован, что хочу обратиться к вам с предложением. Да вы расслабьтесь, Алексей Борисович, — Голуб снова глотнул и улыбнулся. Улыбнулся и Вячеслав Игоревич. — Как человек, отдавший полжизни науке, я не могу безучастно пройти мимо вашего случая. Просто не могу. И вы должны меня в этом понять. Не прибегая ни к каким способам воздействия на ваше свободное

решение, я предлагаю вам принять участие в небольшой исследовательской программе нашего института и выделить немного своего времени, чтобы мы смогли, не без пользы для остальных, я имею в виду лучшую половину человечества, то есть нас — мужчин, провести ряд исследований вашей патологии. Вы меня понимаете? Это же естественно. Тем более что, по всей вероятности, вам все равно придется обращаться к нам. Хотя бы потому, что квалификация персонала и оборудование «Макроса», в силу его конкретной целевой направленности, не в состоянии произвести адекватное хирургическое — без операции, как вы можете судить, не обойтись — вмешательство. Согласитесь.

— Что от меня требуется? — спросил Маресов, не понимая ни слова.

— От вас не требуется абсолютно ничего. Вы можете сейчас встать и уйти. Требуется от нас. Требуется оказать вам помощь. Вы ведь за этим обратились в «Макрос»?

— За этим.

— И отлично! Абсолютно верное решение и правильный выбор. Это я говорю не в целях рекламы. И не для того, чтобы польстить Вячеславу Игоревичу, отличному и добросовестному, между прочим, специалисту. Вашу ситуацию нельзя назвать простой. Она экстраординарна. И поэтому я предлагаю вам на время лечения перейти из разряда пациентов в разряд сотрудников. Сотрудников нашей рабочей группы. Я предлагаю вам еще немного потерпеть и, прежде чем исправить дефект, провести с нами всестороннее исследование феномена. А вместе с ним и общее обследование организма. Понимаете? Полная добровольность и информационное согласие. Вы поживете в нашем загородном филиале, находящемся на базе дома отдыха Минздрава, и мы уже не как медики, а как ученые-исследователи попытаемся разобраться

с вашим редким случаем. Тенденции, генезис, эпикриз. Что это? Почему? Какие перспективы? Разве это не интересно? Вы согласны со мной, Алексей Борисович?

— Кхм, да. А сколько времени это может занять?

— Отличный вопрос! На который я честно отвечаю: не знаю. Может быть, месяц, может быть, чуть побольше.

— Да, но у меня работа.

— Ваше пребывание у нас будет официально подтверждено, и вы получите больничный лист, где ни намека, заметьте, ни намека не будет о том, чем вы болели. Даже по системе кодирования информации. Вам еще за это деньги заплатят. Мало того, лечение, на которое вы рассчитываете в «Макросе», не из дешевых. В нашем институте оно еще дороже. Стоимость палаты в сутки в среднем составляет две тысячи триста рублей. Но в случае вашего согласия на сотрудничество и после того, как мы с вами составим и подпишем соответствующий договор, мы будем выплачивать вам суточные! Это станет своего рода вашей работой, за которую вы получите хорошее вознаграждение. Посчитайте. Десять дней — это двадцать три тысячи, двадцать дней — сорок шесть, месяц — семьдесят, и так далее. Разве это плохо?

— Нет.

— И я так считаю. Для вас откроется счет в «Сбербанке», который будет еженедельно пополняться. Разве это плохо?

— Нет.

— Мало того, сама операция, в случае ее необходимости, будет проведена для вас бесплатно.

Голуб снова глотнул чаю:

— Уже остыл. Вячеслав Игоревич, налейте, пожалуйста, мне еще.

Наливая чай, Вячеслав Игоревич обратился к Маресову:

— Подумайте, Алексей Борисович, подумайте. Вам, как шутил Маркс, кроме своих цепей терять нечего.

Маресов и сам отлично понимал, что надо подумать.

— А этот ваш филиал где находится?

— За городом, в живописнейшем, спокойном месте. Парк, белки. Отличное питание, телевизор. Отдохнете, воздухом подышите. Да заодно и науке послужите. Подумайте, Алексей Борисович. Сейчас мы вас осмотрим. А вы думайте. И дома подумайте, а завтра я вам позволю. Каким бы ни было ваше решение, прошу этот разговор оставить между нами. Сами понимаете — научная этика. Ну, приступим, коллега?

Свернув чаепитие, все вышли в кабинет. Голуб облачится в халат, а Маресов спустил штаны и взгромоздился на стол под лампой.

Смотрели на него недолго и молча. Без видимых реакций.

— Как вы и говорили, Вячеслав Игоревич, — завершил осмотр доцент, — прогрессирующий макрофаллос под вопросом. Замечательно. Одевайтесь, Алексей Борисович, мы закончили.

Маресов застегнулся, оставил Голубу свой телефон и поплелся домой.

Может быть, он бы и не принял предложения отправиться послужить науке, если бы не ссора с матерью. Поругались они из-за пустяка, но капитально. Так, что Маресову захотелось уехать из дома хоть на край света, только чтобы какое-то время не видеть и не слышать свою родительницу, глупыми замечаниями и нелепыми требованиями усугублявшую его печаль и тоску. Поэтому, когда позвонил Голуб, он согласился.

— А как же с работой?

— Позвоните и скажите, что вы серьезно заболели. Ведь это так?

— Так.

— Не вдаваясь в подробности. Можете намекнуть, что у вас обнаружили в почках камни. Как я уже говорил, больничный мы вам оформим с любым диагнозом.

— А как быть с матерью? Что ей сказать по поводу моего отъезда?

— Скажите, что до Нового года вас посылают в командировку. Специальную командировку, доверенную именно вам с вашими знаниями и опытом.

— До Нового года? Но вы же говорили, что максимум полтора месяца.

— Пусть будет небольшой временной запас. Скажите своей маме, что платить будут сдельно и очень хорошо. Тогда она сама будет рада такому сроку. Вы же не маленький мальчик, Алексей Борисович. Придумайте что-нибудь в этом роде сами. Тем более что, по сути, все так оно и есть. Версия с командировкой гуманнее, чем отъезд по болезни, как вы считаете? Зачем вашей маме лишние переживания?

— Да, наверное. А когда мне нужно уезжать?

— Я думаю, что в ваших же интересах сделать это как можно скорее. Вы согласны со мной?

— Да.

— И мне не терпится заняться работой с вами. Нам предстоит большая и интересная программа. Давайте завтра?

— Завтра?

— Да. Зачем откладывать на послезавтра или другой день, который все равно обязательно станет этим «завтра»?

— А что мне брать с собой?

— Ничего, если отвечать одним словом. Туалетные принадлежности — в номере, включая бритвенные приборы и зубную щетку. Халат и пижама — там же.

Может быть, книгу, которую вы читаете и хотите дочитать. Кстати, здесь у нас отличная библиотека. Самое главное — это паспорт. Да! Если вы читаете и пишете в очках, не забудьте их.

— Я пока обхожусь без очков.

— Я так и подумал. Вы еще человек молодой. Какие очки? Живи и радуйся. — Голуб сделал паузу. — Значит, договорились?

— Договорились.

— Тогда завтра к одиннадцати мы встречаемся в «Макросе». Если у вас возникнут за это время вопросы, без стеснения звоните. И еще попрошу об одном...

— О чем?

— Перестаньте волноваться, Алексей Борисович. Даже на расстоянии я чувствую ваше напряжение. Все отлично! Считайте, что первый шаг в нужном вам направлении уже сделан. Удачи!

В одиннадцать утра Маресов был в «Макросе» в кабинете Вячеслава Игоревича. В одиннадцать ноль три приехал Голуб, и они (Вячеслав Игоревич вышел) минут сорок составляли договор о «Трудовом соглашении на проведение закрытого целевого исследования 264 В-18». Точнее не составляли, а Маресов заполнял отпечатанные бланки, ставя под каждым пунктом свою подпись и дату.

Вначале Голуб озвучивал позицию, потом Маресов читал ее сам, а после доцент объяснял и комментировал смысл запутанных фраз. Листов договора было несколько, и дословно запомнить его положения Маресов не смог, но общую идею уловил: он соглашается на проведение гибкого экспериментального исследования с посуточной оплатой 2300 рублей в течение срока, определяемого руководителем программы, принимая условия и требования, предъявляемые спецификой

проводимых наблюдений и лабораторных экспериментов, регламентируемых 21-й статьей Конституции РФ, а также обязуется соблюдать правила внутреннего распорядка лечебного учреждения, на базе которого будут проводиться исследования и научные изыскания. Договор был скреплен круглой печатью, вынутой доцентом из своего дипломата, и его размашистой подписью.

— Ну, вот и все. Формальности закончились. Поздравляю вас, коллега. Не удивляйтесь, что я вас так назвал, Алексей Борисович. Теперь это документально подтвержденный факт. Что это вы такой хмурый?

— Я немного волнуюсь.

— Нет никаких причин для волнения и беспокойства. Ободритесь, Алексей Борисович! На вас жалко смотреть. Примите-ка на дорожку успокоительного. Это поможет прийти в себя. Отличное французское средство. Вячеслав Игоревич!

Из ниши тотчас появился Вячеслав Игоревич.

— Вячеслав Игоревич, будьте добры, принесите стаканчик воды нашему коллеге. Алексей Борисович, прекратите хандрить!

Маресов выпил предложенную таблеточку, простился за руку с Вячеславом Игоревичем, и они с Голубом покинули «Макрос».

Выйдя на улицу, Голуб указал на роскошный лакированный «Лексус»:

— Прощу! Паспорт с собой не забыли? Привычная формальность.

— Нет, вот он.

— Не доставайте, потом. Усаживайтесь удобней — и в добрый путь!

Пока ехали по городу, Маресов еще держался, но когда выбрались на кольцевую, он почувствовал, что его глаза слипаются. И он, как ни крепился, начал зевать. А очень

скоро и вовсе заснул под убаюкивающие монотонные звуки музыки, включенной доцентом.

Сколько он спал и как долго они ехали, было непонятно. Дорога прошла во сне, сквозь который Маресов слышал, как они останавливались на заправке и как несколько раз Голуб кому-то трубно сигналил.

Алексей проснулся от легкого толчка в плечо. Машина (Маресов не сразу сообразил, где он находится), прекратив укачивающее движение, стояла у освещенного стеклянного подъезда. На улице уже было темно.

— Приехали, Алексей Борисович, выходите.

— Я немного заснул, извините.

— Все нормально, хорошо, что вы отдохнули. Я же говорил, что средство отличное. Как настроение?

— Терпимо.

— Вот и отлично.

— А где мы?

— Мы на месте. Сейчас будем вас определять.

Маресова определили в небольшой, похожей на гостиничный номер комнате. Чтобы добраться до нее, им пришлось пройти множество тихих коридоров, закоулков и лесенок. Каково здание снаружи, Маресов не разглядел, но судя по проделанному путаному маршруту, оно было далеко не маленьким. Полное отсутствие людей также добавляло ощущение безразмерности. Единственным человеком, подтверждающим обитаемость здания, был сухой господин в халате, встречавший Маресова и Голуба в холле. Голуб представил его как доктора Воронцова.

— Вот здесь, — Голуб обвел рукой, — вы и будете жить, Алексей Борисович. Сейчас мы с доктором Воронцовым вас ненадолго оставим, а вы осваивайтесь и управляйтесь с дороги. Когда будете готовы, нажмите на эту кнопку.

Он подошел к заправленной по-больничному кровати и показал на красное пятнышко в ее изголовье.

— Теперь располагайтесь.

Располагать особенно было нечего — кроме паспорта Маресов взял с собой только пару чистых носовых платков и мобильный телефон с зарядкой. Выложив все это на тумбочку, стоящую у койки, он стал осматриваться.

В номере (или палате) помимо спального места, тумбочки и кнопки в стене были еще кресло с торшером, круглый столик, подвешенный в углу телевизор и шкаф, сливавшийся с бежевыми стенами. В шкафу на вешалке висели пахнущие сиренью голубой махровый халат, белая байковая пижама и упакованные шлепанцы. Еще в комнате был свой санузел. С зеркалом в полстены, стопкой полотенец, раковиной и душевой кабиной. Все это блестело и сияло. И пахло сиренью.

Потоптавшись тут и там, Маресов нажал на кнопку. Вошли Голуб и Воронцов и в течение часа растолковывали ему правила и особенности проживания. Можно было все: лежать, принимать душ, вызвать дежурного, которому излагалась цель вызова, смотреть телевизор, выходить из своего бокса (так, оказывается, назывались отведенные Маресову покои), открывать окно. Еще можно было выходить на прогулку, гулять по клинике, посещать библиотеку, спортивный зал и сауну.

Но... Но все это можно было делать только в свободное от процедур и исследований время. В дождливую, ветреную и пасмурную погоду гулять не рекомендовалось. Во избежание простуды. Также свободное перемещение могло быть частично ограничено специальными, выставленными на подставках табличками: «Извините, проход запрещен». За которым находились не представляющие интереса хозяйственные помещения. Для удобства функционирования клиники в ней

велось постоянное видеонаблюдение. Для безопасности пациентов имелась также и служба охраны. Библиотека работала в определенные часы и дни недели. Целесообразность посещения сауны и спортивного зала определялась курирующим врачом, для простоты именуемого куратором. Куратором Маресова был назначен Алексей Николаевич Воронцов.

— Мы с вами тезки, — сдержанно констатировал он, забирая у Маресова паспорт. — И еще. Андрей Андреевич, видимо, забыл вам сказать, что у нас мобильная связь запрещена. Но не подумайте, что это ограничение вашей свободы. Электронные приборы в наших лабораториях достаточно чувствительны, и уже давно установлено, что всякий телефонный разговор по мобильнику является существенной помехой в их работе. Если вам нужно будет позвонить, то милости прошу в мой кабинет. И советую вам переодеться, Алексей Борисович. Чистота — залог здоровья. Завтра мы отправим вашу одежду в химчистку, и она будет вас ждать в общей кладовой отутюженной и продезинфицированной. Ваш номер — сто одиннадцать. Запоминается очень легко. Сейчас вам принесут ужин, и вы можете отдыхать. Отбой у нас в одиннадцать. После отбоя из бокса выходить не надо, чтобы не потревожить соседей.

— А сколько сейчас?

— А сейчас у нас половина десятого. Отдыхайте.

— Уже?! — удивился Голуб. — Вот время летит! Однако, коллеги, мне пора. Прощаюсь с вами, Алексей Борисович. Увидимся послезавтра. Завтра у меня целый день студенты в городе. Очень жаль, хотелось бы самому ввести вас в курс дела, но ничего не поделаешь. Все вопросы — к Алексею Николаевичу. Спокойной ночи.

Голуб пожал Маресову руку, и они вместе с Воронцовым оставили его в боксе.

Первая неделя, пока Маресов привыкал к новой жизни, тянулась очень долго. С девяти утра (по его просьбе в бокс принесли часы) начиналась работа. Маресова приглашали в кабинеты, где с ним занимались тем или иным способом. В течение первых дней это были большей частью опросы и сдача анализов.

В кабинете у физиолога его взвесили (67 кг), измерили рост (171 см) и кровяное давление (126/70), сосчитали пульс (76 уд./мин.).

Психолог задавал сотни вопросов и выяснял подробности жизни: пил ли его отец, употреблял ли он наркотики, мастурбировал ли в детстве, боится ли темноты, верит ли в Бога, каковы отношения с матерью, имеет ли постоянного сексуального партнера и прочее.

В клинической лаборатории он оставил пробы мочи, крови, кала и мокроты.

Окулист проверил зрение и узнал давление глазного дна.

Отоларинголог изучил носоглотку и ушные ходы.

Невропатолог проверил сухожильные и кожные реакции, координацию движений и вестибулярный аппарат.

Хирург прощупал и промял тело.

Терапевт заставил приседать, делать наклоны и прочую ерунду.

Дерматолог рассматривал кожные покровы, ногти на руках и ногах и что-то искал в жидких волосах Маресова.

Но никто из них не обращал внимания на его свисающий до колена громадный член. Его словно не было.

Пенисом Маресова занимались только Воронцов и Голуб. Занимались увлеченно, но беспристрастно. Голуб появлялся в клинике два раза в неделю и весь день занимался только ими, Маресовым и его продолжающим

расти макрофаллосом. А рост был подтвержден Воронцовым на следующий же день по прибытии Маресова.

Его член тоже был взвешен и со всех сторон измерен. Но данные измерений Алексею не открыли. Это теперь считалось приватным научным материалом. Еще были сделаны фотоснимки интересующего объекта. Во всех ракурсах, панорамно и детально.

Член окунали в горячую и холодную воду, вводили в него какую-то зеленоватую густую дрянь, от которой невероятно жгло, сгибали и растягивали. Несколько дней были отведены исключительно мошонке, несколько дней — только головке, несколько дней — непосредственно стволу.

Маресову показывали порнографические фильмы и наблюдали за его эрекцией. Переход в эрегированное состояние и оно само снималось на видео.

Несколько раз из Маресова добывали семя. Для этого на его член надевался похожий на доильный аппарат резиновый, хорошо промазанный наконечник с прозрачной трубкой. Включался прибор, подавалась вибрация, наконечник нагревался и становился теплым, и что-то в нем начинало поступательно двигаться. Возбуждаемый член «вставал», распрямлялся и выстреливал, исторгая попутно из Маресова блаженный стон.

Иногда к члену приклеивали датчики и снимали загодочные показания. Иногда брали пробы смазки или выщипывали волоски с лобка.

От подобных процедур и манипуляций Маресов страшно уставал. И когда возвращался на перерыв в свой бокс, то валился на кровать и спал. До тех пор, пока ему не приносили обед (общей столовой не было, ели в боксах). После обеда по распорядку был тихий час, в течение которого Маресов тоже спал. Потом за ним приходили, и исследовательская работа возобновлялась.

Так прошел месяц, за который Маресов заметил ряд странностей. Во-первых, за все время его пребывания в клинике он ни с кем не познакомился. Иногда изда- лека он видел «пациентов» в голубых халатах, но ни разу ему не удалось с кем-либо вступить в контакт. Мелькал черноволосый карлик, быстро и вразвалку про- ходила чрезвычайно кривоногая тетка, прошмыгивал с забинтованной шеей дядя, перед носом закрывалась дверь за старухой на каталке. Все они и другие обита- тели всегда были в сопровождении «дежурных», больше похожих на охранников, чем на медицинский персо- нал. У Маресова тоже был свой «дежурный» по имени Вадим, который доставлял его к нужному кабинету или забирал, чтобы сопроводить в бокс. Маресов несколько раз пытался разговорить своего сопровождающего, но и это также не имело успеха: Вадим на вопросы Маресо- ва отвечал так уклончиво и быстро, что ответ оставался непонятным.

Во-вторых, заявленная свобода действий была немо ограничена. Таблички «Извините, проход запрещен» попадались на каждом шагу. Посещать спортзал и сауну ему было «не рекомендовано», а библиотека работала тогда, когда Маресов был занят с врачами. Ноябрьская погода, дождливая и ветреная, снимала с повестки дня прогулки. Свежий воздух, которым заманивал Голуб, оставался снаружи. Оказалось, окно в его боксе не открывается. Но не потому, что было задраено, а по- тому, что находилось почти под потолком в виде узкой пластиковой щели, забранной жалюзи, — к нему было просто не подобраться. Парк он видел только из окон врачебных кабинетов, да и то за высоким бетонным за- бором, опоясывающим мощеную территорию клиники, оживленную чахлами газонами да шеренгами облетев- ших стриженных кустов.

В-третьих, связь с внешним миром была условной. Точнее, ее не было вовсе: Воронцова в кабинете, откуда якобы можно было позвонить, никогда не бывало, и кабинет всегда оказывался заперт.

В-четвертых, Голуб, бравший под свою опеку Маресова в дни приезда, ни разу не обмолвился об операции, ради которой Маресов и оказался в клике. Говорилось о чем угодно, но только не о ней. Мало того, из всего множества отвлеченных тем постепенно стала выделяться одна, вызывающая у Маресова неприятные предчувствия и предположения.

— Я каждый раз хочу у вас спросить, Алексей Борисович, как вам у нас? Есть ли какие-нибудь пожелания или замечания? Чисто в бытовом отношении? Питание, досуг, комфорт? Не скучно ли вам вечерами сидеть одному, спать одному? Не надоело?

— Как вам сказать... Конечно, скучно, но ведь это необходимость. Я телевизор смотрю.

— Понимаю и согласен, что это необходимость, тем более что временная. Да еще и за деньги. Так сказать, ночные дежурства. Но если отбросить необходимость этой самой необходимости? Не хотелось ли вам, например, выпить? Или, извините, с женщиной время провести? А что телевизор? В маленьких дозах дразнит, в больших — утомляет.

— Но ведь это нельзя.

— Что именно?

— Алкоголь.

— Это так. У нас сухой закон. А с остальным? С дамами?

— Какие уж дамы. Не до них. Да и...

— Что вы имеете в виду? Несоответствие размеров? Да, это реальная проблема. И мы над ней работаем. И сейчас подбираем оптимальный вариант ее

решения. Но теоретически? Гигант с гигантшей? Глубоко и смачно. А?

— Это вы к чему?

— Да это я так. Ваш мужской потенциал потрясающ. Не беспокоит? Мы вас каждый день все щупаем, трогаем. Иногда оргазмы провоцируем искусственные. А если бы настоящий, в живую горячую плоть?

— Не понимаю.

— Да просто, знаете, мужское любопытство. Что-то в голову взбрело. Чепуха. Я, чтобы отвлечь от всевозможных ненужных фантазий, вот что вам привез.

И Голуб показал Маресову альбом репродукций. Назывался он «Мифология в живописи».

— Облагораживающее искусство. Советую как успокоительную терапию перед сном. Вместо телевизора. Полистайте на досуге, вникните. А мне потом скажете, что вам больше всего понравилось. Хотите кофе?

— Нет, спасибо. А почему библиотека не работает по вечерам?

— Да беда в том, что сменщицу не найти. Рита, вы ее не застали, уволилась. И мы сейчас вынуждены щадить нашу Елену Васильевну. Человек она пожилой. Но очень скоро, уверяю вас, кого-нибудь пришлем. Я ответил на ваш вопрос?

— Да.

— Тогда приступим к работе. Будем продолжать поиски механизма деления и размножения клеток пещеристого тела.

Вечером Маресов посмотрел альбом. Оказалось, что это не просто картинки. На всех репродукциях были изображены кентавры. Группами, парами и в одиночку. Мужские и женские. Подборка состояла из репродукций разных мастеров, изображавших человеко-коней в разные эпохи. Но это Маресов определил по надписям под

ними, с его точки зрения, все они были одинаковы. Он мало разбирался в живописи. Но при полном равнодушии к альбому Маресов равнодушным не остался. Что-то его смутило. Взаимодействие с Голубом научило Алексея относиться к доценту серьезно. Доцент, как Маресов успел заметить, никогда ничего не делал просто так, под настроение. Во всех его затеях всегда присутствовали логика, замысел и приводящий к цели алгоритм.

«Что он этим хотел сказать? На что намекает?»

На что намекает Голуб, Маресов узнал через некоторое время. В следующую их встречу после УЗИ мошонки Голуб попросил Маресова ненадолго остаться в лаборатории.

— Ну как, Алексей Борисович, посмотрели альбомчик? Как вам эти красавцы? Кто понравился больше всего?

— Я еще не присмотрелся, не знаю.

— А вы присмотритесь. Мне очень нравится Себастьяно Риччи. Но больше всех импонирует Франц фон Штук. Вот где экспрессия и сила. Завораживающая красота и мощь. Вы что-нибудь читали или слышали об этих сказочных существах?

— О кентаврах?

— Да, именно о них.

— Что-то слышал, но никогда не углублялся в этот вопрос. Сказки...

— Сказки?! Нет, Алексей Борисович, это, заверю вас, не сказки. Это мифы! А чем отличается миф от сказки?

— Не знаю. Думаю, миф более древний и длинный?

— Ха! Вы попали в точку, именно «длинный». Но помимо этого, миф отличается от сказки тем, что, в отличие от чистого фольклорного вымысла, миф содержит в себе архетипичное начало. То есть он потенциально реален. Об этом еще Юнг писал. Кентавр, будучи символом

соединения двух начал, являет собой генетически возможное построение. Представляете себе полуконя-получеловека? Интеллект и моторика человека и производительная сила красивейшего животного! Я понимаю страстную любовь Саши Невзорова к лошадям, но не разделяю его презрение к человеку. Они созданы друг для друга. И друг без друга неполны. А представляете себе такого кентавра сейчас? На наших заросших просторах? Чудо! Вас не увлекает?

— Не знаю.

— А меня очень. Я думаю, вам не хватает природы. Вдохновение дает только живое. Живое, животное, жизнь. Прекрасно!

Начался новый виток. У Маресова снова взяли кровь, мочу и кал. Снова мерили давление и заставляли приседать. И снова делали замеры. Но он и без замеров видел, что член растет. Носить его становилось все неудобнее и тяжелей. И тогда ему смастерили специальный поддерживающий бандаж, который крепился на поясе и помогал при ходьбе. «Упряжь», как назвал его Голуб.

О кентаврах и альбоме он больше не говорил. Вместо этого он повел Маресова в конюшню, о существовании которой Алексей даже не догадывался.

Не выходя на улицу, Маресов, удивленный тем, что ему дали резиновые сапоги, Голуб и Воронцов прошли душными изгибами подвала, вскарабкались по винтовой лестнице и оказались в гулком полутемном переходе. Запахло сыростью и лошадиным навозом. Еще через минуту они вошли в низкий душный ангар, разделенный на стойла. Желто слезились лампы, в нос било потом и мочой. В дальнем углу человек в фартуке ворочал сено.

— Вот он, наш ипподром. И четыре лошадки и коняшка. Смирненные возничие научного прогресса.

Голуб повел Маресова мимо стоящих животных:

— Это Стелла, это Норма, здесь у нас Фру-Фру, помните, как у Толстого, мордой к нам — красавица Жаннетта, а в углу — Бугай. Наши подопечные. Не сеют, не жнут, не пашут. Но, тем не менее, служат. И помогают, сами того не ведая, нашей работе. Материал для исследования и познания неисчерпаемый. Ну, налюбовались? Тогда пошли назад.

Посещение конюшни на Маресова подействовало неприятно. Он уже понял, что его во что-то втягивают. И что он, будучи зависимым от Голуба, не имеет возможности сопротивляться.

«Черт меня дернул согласиться сюда забраться. И я даже не знаю, куда. Идиот!»

Полдня Маресов пытался отогнать от себя беспокоящее, как холодные потные подмышки, чувство, но оно не отгонялось. Его ненадолго отвлекло посещение дантиста (был и такой), который ковырялся у Маресова в зубах и несколько раз сделал очень больно.

А потом Маресову назначили витаминные уколы. К нему в бокс стала приходиться похожая на Валуева медсестра, которая бесцеремонно укладывала его на живот и делала укол в попу.

— Мы начинаем вас готовить, — скупое и сдержанно сказал на этот счет Воронцов.

— Готовить к операции?

— Можно сказать и так.

— А когда?

— Андрей Андреевич не уточнял дату, но мы планировали в середине декабря.

Новость чрезвычайно обрадовала Маресова, и на несколько дней он расслабился. Но только на несколько дней, в течение которых Алексей с радостью ходил ставить датчики, забирался в похожий на гроб ящик со множеством разноцветных лампочек и проводков

и держал свой макрофаллос опущенным в емкость с бурым непрозрачным раствором.

К витаминным инъекциям был присовокуплен и «ви-деокурс», назначение коего Голуб не объяснил:

— Посмотрите — поймете сами.

Теперь сразу после укола Маресова стали водить в маленький зальчик без окон с большой плазменной панелью и полукругом мягких кресел вокруг нее. Первый же просмотр двадцатиминутного ролика сбил оптимистический настрой. На экране под сопровождение африканских барабанов появилась подстриженная в щетку малахитовая лужайка. Потом крупным планом по несгибаемой траве прошлись конские копыта. По мере убыстрения ритма лошадиные ноги заработали быстрее, и копыта перешли в галоп по кругу. Внезапно звук исчез, и камера поползла вверх по одной из передних ног, демонстрируя блеск лоснящейся на солнце шкуры. Добравшись до свисающей черной гривы, объектив внезапно соскользнул вниз, снова забарабанило, и опять замелькали копыта. И тогда Маресов ощутил в себе зарождение легкого будоражащего возбуждения, которое росло по мере смены кадров. Игнали бутры мышц, прямо на него неслась широкая лошадиная грудь, взмахивал, рассыпая в воздухе длинные пряди, хвост, вздувались круглые гнедые бока. Затем снова повторился замедленный прием. Только в этот раз камера поползла по задней ноге, отчетливо обозначая голень и круп. Незаметно для глаза произошел перескок, и Маресов увидел лошадку сзади. Снова наступила тишина, потом нежно заиграла скрипка, и в течение нескольких минут Маресов смог наблюдать, что у лошадки находится под хвостом. Там было темное, складчатое и влажное. И очень похожее, как показалось окончательно возбуждившемуся Маресову, на человеческое.

Маресов изнемогал. От нахлынувшего желания и омерзения к себе. К его счастью, фильм закончился. Всё оказалось очень дозировано: полная эрекция не наступила, но его член уплотнился и потяжелел.

И вот тогда, после сеанса, Маресов понял, что он в капкане. Догадку подтвердил разговор с Голубом. Они устроились в маленьком холле, выходящем на застекленную террасу. Было видно пасмурное небо, из которого медленно падали снежинки.

— Вот уже и зима на носу. Вы любите зиму, Алексей Борисович?

— Нет.

— Я с вами солидарен. Холод, слякоть, насморк. Но, согласитесь, есть в этом первом снежке какая-то поэтика.

— Зачем вы мне показываете лошадь?

— Вам понравилось? Это австралийцы снимали. Оператор — волшебник.

— Мне не понравилось! Я больше не хочу и прошу вас мне никаких лошадей не показывать.

— Почему? Это природа. Животная природа.

— Вы хотите сделать из меня зоофила? Или кентавра?

— Зоофила из вас никто делать не собирается. По той простой причине, что латентно мы все зоофилы. И я, и вы. И в этом нет ничего позорного. Это не более чем психический атавизм. Вы думаете, наши предки занимались любовью только с себе подобными? Ошибаетесь, Алексей Борисович. В те далекие времена женщина был дефицитом. Условия не позволяли становиться им долгожителями. Выживал сильнейший. Отсюда и полигамия. На все племя, состоящее из двадцати-пятнадцати человек, женщин было не более пяти особей. Остальные недостающие двадцать пять процентов бывали растерзаны хищниками, завалены камнями в пещерах

или растоптаны мамонтами. Поэтому, для того чтобы удовлетворить сексуальный инстинкт, годилось все живое, что могло быть поймано живым: мелкие парнокопытные, крупная птица, детеныши хищников. С этим не церемонились. Поэтому зоофилия, как вы точно определили, не является пороком. Это, скорее, глубокий, еще не заросший культурными побегам след. Это инстинкт продолжения жизни в любой ее форме. На биологическом, физиологическом и даже биохимическом уровне мы ничем не отличаемся от животных. Только своей анатомией.

Голуб достал платок и вытер краешки губ.

— Далее. Наши экспериментальные исследования, на которые вы, между прочим, дали свое добровольное согласие и за которые вам начисляется оговоренная в заключенном между нами договоре сумма, предполагают разносторонние способы научной работы. Мы стареемся вам помочь. Но не только вам, Алексей Борисович, а всем. При вашем прямом участии собирается ценнейший материал. В данном случае я имею в виду исследование определенных процессов кавернозного тела. И если мы до конца в этом не разберемся, то ваш половой орган будет продолжать расти. Представьте себе, из вас вытягивается живой шланг, становясь постепенно волочащимся по земле хоботом. Как вам такая перспектива?

— Но мой куратор Воронцов сказал, что в начале декабря вы мне сделаете операцию!

— Совершенно верно. Но какую?

— Какую? — спросил холодеющий от страха Маресов.

— Пока лишь предварительную. Мы собираемся сделать небольшой отщип ткани головки вашего пениса для проведения с биоптатом очень сложных и, замечу, дорогостоящих анализов. Сейчас идет своего

рода «психическая раскачка», с помощью которой производится промывка капилляров ткани посредством усиленного притока крови. Так что придется вам ходить и смотреть кино.

— А та?

— Что вы имеете в виду?

— Та, главная операция, по уменьшению?

— А это зависит от вас, Алексей Борисович.

— Я давно уже готов!

— А я в этом нисколько не сомневаюсь. Сейчас говорю о другом.

— О чем же?

— О дальнейшей вашей нам помощи.

— Моей помощи? Разве я вам не помогаю?

— Вы помогаете себе. Но можете помочь и нам, точнее, всем.

— Как же?

Голуб внимательно посмотрел на бледного Маресова. Потом поднялся с кресла и встал вполоборота у окна:

— Какая красота, этот первый снег... Вот вы сказали, что мы хотим сделать из вас кентавра. Какая удачная шутка. Но в каждой шутке есть доля правды. Успокойтесь и не дрожите. Никто вам не собирается пришивать конскую тушу. Но сама идея и направление мысли совершенно верное. Из вас вышел бы неплохой экспериментатор. Очень неплохой, если бы вы были смелее. А теперь мне пора ехать, а у вас уже скоро ужин. К этой теме мы еще вернемся.

Они вернулись к этой теме через неделю, в течение которой Воронцов водил Маресова в конюшню, а после укола отправлял на видеокурс. Теперь показывалось только одно. И преимущественно крупным планом. Под барабаны на поляну выскакивал жеребец, запрыгивал на лошадку и начинал ее осеменять. Ракурсы австралийских

ребят был выбран так виртуозно, что у Маресова создавалось впечатление, будто он смотрит негритянское порно: темные тела, темная щель с красно-розовым нутром и работающий в ней черный жеребцовый поршень.

Зрелище притягивало, дико возбуждало, отталкивало и потом притягивало снова. И его приходилось Маресову смотреть каждый день.

И вот после этой мучительной недели Голуб открыл свои планы.

— Я хочу вам кое-что прочесть, — начал он, войдя в бокс к Маресову, тихо дремавшему после обеда.

Маресов сел.

— Да вы лежите, Алексей Борисович, отдыхайте.

— Ничего. Я так.

— Тогда послушайте... — Голуб раскрыл какую-то книжку. — «Вершина сладострастия — оргазм. Во время его протекания раскрывается “место выхода”. Мужчина начинает непроизвольно усиленно дышать. Этот механизм позволяет сознанию не только выйти в “бардо”, но и попасть посредством дыхания в тело мужчины, а затем и в извергающееся семя. Поэтому именно семя мужчины содержит сознание (полевую форму человека), а женщина дает физическое тело. Соединяясь с яйцеклеткой, сознание активирует ее и начинает “лепить” под себя физическое тело. Сознание из бардо (пространственных уровней) во время соития входит в семя, а затем в матку...» Как вам пассаж?

— Я ничего не понял, — ответил Маресов и насторожился.

— Это не мудрено. Расшифрую. Все попытки очеловечить низшее животное царство никогда не приводили к успеху именно по этой причине. Не происходило переноса сознания. В этом весь ключ. Минус физическое несоответствие гениталий, не позволяющее путем

налагания полевых форм разнополых особей создать новую полевую форму. Предвижу вопрос и сразу на него отвечу. «Полевая форма» — это матрица того, что мы называем общим словом «сознание», означающим не только «ум» в его обычном понимании, но весь энергоинформационный комплекс. И, конечно, полевая форма никакой формы не имеет. Продолжу. Полевое взаимодействие, влияющее на формирование плода, также зависит от пространственной близости половых органов. При выбросе семени, происходит своеобразный взрыв, включающий подстройку генетических программ клеток. Чем он мощнее, тем эта подстройка успешнее.

— Простите...

— Я вас слушаю.

— А зачем вы мне это сейчас рассказываете?

— Потому что это имеет к вам прямое отношение.

Продолжу. Возвращаясь к вопросу о нашем взаимовыгодном сотрудничестве, я намерен сделать вам некое предложение, напрямую влияющее на вашу печальную судьбу. Относительно печальную, Алексей Борисович, но все же, печальную. Суть предложения в обмене услугами. Какими? Услуги, предлагаемые нами, вам известны — это успешная, смею заверить, что это будет именно так, пластическая операция одной из частей вашего тела. С вашей стороны требуется физическое участие в тончайшем эксперименте по гибридизации гомо сапиенса и эквуса. То есть серия соитий с нашими длиннохвостыми подопечными с целью их оплодотворения. И это не надругательство над вашей хрупкой натурой, а мощный прорыв в генной инженерии. Говоря возвышенным языком — создание того самого Кентавра, о котором мы с вами столько говорили.

— Как... вы предлагаете мне... с вашими лошадьми?

— Если рубить с плеча — да. Сугубо в научных целях. Крайне осознанно и отстраненно. Погодите! Я назову все своими именами. Это величайшая с вашей стороны жертва. Во имя чего? Во имя людей, мой дорогой. И простите мне эту высокопарность. Во имя их будущего. Каким путем эта жертва приносится? А вот здесь высокопарность заканчивается. Потому что путь самый естественный и обыкновенный. Вы извергаете семя. Просто извергаете семя, получая при этом наслаждение, заложенное в качестве награды самой природой. И ответьте мне, чем семяизвержение в кулак, к которому вы прибегали, когда вам было четырнадцать лет, отличается от семяизвержения в наш резиновый заборник — я же помню ваше лицо, вам это нравилось — или семяизвержения в живую плоть? Способную вместить ваш разросшийся фаллос? В чем отличие?

— Но это же лошадь, как вы не понимаете?

— Я не понимаю? А ваши эрекции после фильмов? Ваше возбуждение? Ваше желание? Это что? Мораль и условность. Больше ничего. Вы можете помочь. И, к сожалению, пока только вы. Так сложились обстоятельства. Но почему бы это не сделать? Почему бы не оказать помощь специалистам? Никакое искусственное осеменение никогда не даст таких результатов. Никогда! Только прямое проникновение. Я же вам прочел.

— А... разница? Лошадь и человек. Гены, хромосомы. Они же не скрещиваются.

— Вульгарное представление. Я же говорил — важно соответствие размеров влагалища и пениса. Включая весь комплекс соответствия. Проникнув своим соразмерным инструментом во влагалище Фру-Фру, вы перестаете быть ей «чужим». Защитные программы организма снимаются. Есть еще ряд тонкостей, но это уже наши заботы.

— Но зачем это нужно? Зачем?

— Я вам объясню. Я постараюсь вам объяснить. Цель прямого оплодотворения состоит в переносе сознания. Только в этом. Нам не нужны располовиненные существа в виде мускулистого мужика с копытами и хвостом. Это уже было. Об этом уже мечтали. Этим уже наигрались. Нам нужны разумные животные. Вы представляете — лошадь с разумом человека? Такая же, как была десять тысяч лет назад, но способная по-человечески мыслить? Как про Гулливера у Свифта? С ее силой, выносливостью и неприхотливостью. Это будущее. Вы думаете, мы так и будем кататься на машинках и летать на самолетиках? Как бы не так. Через пятьдесят лет энергоресурсы планеты полностью истощатся. Полностью. И мы вымрем. А они нет. Потому что едят овес и сено, потому что сами себя носят и сами себя защищают. И там внутри, в великолепном лошадином черепе разум человека. Это перспективы, от которых у меня захватывает дух. Конечно, не сразу, а, может быть, такие лошадиные гении вообще никогда не появятся. Но даже если в лошадях появится доля соображения, даже если это будет дитя, то и этого более чем достаточно. Это живой трактор и грузовик, способный самостоятельно выполнять любое трудовое задание. Чем вы собираетесь возделывать землю и выращивать продукты питания, если не будет топлива? А здесь не нужны ни пахарь, ни тракторист, ни контролер. Они сами, они все будут делать сами. Лошадь-почтальон, лошадь-разведчик, лошадь-сторож. Этого мало? А начало кладете вы. Вы начинатель, Алексей Борисович! И каким образом? Самым примитивным, зоологическим — сунул-плюнул, черт возьми, и извините за резкость.

Голуб закончил. Покружив, остывая, по комнате, он сел в кресло. Раздавленный Маресов молчал.

— Что скажете?

— Я н...не знаю.

— Зато я знаю. Куда вам деваться? Вы нам, мы вам. И все. Плюньте на мораль, Алексей Борисович. Здесь нужно быть проще. И потом, деньги. За каждый акт премия. И очень, очень немалая. Вот так. Привыкайте к этой необходимости и готовьтесь. Скоро первая попытка.

* * *

И вот тогда, после этого дикого разговора, пролежав в каменной неподвижности ночь, Маресов решил бежать. Любым способом, любой ценой.

«Всё, хватит! Этого я не буду делать никогда!»

Внешне его решение не проявлялось никак. Он даже сделал вид, что раздумывает и «привыкает» к предложению Голуба. Он по-прежнему ходил в лаборатории, где с ним по-прежнему занимались, подключая, вкладывая и подвешивая к разным приборам и аппаратам. Но это его не интересовало. Теперь он наблюдал и запоминал.

Маресов определил, где и сколько висит телекамер. Узнал, сколько тупиковых, «запретных» ходов расположено у него на этаже. Выяснил количество доступных окон. Заметил, где находятся дежурные в свободное от сопровождения пациентов время.

Поглядывая из окон лабораторий и запоминая увиденное, Маресов путем соотнесения разобщенных фрагментов пытался составить план территории клиники и размещенных на ней хозяйственных подразделений. Давалось это с трудом, потому что за отсутствием в боксе бумаги и пишущих приспособлений рисовать приходилось исключительно в уме.

От напряжения у Маресова вечерами болела голова — ей приходилось не только носить в себе получаемую от наблюдений информацию, но и придумывать, как этой

информацией воспользоваться. Как ухитриться, и незамеченным подобраться к выходу. Которых, как заметил Маресов, было несколько.

Главный («парадный») находился в холле, где их встречал Воронцов. После приезда Маресов был там только один раз. Выбраться через него было нереально: днем там всегда кто-нибудь дежурил у коммутатора, а после пяти вечера дверь, ведущая из коридора Маресова к холлу, запиралась. Это он узнал еще тогда, когда делал несколько неудачных попыток взять в библиотеке книги.

Совершенно точно, были еще ходы из лаборатории и кухни. Однажды, когда они с Вадимом направлялись к зубному, находящемуся в другом конце здания, Маресов через раскрытую настежь дверь увидел анфиладу помещений, из которых сквозило борщом, слышались кастрюльные стуки и шипение. В конце заманчиво белела улица.

Выход из лаборатории находился в полуподвале под козырьком. Это Маресов увидел из окна, сдавая из пальца кровь. К козырьку задним ходом подкатила «Газель» и через несколько минут в помещение были внесены коробки и банки с реактивами.

Еще можно было убежать через террасу, где они разговаривали с Голубом. Выскочить на балкон, разбив чем-нибудь стекло, спрыгнуть вниз и рвануть вдоль забора, в надежде найти в нем брешь. Но этот способ исключал самого себя. Потому что, во-первых, у Маресова нечем было бить толстенное стекло, а, во-вторых, он не мог «рвануть». Ему мешал член.

Наверняка, были еще какие-то двери и лазы, дающие возможность оказаться вне клинических стен. Но везде стояли таблички «Извините, проход запрещен!», рядом с которыми висели телекамеры.

Получалось, что выхода не было.

А потом оказалось, что он есть. И не где-нибудь, а в собственном боксе Маресова. В санузле.

Над зеркалом в правом углу под потолком находилось вентиляционное окно. Так как оно было скрыто белыми эмалированными жабрами решетки, сливающейся с белым кафелем стен, то Маресов его привычно не замечал. Но когда заметил, то был удивлен размером проема. В общем-то, в него можно было протиснуться. Или, по крайней мере, попробовать это сделать. Маресов смотрел такие фильмы, где герои перемещались в вентиляционных ходах и шахтах. Откручивали решетки, влезали внутрь, и вперед!

И Маресов решил попробовать. Начав с откручивания решетки.

Но оказалось, что даже такое простое дело, как длительное уединение в уборной, стало для Маресова затруднительным.

Воронцов назначил Маресову усиленную молочно-белковую диету. И теперь его кормили пять раз в день. Утром приносили три яйца, овсяную кашу и орехи. Во второй завтрак предлагали молочный коктейль и банан. В обед подкатывали целый столик, уставленный мясными и куриными блюдами под разными соусами. В полдник угощали творогом с медом, а на ужин давали рыбу.

И все это Маресов с удовольствием съедал. Витаминные уколы отменили, и теперь он принимал таблетки. Крупные оранжевые и крупные желтые. От оранжевых Маресову очень хотелось есть, от желтых пить. Для утоления жажды в боксе у него стояли пакеты с соками и бутылки с минеральной водой.

Поэтому заниматься решеткой можно было только по ночам, когда переставали сновать в его боксе, заноса и убирая посуду.

Чтобы открутить решетку, Маресов свистнул столовый нож. Он оказался не очень удобным (пластмассовая ручка и закругленное короткое зубчатое лезвие), и работа шла медленно. Большая часть времени уходила на подготовку: нужно было втащить кресло, устроить его между кабинкой и столешницей, и забраться самому. А когда Маресов, постоянно меняя положение мешающего тяжелого члена (бандаж предназначался только для ходьбы), забирался, то от вкрученных в потолок ламп становилось так жарко, что долго возиться с винтами не было никакой возможности. К тому же возникла проблема — у одного из неподатливых винтов стерся шлиц, и на какое-то время все пришлось отложить, потому что Маресов не знал, что можно в этом случае придумать.

Но и на придумывание не было времени. Он постоянно был занят.

Лабораторные исследования Голуб на время прекратил — осталось только ежедневное взвешивание и сдача анализов. Фильмы про спаривание лошадей тоже больше не показывали. Вместо этого Маресов ходил в конюшню. В перерывах между завтраками, обедом, полдником и ужином. Ходил «знакомиться с Фру-Фру».

Объясняя значение таких частых визитов, Голуб говорил Маресову:

— Готовьтесь, готовьтесь, Алексей Борисович, привыкайте. И кобыла должна привыкнуть к вам. Должна вас узнавать и без волнения встречать. Вы должны сблизиться, и между вами должна возникнуть внутренняя связь. Она, как собака, должна знать ваш запах и чувствовать в вас хозяина. Который может позволить себе все что угодно. Это как у людей. Абсолютно так же.

— А если я... это... не захочу. Не в плане психологического желаяния, это исключается. А физиологически?

— Вы все-таки наивный человек, Алексей Борисович, очень наивный. Если у вас, как вы говорите, не будет «физиологического желания», то мы вам сделаем укольчик. И тогда вы не то что нашу Фру-Фру, а слонику захотите, извините за шутку. Кстати, оригинальная мысль. Вам знакомо имя Ганеши?

— Нет.

— Ну и бог с ним.

Сближение с Фру-Фру, рыжей высокой кобылой, осуществлялось сначала в конюшне, а потом на площадке. Маресову выдали ватник, плотные штаны, фартук и шапку. И он стал походить на Геннадия, небритого бессловесного старика-конюха, ухаживающего за лошадьми.

Конюшня, одним своим боком соединенная со зданием клиники, имела ворота, через которые завозилось свежее сено, вывозился навоз и выводилась на прогулку скотина. За воротами была устроена огороженная барьером площадка, где для моциона гоняли лошадей.

Когда Маресов первый раз (это произошло четвертого декабря) оказался на улице, то был немного благодарен выведенной для него кобыле — так хорошо и чисто было на свежем воздухе. Выпавший снег, который в падающем состоянии Маресов бегло видел только из окон, оказался довольно глубоким и грустно скрипел под его сапогами. Воздух был по-зимнему тяжел и холоден. Все кругом побелело и слилось в единый светлый фон.

Но уже потом, когда Маресову доверили длинные вожжи и кнут («символ власти»), он, пытаясь водить Фру-Фру по кругу, заметил сквозь просвет окружавших конюшню построек передок микроавтобуса. Машина была без переднего колеса, вокруг копошились комбинезоны.

«У них там гараж».

К чему должны были привести занятия с лошастью и какова должна стать степень близости с нею, Голуб не говорил. Но Маресов чувствовал, что страшный день приближается.

В питание были включены сметана и креветки. И снова ввели уколы. После которых Маресову снились эротические сны и где-то глубоко в нем что-то как будто шевелилось.

«Возбуждают гады!»

Но противостоять этому Маресов не мог — Воронцов довольно жестко отклонил его возражения и сослался на подписанный Маресовым договор, где он сам соглашался на проведение экспериментального лечебного курса.

Петля сжималась.

И тут произошло одно событие. Давшее Маресову шанс, которым он и воспользовался.

Утром он почувствовал, что в боксе холодно — батареи не грели. Горячей воды не было.

Оказалось, что ударил мороз, и ночью прорвало трубы. Об этом сказал Маресову Вадим, когда они шли днем в конюшню. Все в этот день сместилось: и завтрак, и анализы, и поход к Фру-Фру. Прогулку в манеже из-за мороза отменили, и поэтому Маресов помогал Геннадии поить и чистить лошадей. И именно поэтому Воронцова, обязательно присутствующего на прогулках, не было.

На обратном пути в подвале их с Вадимом встретил пар и чьи-то громкие голоса — это начали работать аварийщики. Работать они начали, как пояснил Вадим, в насосной, попасть в которую можно было через тот же подвал.

Через открытую бункерную дверь валили клубы соленого пара и слышался мат: там, в сырой глубине происходило что-то серьезное. Перед дверью валялись разбросанные инструменты, среди которых Маресов

заметил длинный электрический фонарь. Он выделялся из грязного железного хлама своей желто-черной резиновой чистотой и строгостью.

Когда уже почти поднялись на этаж Маресова, он вдруг хлопнул себя по карманам халата:

— Ой! Очки в ватнике (он переодевался в конюшне) забыл. Вадим, подождите, пожалуйста, я сейчас за ними схожу.

И не успел дежурный отреагировать, как Маресов пошел назад. У дверей в насосную он поднял фонарик и прикрепил его к поддерживающему член бандажу.

Вадим ничего не заметил, и они вернулись в бокс.

Маресов не знал, ведется ли видеонаблюдение в боксах, и поэтому на всякий случай извлекал фонарик в туалете. Фонарик горел. Спрятав его в бачок с использованной туалетной бумагой, Маресов стал принимать душ. Он всегда принимал душ после конюшни. Чтобы избавиться от тошнотворного запаха лошадиного пота. Но сейчас он и сам от пережитых страха и волнения был мокрый насквозь.

Горячей воды все еще не было. Вместо нее протекло немного обжигающей ржавчины. Пришлось смывать себя ледяным дождем.

После душа Маресов забрался под одеяло отогреться. Отогреваясь, он пытался вывести бессознательные побудительные причины своего поступка в плоскость читаемой мысли.

Маресов не понимал, зачем он украл фонарик, но он понимал, что сделал это не зря. И еще он понимал, что сегодня необыкновенный день, что сегодня может решиться все.

«Сегодня или никогда! Или убегу, или... не знаю, что!»

И уже вечером Маресов знал. Идея пришла к нему, когда он после ужина включил телевизор. Телевизор

Маресову давно уже надоел, и он уже давно его не смотрел. Маресов просто выключал звук и оставлял мелькание, заменяющее ему присутствие живых людей.

Показывали какое-то историческое кино. По темному коридору с выпученными глазами крался бородатый мужик со свечой. В одной ручище он держал витой подсвечник, другой закрывал колеблющееся пламя. Но как мужик ни старался, пламя не уберег. Оно мотнулось от бесшумного ветра и погасло. И на миг на экране возникла чуть рябая чернота. А Маресову стало все ясно.

Посидев еще около часа после отбоя, колокольный сигнал о котором давался из невидимого динамика над дверью, Маресов вышел в коридор. Спрятав под халатом фонарь и ножик. И зная при этом, что за ним могут наблюдать.

Поэтому по возможности быстрым шагом он проскользнул по коридору к лестнице, ведущей в подвал. Спустившись вниз, Маресов сразу направился к большому ящику распределительного щита, подвешенного на нижней площадке под лестницей. Который до этого дня удостаивался только поверхностных скользящих взглядов со стороны Маресова.

С помощью ножа (кончик, стрельнув, сразу обломался) Маресову удалось ящик вскрыть. Не сразу, но удалось.

За крышкой, как и предполагалось, находилось невероятное множество автоматов разной величины, подключенных к невероятному множеству разной толщины проводов.

С минуту Маресов разглядывал систему, пытаясь найти самые толстые и главные провода. А потом, их найдя, он своим обломанным ножом высвобождал прикрученные к ним жилы.

Все было накрепко затянуто, и руки у Маресова, пока он ослаблял крепеж, от напряжения стали дрожать. Еще

Маресов постоянно прислушивался, нет ли погони. Но пока стояла тишина.

Наконец провода высвободились. И еще какое-то время не давались пальцам из-за своей жесткости. Кое-как вытащив из креплений их медную суть, Маресов зажмурился и замкнул концы ножом.

Стрельнуло так, что даже под веками была видна фиолетовая вспышка. Мгновенно стало темно, и запахло озоном. Рука почувствовала точку ожога.

Оглушенный мраком Маресов немного постоял, потом включил фонарь и устремился за лучом по коридору. Дверь в насосную была открыта, но пар не шел. Там что-то капало.

Волнение и неистовое сердцебиение мешали. Когда Маресов забрался по винтовой лестнице, то пришлось немного постоять, чтобы отдышаться.

В конюшне было, как в солдатской бане: густо пахло лошадьми и их испражнениями. Плотная воздушная среда на миг притормозила Маресова. Но только на миг — не обращая внимание на вонь, он зашагал быстрее. Но потом скорость опять сбавилась — тапки прилипали к дощатому полу и сваливались с ног. Мелькнула мысль переодеться, но страх погони ее отогнал.

Уже на выходе Маресов наткнулся на выставленную морду жеребца. От толчка выпал фонарь и откатился в желоб, полный теплой мочи. Пришлось вставать на колени и фонарь вылавливать.

На улице сразу хлестнуло холодом. Но он пока помехой не являлся. Как пока не являлся помехой и снег. Маресов пересек утоптаный манеж и направился к гаражу. Окружавшая его немая темнота не сразу позволила найти проход — для разомкнутых пространств фонарь оказался слабым. Но Маресов нашел, заплатив за это потерей левого тапка.

Возбуждение, которым он был охвачен, и желание поскорее выбраться из клиники позволили Маресову ступить по снегу босой ногой. В общем-то, и правой, обутой в шлепанец, было не многим лучше. Тряпка предохраняла ступню и пальцы только от соприкосновения со снегом, не предохраняя от его обжигающего холода.

Выбравшись к гаражу, Маресов встал.

Электричество рубануло везде. За гаражом слева темнел корпус больницы, в котором плавали точки огоньков. Справа была темнота, нижний край которой отводила сине-черная кайма. Это был забор.

Теперь Маресову нужно было быть осторожным. Особенно в использовании фонаря. Из больницы его легко могли заметить по лучу, прошивающему мглу. Поэтому он посвечивал себе вспышками.

Гараж перпендикулярно подходил к забору. Маресов предположил, что там может быть лазейка. Но ошибся. Стена упиралась в забор.

Тогда пришлось двигаться в сторону здания, напротив которого были ворота. Эта рискованная затея чуть не обернулась для Марксова поимкой: когда он вышел на открытое место, кто-то выскочил из здания.

— Валерка!

— Что, Палыч? — отозвалось басом за спиной Маресова совсем близко.

— Фонарь есть?

— А что случилось?

— Тут какой-то мудака сбежал. Коротнул падла и свалил. Будь начеку, от ворот не отходи.

— Да ну? А я-то думаю, что за мотня? Телек вырубил-ся на самом интересном месте. И света нет.

— Света не только у тебя нет. Все накрыло, блин горелый. Следи за воротами.

— Само собой.

Маресов, как только услышал голос Палыча, рухнул в снег. И это его спасло. У здания появился еще кто-то, и с той стороны блеснул луч. Но он был настолько слаб, что до Маресова не добрался. Прикуруив, люди ушли в здание.

Маресов поднялся и, не стряхивая снег, повернул назад. И чуть не воткнулся в стоящий вдоль забора фургон. Который оставался незамеченным Маресовым оттого, что он перешел на фрагментарное освещение.

Этот фургон представлял собой компромисс. Так как был вровень с забором, но недостаточно к нему близок. И все же Маресов рискнул.

Стараясь не шуметь, он, хватаясь руками за прилипающее к ним железо, забрался на капот.

На капоте Маресов понял, что потерял второй тапок и что его член является самой главной помехой в побеге. Сил, как он чувствовал, хватало с избытком, к снегу он уже привык, а вот его инертный пенис, в прямом смысле болтающийся под ногами, невероятно сковывал движения.

Но выбора не было.

С капота Маресов вскарабкался на кабину и с кабины на фургонный куб.

Фургон не доставал до края (он был вынужден блеснуть фонариком) метра полтора. Раздумывать было некогда. Маресов, громыхая по жестяной крыше, как мог разогнался, оттолкнулся и прыгнул...

И плашмя угодил в снег, который смягчил приземление, но набился за шиворот, залепил лицо и попал в рот. Маресов побарахтался, поднялся и направился в сторону темного массива леса. Фонарь, отлетевший неизвестно куда, он искать не стал — было жалко времени и замерзших рук.

Казалось, что на свободе больше света. Откуда-то просвечивала замотанная в облака луна, не замечаемая Маресовым на территории клиники. Снег помогал привыкшим к темноте глазам, и можно было бы идти достаточно быстро. Но быстро не получалось. От прыжка подруга бандажа лопнула, и его пришлось снять. Без бандажа мошна провисла, и это настолько усложнило продвижение, что Маресов, при всем желании двигаться быстрее, мог только брести, толкая бедрами прыгающий на них мешок.

Открытый участок закончился, и Маресов вошел в лес. Снега там было меньше, снова стало темней. Ступни Маресова царапались о колючие переплетения запарошенного брусничника, не наступать на который было невозможно. Сжав зубы, Маресов побрел по лесу. Огибая черные заледеневшие стволы и периодически получая удары ветками. Самыми противными были елки. Они не только впивались Маресову ледяными иголками в лицо, но еще и хорошенько обсыпали снегом.

Сколько он брел, было непонятно. Также было непонятно, куда. Но пока сгибались ноги, Маресов двигался. Мускульная работа давала тепло: Маресов не замечал мороза. Оцепеневшие руки он засунул под халат. Если бы не колючки под ногами, можно было бы идти и идти.

А потом, споткнувшись о ветку, Маресов упал, нырнув головой под разлапистый еловый сук. Ему было так жарко, что он решил немного отдохнуть и остыть.

«Немного отлежусь, а потом вперед. Потом только вперед!»

Маресов положил голову на мягкую перегнившую хвою и на миг прикрыл глаза.

А когда их открыл и высунул голову, то уже обозначилось небо, расщепляющее темную массу на отдельные контуры.

Ломая ледяную корку халата, Маресов сел. Рук и ног не было. То есть они были, но Маресов их не чувствовал. А еще он не чувствовал своего члена и мошонки, на которых неизвестно сколько пролежал. Замерзшей дубиной негнувшийся орган вдавился в землю, не вызывая никакой реакции. Сплюснутая мошна еще сохраняла в себе остатки подвижности.

«Черт с ними, разойдусь».

Маресов дернулся, встал на четвереньки и с трудом поднялся.

И тут он услышал звуки. Слабые, но отчетливые. За его спиной, где-то невдалеке, описывая дугу, прогрохотала электричка. А с той стороны, куда он был обращен своей исцарапанной физиономией, слышался собачий лай. Маресов напряг слух, и ему показалось, что лай перемещается, как будто плавает из стороны в сторону и приближается к нему.

«Неужели за мной?! Меня ищут!!!»

Страх подействовал на Маресова как стимулятор, и он смог сдвинуться с места. А потом смог настроить шаг, равномерно переставляя онемевшими, негнующимися ногами. Подгоняемый далеким лаем, который становился все ясней и отчетливей, Маресов двигал по лесу, неся себя и свои промерзшие гениталии. Двигал, пока из него не выбрался.

Прогрохотала еще одна электричка и уже очень близко. Где-то там, за полем.

Небо посерело и откуда-то начало дуть. Вскоре появилась луна, бросившая свой фонарный свет на ответившую ей пожелтевшую равнину, которую Маресов теперь пересекал.

Глазами Маресов был далеко впереди себя, но слухом все время оставался сзади. Лай продвинулся в лес и умножился в нем гулким эхом.

«Не догонят. Успею!»

Бормоча как заклинание это «Успею!», Маресов покончил с полем, воткнулся в кустарник, продрался сквозь него и оказался у лениво журчащего черного ручья.

От воды пахло канализацией и поднимался пар.

«Этого только не хватало. А вдруг глубоко?»

Но, к счастью, оказалось неглубоко, и Маресов погрузился только по щиколотку. Обмороженным ногам вода показалась горячей.

Маресову захотелось окунуть в нее руки, но отталкивал запах, и согнуться не давало ледяное хозяйство. Оно натягивало штанину и вызывало хруст в паху.

Ручей при всей его узости и мелкоте оказался очень серьезным препятствием. Илистое дно не позволяло останавливаться и мгновенно засасывало. И чем ближе к середине, тем мгновеннее и глубже. В середине ручья Маресов увяз уже по колено и чуть не завалился в смрадную воду, но сумел сохранить равновесие.

Борьба с теплым ручьем разогрела Маресова. И когда он выбрался на другой берег, то снова был мокрый от пота. Руки и ноги действительно «отошли» и вновь обрели гибкость. Но член оставался в состоянии прежней тяжелой неподвижности и вымерзшей прямоты. Там, внизу, где головка, от воды в нем что-то размякло, но выше член был по-прежнему ледяным и мертвым.

Разгоряченный Маресов скинул мокрый халат и двинулся дальше. Метров через тридцать за ручьем к восторгу Маресова оказалась продранная бульдозером дорога.

Где-то совсем рядом, за пеленой высокого кустарника за дорогой опять прогрохотал состав.

«Ну вот, еще немного и станция».

Маресов заковылял, стараясь это делать как можно быстрее. Он чувствовал, что силы, стараниями Голуба, у него еще есть. Хватило бы времени.

Но извилистая дорога до станции кончилась не так скоро, как Маресов предполагал. И кончилась вовсе не станцией.

Из предутренней серости навстречу Маресову выступили высокие массивы, оказавшиеся штабелями бревен. Под ногами начало похрустывать. Как понял Маресов, кора и стружки.

«Неужели я пошел не в ту сторону?! Вот это хрень! Вот это...»

Маресов прислушался. Вокруг него было тихо. Вдруг за его спиной невнятно буркнул проснувшийся селектор, которому сразу ответил визгливый лай.

«Как же это я не слышал? Ладно, они могут пойти на станцию».

Миновав штабеля бревен, Маресов вышел к штабелям досок. А потом оказался у высокого, похожего на вросший в землю дирижабль, ангара. Ангар нес на себе освещение. В разные стороны били лучи прожекторов, освещающие усыпанную опилками и обрезками территорию.

Напротив дирижабля находилась зажатая брусом кирпичная постройка. Маресов постучал в запертую железную дверь, но никто не откликнулся. Он пошел в ангар.

Здесь ворота были раскрыты, потому что в их пасти застряла вагонетка с бревнами. Внутри стояла сырая древесная тишина, освещаемая тусклой лампой. Было тепло. Станки, бревна, горы опилок, опять станки. Угол цеха занимала дощатая каптерка. В ней стоял длинный, заваленный объедками стол, и на скамьях раскидана рабочая одежда. Маресов натянул присыпанный опилками ватник. К его радости под одной из скамеек он нашел валенки, которые сразу же обул.

На тумбочке чернел допотопный телефонный аппарат. Аппарат молчал.

«А матери я так ни разу и не позвонил».

Маресов снова вышел в цех.

«Что делать?! Что делать?!»

Маресов кружил между станками.

Судорожную мысль прервала собака. Она лаяла уже совсем недалеко.

«Пришли! Поймают гады! Где же спрятаться?»

Прятаться было негде. Одни станки и опилки. Маресов лихорадочно осматривался. И тут его бегающий взгляд выделил из общего многообразия древотерзающего оборудования зависающий над сварным каркасом диск циркулярки, высовывающий свои акульки зубы из защитного кожуха.

Идея еще не сложилась, но импульс уже возник. Его усилили лай и перекрывающие этот лай крики, донесшиеся вдруг снаружи:

— Маресов! Маресов! Ты где? Выходи, идиот! Все равно поймаем! У нас собака, найдет тебя по следу! Маресов!

«А вот хер вам! Сволочи!»

Маресов подошел к пиле и вдавил кнопку. В моторе взвизгнуло, и диск с гуденьем завращался, распространив по своей оси ветер. Секунду подумав, Маресов спустил пижаму и положил (опять в паху что-то хрустнуло) свой почерневший негнувшийся член поперек узкой щели в стальном листе под звенящим от вращения диском. Оттаявшая мошна податливо деформировалась и растеклась по краю стола. Двинувшись максимально вперед, Маресов сжал рукоятку, зажмурил глаза и потянул рукоятку вниз...

«А вот и хер вам!»

Взвизгнуло, и этим взвизгом без боли полоснуло.

Маресов поднял рычаг, открыл глаза и, не глядя вниз, выключил станок. Потом решил и посмотрел. Члена

на Маресове не было. В самом его основании, под жидкими волосками лобка темнел овал среза, из которого уже выступило пятно густой крови. Под столом в опилках валялся сброшенный вращением фаллос, больше похожий на потемневший гнилой кол от забора, чем на орган воспроизведения.

«Хер вам всем!»

У Маресова кружилась голова, и все, что могло, в нем дрожало.

Штаны он надеть не успел. В ангар с лаем вбежал пес, оказавшийся пятнистой лайкой, которая, увидев Маресова, перестала лаять и завияла хвостом.

«Лунная соната»

Как ни ловил Дима Буров драгоценный миг, он все же его упустил: поезд мягко дернулся, подался на метр назад, а потом, набирая скорость, заскользил вдоль платформы. Все, как один, усердно принялись махать руками, разделившись на две команды — тех, что в вагонах, и провожающих. Буров в соревновании не участвовал. Он только кивнул отъезжающему в свой далекий Екатеринбург Лыкову и пошел к выходу. Мысленно обнимая и целуя его на прощанье.

Лыков был двоюродным братом Димы Бурова. И раз в год доставлял ему двойную радость. Первая незначительная ее порция подавалась, когда Лыков с чемоданом появлялся в квартире, и вторая — когда через три-четыре дня он покидал ее. Тогда так хорошило на душе, что скрыть это от Лыкова было практически невозможно. Хотя он был идеальным постояльцем и особого внимания к себе не требовал. Хотя дружили они с детства. Хотя лучшего собеседника и застольника (в плане понимания, чуткости и деликатности), чем Лыков, у Димы не было.

Если бы Диме предложили ответить на вопрос, каким он представляет себе типичного школьного учителя из провинции, дав на размышление две секунды, то уже через секунду Дима был бы готов к ответу —

худой, слегка сутулый, хронически немодный, в очках. И, главное, чужак.

Лыков мечтал стать космонавтом. Искренне и серьезно. И пока окончательно не облизоручился, посещал кружок. И, самое смешное, умудрился заразить этой безумной мечтой и Диму. Который вовремя отрезвел, после карусели, заменявшей центрифугу (его три часа выворачивало наизнанку и тошнило). Поэтому в космос он не полетел, а стал обыкновенным коммерсантом средней руки. Да и Лыкова не взяли. Но звездам он не изменил и теперь преподавал астрономию в далеком от цивилизации бывшем Свердловске. Дима, кстати, так и не понял до конца, как Лыкова туда занесло и почему он до сих пор не перебирается назад.

В этот лыковский приезд они мотались по магазинам в поисках телескопа. Дима, может быть, и не участвовал в этом мероприятии, но в квартире доделывался ремонт, и он, уставший от беспорядка, пыли и стойкого мертвого запаха стройки, помогал братцу. Для забавы. Благо, в бизнесе от Димы требовалось пока только одно — ждать.

На дорогие телескопы у Лыкова, естественно, не было денег. И поэтому вопрос с покупкой решался очень просто — на восемь тысяч можно было приобрести только зрительную трубу, помесь телескопа и одноглазого полевого бинокля. Из перебранных вариантов самым компромиссным оказался продукт белорусской (Дима ко всему белорусскому, исключая мебель, относился с большим скепсисом) фирмы «Юкон». Зрительная труба «SIBIR 20» за семь тысяч с небольшим. Достоинством которой было отличное изображение, недостатком — близкое (для астронома, естественно) расстояние до объекта. Безусловным плюсом также было то, что к комплекту, наряду с серым куском искусственной фланели и каких-то штучек, прилагался складной штатив.

А вечером, скинувшись, устроили застолье — обмывка покупки, соединенная с отвальшой. На следующий день Лыков отбывал.

Пока Дима в заставленной мебелью и коробками кухне готовил закуску, Лыков, не утерпев, установил свою «Сибирь» (таким нехитрым оказался перевод названия прибора) на лоджии. Лоджию Дима оставил зоной чистого пространства и не допускал, чтобы на ней расположилось что-нибудь еще, кроме его высокого барного кресла, на котором он курил, и разлапистой пальмы, призванной создавать и поддерживать иллюзию домашнего благополучия и комфорта.

О планетах, звездах, галактиках и вселенных Лыков знал, наверное, все. И готов был всегда своим знанием бескорыстно делиться. После второй рюмки он потащил Диму к трубе, поднявшей свой переливчатый глаз в потемневшее августовское небо, и они принялись выяснять, на что она способна. Оказалось, что в глубины космоса за семь тысяч триста рублей не проникнешь, но зато можно значительно приблизить звезды и прекрасно рассмотреть Луну. Она выросла до размеров Сатурна, покрылась пупырышками и впадинами и стала похожа на недопеченный блин. Примерно час Лыков рассказывал, пояснял и засыпал Диму названиями. А потом они вернулись к столу и про Луну очень скоро забыли. Дима рассказывал о себе и своих отношениях с женой, жаловался на тещу и хвалился сыном. Легли поздно. Пьяные и уставшие друг от друга.

На следующий день проспали. Бегали, толкаясь по квартире, и собирали Лыкова. По дороге на вокзал заскочили еще и в книжный магазин, где, рискуя опоздать, Лыков купил книгу. А вот теперь он уехал. И о нем можно благополучно забыть.

Вернувшись домой, Буров позвонил жене и сыну и лег досыпать. В квартире, после того как ее покинули маляры и сантехник, жил только он один. Для наведения порядка. Но порядок никак не наводился — энтузиазма хватило только на то, чтобы повесить везде шторы, да раза три выйти на помойку с большими коробками. А с остальным Дима не спешил — хорошо иногда побыть без всех.

Когда он проснулся, с улицы уже просочились сумерки, выделив синью все углы. В одном из них на тумбочке бодрствовал электронный будильник — десять вечера. Посталкогольное отвращение к еде прошло, и Диме захотелось поесть.

Два бутерброда с кофе зачлись за ужин. Теперь для полной гармонии с окружающей средой недоставало только сигареты.

Буров вышел на лоджию и захохотал. Там, расставив тонкие алюминиевые ноги, слепо уставилась в чернеющую облачность забытая Лыковым зрительная труба. Дима курил и усмехался. Представлялось, каким станет Лыков, когда выяснится, что драгоценная труба удалется от него со скоростью 80 километров в час? Он обязательно будет перекладывать свои наспех собранные вещи. И тогда...

Приведение спящей трубы в рабочее состояние оказалось недолгим — Буров еще не забыл вчерашних инструкций Лыкова. Но поскольку Луны по неизвестным для Димы причинам не было, он какое-то время забавлялся, разглядывая безымянные звезды, ставшие в глазок чуть крупней, чем обычно. Потом это наскучило. Дима уже собрался идти под душ, как через дорогу, в доме напротив громко хлопнула рама. Дима хмыкнул,

приветствуя гениальную в своей простоте мысль, и повернул трубу в сторону звука. На темном фоне замелькали яркие, бьющие по глазу пятна. Но через минуту возни с подстройкой пятна утратили невыносимую яркость, и одно из них стало светящимся окном. Как в крупном кадре увеличенным и как под микроскопом четким.

На кухне сидели двое. Он спиной к окну (судя по лаковому блеску лысины, немолодой), и она, лет тридцати, черноволосая, с накрашенными губами. Мужик ел. Баба что-то ему говорила, быстро открывая перламутровый рот. У Димы возникло ощущение, что он, усевшись на первый ряд, смотрит кино на круглом экране.

Минут пять ничего интересного не происходило — только разговор во время еды. Остроту этому несложному действию придавало понимание того, что это все же не фильм без звука, а происходящее на самом деле. Но от этого интереснее не становилось: холодильник, вазочка с сухими листьями на шкафчике, тарелка на стене, розовый кафель опоясывающей полосой, на плите чайник. Правда, один раз был момент, когда Диме показалось, что начнется (мужик резко перестал хлебать, замер, а баба вскочила), но все улеглось. Ни кулаком по столу, ни тарелкой об стену. Ни ругани, ни драки.

Дима решил дать отдых глазу и перекурить. Ради интереса он попытался отыскать окно, в какое подглядывал, и не сразу нашел его. Ему казалось, что затерявшееся окошко находится напротив его лоджии, но линия прицела уходила вверх и влево.

Прогулку по чужим жизням Дима осуществлял вразброс, и некоторые окна норовили повториться. Так, периодически в окуляр влезали сине-зеленые клетчатые занавески, закрывающие доступ в освещенные глубины, старик в пижаме, перебирающий полки

в шкафу, и спящая на подоконнике кошка. Но особенно назойливой оказалась одна особа, после ванны (тюрбан из полотенца, махровый халат) приводящая в порядок свою рожу. Усевшись перед круглым зеркалом в спальне и направив на себя свет, она бесстрашно давила угри (Диме была знакома такая процедура). Убежденная в том, что тайна ее красоты для других закрыта. Тетка упорно терзала свое лицо и скидывать халат не собиралась.

Скользя по плоскости фасада, Дима трижды натыкался на этот лишенный развития эпизод.

Тогда он решил систематизировать свои наблюдения. И перемещать стократно усиленный взгляд строго по горизонталям этажей и точно между вертикалями подъездов. Мертвой зоной оказывались десятый этаж, где добычей являлся потолок, и первый со вторым, представляющие подоконники с частью пола. Также никакого интереса не представляли темные и занавешенные окна. И помещения с работающими телевизорами, где проявлялся какой-то оптический эффект — по круглому полю окуляра начинали носиться разноцветные пузыри, и кроме них ничего не было видно.

Дима шел снизу вверх. И добрался уже до линии пятого этажа. Ничего интересного не было. Ни половых сношений, ни мастурбации, ни пьяных драк. Некий, с долей брезгливости, интерес вызвала лишь толстая голая старуха. Она отходила ко сну в своей заставленной бараклом комнате. Сидя лицом к Диме на разобранной кровати, уставившись в одну точку, бабка почесывала себе плечи. Расставив безобразные оплывшие ноги, уложив на них не менее безобразный вздувшийся живот, на котором плоскими широкими лентами покоились груди. До этого Диме не приходилось так близко видеть голых старух. Зрелище довольно противное.

Смягчить впечатление помог чужак на пятом этаже, который, несмотря на поздний час, принялся (Дима вовремя подоспел) тягать гирию. Десять раз правой рукой и семь левой. И тут Дима вспомнил про Лешу...

* * *

Леша Чудов жил когда-то в этом доме почти напротив. Они учились в одном классе. Дима, Лена Пряхина и Леша. Дружбы между ними не было, но определенные отношения поддерживались. Благодаря связующему, в то время общему звену — Лене. Леша был спортсменом, ездил по соревнованиям и в школе бывал не часто. Но это не мешало ему стойко нравиться Лене. За это Дима Лешу не любил и боялся. У Димы даже сейчас, при беглом перелистывании воспоминаний, что-то неприятно сжалось внутри.

На выпускном Лена не отходила от Чудова, и они танцевали. И только друг с другом. Так, по крайней мере, казалось страдающему от ревности Диме, не сводящему с Лены глаз.

Потом Леша исчез. А Лена стала Диминой женой — Леной Буровой.

Интересно, где сейчас этот Чудов? Живой ли? Дима навелся на шестой этаж и поехал вправо от третьего подъезда (вспомнив о Чудове, Дима вспомнил все: подъезд, этаж и даже номер квартиры, где однажды побывал). После трех мертвых окон Дима его увидел. Прошло девять лет, но Чудов остался узнаваем. Потому что почти не изменился: те же широкие плечи, короткие темные волосы, та же резкость и сила в движениях. Это сразу с горечью признал Дима, вспотевший от неожиданной встречи. Чудо с Чудовым. Буров не ожидал, что ему будет так неприятно увидеть этого человека. Сердце в Диме мелко, трусливо колотилось.

Чудов раздевался. Ходил по комнате, где кроме плоской тахты, кресла возле нее и стеллажа вдоль стены ничего не было, и раздевался. Крупная ячея тюля совершенно не мешала обзору, слегка придавая белой дымки да чувство безопасности — как будто смотришь сквозь натянутую сетку. Лицо Чудова погрубело, стало крупнее в чертах, но сохранило свое нагло-самоуверенное выражение. И тело осталось прежним — мускулы, рельефы, обтягивающая их гладкая кожа. Дима погладил свой мягкий живот, и ему стало совсем кисло. А когда открылась дверь, Буров чуть не умер.

Вошла Лена. В прозрачной ночной рубашке...

Дима ждал этого. Как только в память пробрался поганый Леша. Боялся больше всего на свете и ждал, что подобное увидит. И вот увидел. Не веря своим глазам. Из которых готовы были хлынуть слезы.

Первым порывом было разбить трубу вдребезги, а самому начать биться башкой о кирпичи. Но он совладал с душевной судорогой и, решив, досмотреть до конца, снова прильнул к окуляру.

Лена сидела на кресле и прижималась лицом к животу стоящего Чудова. На Чудове теперь остались одни плавки. Отвратительные плавки — почти полоски, залепляющие задний проход, а спереди едва поддерживающие компактно уложенные мошонку и член. Чудов плавно покачивал своими великолепными бедрами, а Лена, прикрыв глаза, терлась теперь о плавки щекой. Потом стала их медленно стягивать. Чудов переступил как конь, освобождаясь от пут, и сунул свое хозяйство к Лениным губам.

Это было и отвратительно и прекрасно: тонкие пальчики с малиновыми ноготками обхватывают Лешин член, ставший очень быстро большим и напряженным, а вытянутые трубочкой губы осторожно касаются багровой

головки. Так целуют младенцев. И снаряд был у Чудова на высшем уровне. Как и он сам — все пропорционально и отточено. В меру длинный, в меру объемный. Еще чуть-чуть, и его можно было бы назвать громадным. Но этого-то «чуть-чуть» и не было. А было только сплетение набухших вен, похожих на корни, да гладкий грибной конус наконечника.

Лена целовала член, бедра, кучеряшки, плотный мешочек коричневой мошонки. Чудов гладил ей волосы, водил ладонями по лицу, нагибался и целовал в уши. Потом быстрым движением он зацепил подол сорочки и, словно кожурку, снял ее с Диминой жены. (Глаз от напряжения слезился, но Дима не отрывался. Ему было так тяжело и мерзко, что не доставало сил прекратить этот гипноз и не смотреть.)

Они легли. Не гася свет. Чтобы глазами добавлять себе возбуждение и удовольствие. Лежали так: Чудов, раскинув свои мускулистые клешни, на спине, а Лена устроившись у него в ногах. Елозя по ним грудями. Затем, приподнявшись на руках и сдвинувшись вперед, Лена стала касаться грудью Лешиного члена. А потом, поймав головку ртом, принялась медленно ее сосать. Заглатывая глубоко-глубоко, но не давясь. Член от слюны заблестел. Лена дразнила и дразнила любовника. С каждым поступательным движением, когда половина детородного органа уходила в обхватывающий его рот, она впивалась ноготками в живот. А потом расслабляла пальцы. И снова, с каждым заглотом впивалась в кожу...

А Дима все смотрел. Он никогда не видел свою жену такой. И никогда не предполагал, что она способна на такое. До подобных звериных ласк у них никогда не доходило. Ему хотелось плакать и кричать в отчаянии, но от ревности все оцепенело. Судорогой сжало челюсти, напряглись и одеревенели ноги, перестали слушаться руки.

Чудов вдруг дернулся, приподнялся и стал о чем-то просить Лену. Она оторвалась от своего великана-леденца, развернулась и, медленно перенесла ногу через голову Чудова, села над его лицом. Чудова не было видно, но по пьяному выражению лица потерявшей всякий стыд Лены Буров понял, что тот совершает над ней какие-то манипуляции — должно быть и сам лижет или целует ее гениталии.

Для удобства Лена встала на четвереньки. Взяв снизу висящие груди Лены в свои большие ладони, Чудов не только ласкал их своими пожатиями, но и лишал Лену возможности двигаться. Она слегка прикусывала себе губу и изгибалась над волосатым Лехиным пахом, а он впился Лене между ног. Он тоже закрыл глаза и теперь медленно вращал (будто все глубже ввинчивался) своим лицом, скрытым наполовину приподнятыми Лениными ягодицами.

Лена открыла рот, и Дима понял, что она стонет. Стонет от удовольствия, которое ей уже не удержать в себе. Оно проступило влажным глянцем на Ленином лице, и вдруг, как выстрелом, передалось Бурову. И сметая ревность, обиду и унижение, Димой завладело возбуждение. Поднявшее и его пику в бешеном желании. Парадоксально слитым с отвращением к изгибающейся, облизывающей губы жене. Ставшей навсегда далекой и чужой.

Дошедшая до какой-то своей черты, Лена вдруг вырвалась, снова развернулась и села на Лешу сверху. Просунув руку между своих ног, схватила член и, тыкая от нетерпения мимо, вставила его в себя. Член сразу стал от этого толще и на нем отчетливо выступил похожий на артерию канал, готовый к выбросу семени. Член скользил, уходя в раскрытое, точно рваное с розовой изнанкой лоно: в набухшие, обжимающие снаряд большие губы

с чернотой волос вокруг, и почти неразличимые в движении бахромки малых. А над всем еле заметно сокращался собранный в пучок, сжатый ротик анального отверстия.

Перед Димой возникло классическое порно. Но Димины беда заключалась в том, что все видимое им порнографией не являлось. Не было анонимности исполнителей, дающей необходимую дистанцию для отстраненного наблюдения. И, главное, люди делали это не для показа, а для собственного удовольствия. Только для собственного удовольствия. И они его получали.

Лена попыталась покачаться в стороны, удерживая плавность и неспешность движений, но не удержалась. Все быстрее и быстрее она поднимала и опускала себя. Теперь даже не опускала, а бросала на входящий в нее на всю длину живой кол. Чудов схватил Лену за плечи и начал ей помогать, усиливая удары встречным подъемом бедер. Но, опять же, делал он это изощренно — подергается, подергается и замрет, подергается и замрет. Сбивая Лену, которая все убыстряла темп...

Нервы Бурова не выдержали. Он заорал и убежал в комнату. Восемнадцать минут он лежал и курил. И выкурил всю пачку. От табака ли, или от переутомления в голове у Димы образовался шарик красного цвета. Так, по крайней мере, ему казалось. Шарик чуть больше горошины. Он находился в самой середине лба и слегка давил с той стороны на кость. Это давящая точка вбирала в себя все остальные ощущения и переживания: сердцебиение и злобу, ревность и отвращение к увиденному, возбуждение и тоску, от которой в животе было холодно. Постепенно остался только один шарик во лбу, и больше ничего. Да еще план дальнейших действий.

В одиннадцать ноль семь Дима позвонил Лене. Она долго не отвечала, но все же откликнулась.

— Алло, Дима, привет! — ее голос был вполне обыкновенный. Только дыхание, может быть, было немного учащено и громко. А, может быть, и нет.

— Привет, Лена, ты где?

— Как где? Ты же знаешь, что у Алексеевой. Где мне еще быть? Почему так поздно позвонил? Мы уже собираемся ложиться спать. Что-то случилось?

— Да, Ленок. Со мной небольшая неприятность. Я, кажется, сломал ногу.

— Что ты выдумываешь! Когда?

— Да, вот недавно пришел — Лыкова провожал, — вошел в квартиру и почти у порога растянулся. Собирался коробку с мусором вынести — об нее в темноте и зацепился. Это было бы очень смешно, если бы случилось не со мной. Теперь сижу в коридоре. Нога болит ужасно. Может, возьмешь тачку и приедешь?

— Сейчас?

— Ну конечно! Мне даже обезболивающее не найти — ящики надо двигать, ворочать все, а с такой ногой... Но, главное, мне нужны документы на «Опель» приготовить, а они в коробке на шкафу. Подъезжай. А потом можешь назад, если захочешь, и Алексеева тебя примет. Кстати, ей привет.

— Ох, Дима, вечно с тобой что-нибудь. Ладно, скоро буду.

— А что со мной «что-нибудь»? Да еще «вечно». Приезжай поскорее — жду.

Первым делом Дима задернул на всех окнах шторы. После чего в кладовке, где было свалено все оставшееся от ремонта, он нашел малярный скотч, баллон монтажной пены, кусок электрического провода и бутылку с растворителем. С провода он снял изоляцию, оставив жилы, смотал их и вместе со скотчем и пеной отнес в спальню. Потом на кухне Дима отыскал старую деревянную

скалку, с которой проследовал в прихожую. Там он сел у двери и стал ждать.

Ждал он недолго. Полчаса запаса, которыми Дима, по его прикидке располагал для подготовки, прошли очень быстро. Много времени заняли розыски скалки, предназначенной сыграть роль дубины.

* * *

Когда в замке нежно захрустел ключ, Дима встал за дверь, уже занеся руку для удара. И как только вошедшая Лена прикрыла дверь, Буров хлестко и сильно саданул скалкой. Удар оказался очень удачным. Во-первых, он пришелся по волосам. Во-вторых, череп не раскололся (чего Дима очень не хотел). И, в-третьих, Лена, не проронив ни звука, упала.

Скинув с нее туфли и высвободив из зажатых пальцев сумочку, Буров отволол Лену в спальню. Бросил на кровать и стал раздевать. Он снял все: жакет, юбку, блузку, лифчик и трусики. К трусикам была приклеена прокладка. Дима потрогал — прокладка оказалась влажной.

Голую Лену он уложил, раскинув руки и широко разведя ее ноги. Под мышками пахло дезодорантом, а от лобка туалетным мылом.

Чтобы Лена не стонала, на случай если очнется, Дима хотел замотать ей рот скотчем. Просто скотчем. Но теперь он прибавил оригинальное дополнение. Сорвав с трусов прокладку, Дима прилепил ее жене на рот и уже после этого сделал несколько оборотов клейкой бумагой. Тяжелая голова послушно моталась. Но волосы на затылке все же захватились.

Раздвинутые ноги были прикручены проволокой к ножкам кровати. Дима постарался и здесь: их не

сведешь и не сдвинешь. Можно только еще шире раздвинуть. Но шире уже некуда.

Затем Буров принялся за главное. Встряхнув как следует баллон с пеной, он прикрутил прозрачный хоботок-трубку и ввел его как можно глубже во влагалище. С шипеньем побежала желтая пена, и Дима не отпуская крючок, пока она не стала выливаться наружу. Облепляя всю промежность.

Дождаться результатов Дима не стал. Положив в пакет скалку и бутылку с растворителем он Лениными ключами закрыл квартиру и тихо, не вызывая лифта, спустился на улицу.

Чудов жил в квартире номер 372. За дверью было тихо. Дима вынул растворитель, открутил пробку и позвонил. Над дверью по-соловьиному засвистело. Довольно скоро послышалось шарканье, в двух местах щелкнуло, и на пороге появился заспанный, но улыбающийся Леша Чудов. В халате на высоком сильном теле. Чтобы иметь явное преимущество, Дима шагнул вперед и плеснул растворителем Чудову в глаза. С одним глазом вышло не очень, но другой получил отменную порцию. Леша коротко взвыл, согнулся, закрыв лицо. Дима очень быстро втолкнул его внутрь, куда-то не глядя бросил ненужный растворитель и очень быстро захлопнул дверь. И сразу, не доставая скалку из пакета, он начал бить согнутого Чудова по затылку. Не церемонясь и не жалея.

Почти сразу Чудов упал. Одной рукой он все еще тер глаза, а другой неудачно прикрывал голову. Дима старался бить в одно место. И уже на шестом ударе показалась кровь. Чудов не сопротивлялся. Он так и лежал крючком. И руки его стали вялыми бессильными плетями. И очень быстро и незаметно натекла лужица крови. А Дима все бил. Потом хрустнула кость, и удары приходились в какую-то мякоть.

А потом Дима искал нож. Острый и длинный. На кухне в ящике такого не оказалось. Все, как на подбор, были тупы и с короткими лезвиями. Но в хлебнице, на счастье, было то, что надо — длиннее волнистое полотно на черной эбонитовой ручке.

Под халатом Леха был голым. Его аппарат теперь казался маленьким и обыкновенным. Как большой палец на руке. Дима взял его полой халата (член все ускользал в своей кожистой мягкости) и стал отрезать, предварительно его оттянув. Пилил он в том месте, где начинают расти волосы. Из канала вытекла белая жидкость, а потом все залило кровью, и уже ничего не было видно. Но Дима его все-таки отхватил. А потом засунул противный отросток Чудову в рот. Благо рот был приоткрыт.

Перед уходом Дима заглянул в спальню, где все происходило. Вот оно ложе скверны.

На стеллаже рядом с кубками и фотографиями Чудова-чемпиона Буров заметил и фото своего сынишки. Незнакомое ему фото — маленький Андрюшка на велосипеде с улыбкой во весь рот.

На прощанье Дима еще раз посмотрел на Чудова. Весь в крови, во рту мерзкий кусок, распухшие багровые веки закрывают то, что осталось от глаз. Спи спокойно, дорогой друг...

А когда Дима Буров возвращался к себе, выглянула Луна. Может, конечно, она уже давно освещала и небо, и звезды, и все, что под ними, но Дима только теперь ее заметил.

Дома все было тихо. Лена лежала в той же позе. Глаза ее открылись, да так и оставались широко открытыми, в них еще сохранялся живой блеск. Между ног вспучилась застывшая пена, склеив в одно бедро и покрывало.

Дима погасил везде свет и вышел на лоджию. Поставив на максимальное увеличение, он навел свою трубу на бледно-золотой диск Луны.

Все, как на ладони. Белесые в оспинах и складках горы. Впадины с застывшими волнами лавы. Гладкие зеркала обнаженной породы.

И вдруг, рядом с небольшой, будто стертой на вершинах грядой Дима увидел Луноход! Увязший в пыли всеми восемью смешными колесами без шин. С открытой крышкой над давно остывшим бачком приборного гермоотсека. В разные стороны ощерились антенны. Щиток уголкового отражателя, как ладонью, прикрыл незрячие рачьи глаза телекамер. Дима любовался смешной машиной, не принесшей никакой пользы человечеству. Все замерло, все мертво.

Но неожиданно из-под Лунохода вылез старик: большущий нос, лбище на полголовы, белая борода лопатой, седые взлохмаченные волосы. Одет старомодно — перетянутая ремешком черная блуза до колен. Обуви нет. Благо, его босые ноги с каждым движением погружались по щиколотку в серую лунную пудру, казавшуюся совсем мягкой. Похлопав себя хорошенько, старик отряхнулся от пыли. Сдвинул сурово мохнатые брови и, уставившись строгими глазками на Диму, принялся грозить ему пальцем.

Кошачья гъадость

*Стивену Эдвиновичу Кингу
посвящается...*

Для Сони наступил праздник. У Сони случился день рождения, в который ей исполнилось четыре года. По этому поводу ее родители сияли. Чувствуя, что это событие имеет большее значение для них, нежели для их вдруг повзрослевшего на год ребенка. Как некое достижение или успех.

Особенно распирало маму. Она разбудила Соню целой россыпью нежных, но стремительных поцелуев, ислеклавших Соне висок, щеку и шею. Еще попало на руку и немного досталось одеялу, в которое мама продолжала тюкать губами, когда Соня спряталась от ее ласк. Она вообще не очень любила, когда ее целуют. Тем более, если это делает бабушка Лена. Или еще хуже, дедушка Игорьь.

— Поздравляю, моя родная! — воскликнула счастливая и гордая мама, теребя дочку. — Ты у нас сегодня стала совсем большая. Вставай, мое счастье, сейчас мы будем наряжаться.

И мама еще раз чмокнула Соню в слипшиеся за ночь губы.

Что такое «День рождения» Соня, наверное, знала. Это когда в большой комнате накрывается раздвинутый

стол. А на тумбу ставится ваза с цветами. Потом приезжают дяди и тети, бабушка Лена и бабушка Марина с дедушкой Игорем. Они дают Соне конфету или шоколадку, садятся за стол и начинают шуметь. А Соню отправляют в ее комнату и устраивают перед телевизором, который папа специально приносит из гостиной. Тогда Соня смотрит мультики. Больше всего ей нравятся «Лошарики».

Это когда этот самый «День рожденья» у мамы или папы.

Один раз он был у Сониной подружки Маши. Тогда Маше дарили подарки, и они ели мороженое с «Колой». А потом катались на качелях и карусели в «Чудо-острове». Соня ехала на олене.

Один раз в детском саду тоже был «День рожденья». У Дениса. Он пришел с черным бантиком на шее и раздавал всем из пакетика сосучки. А Татьяна Алексеевна играла на пианино и пела что-то смешное и непонятное. Специально для Дениса. Какой-то «хеппи». Или «кепи». У папы тоже есть кепи. С большим козырьком.

Но сегодня Соня в детский сад не пойдет. Сегодня суббота. Сегодня будут гости и подарки. Так сказала мама, когда надевала на Соню новую кофту. Это был ее первый подарок. Второй подарок был от папы. Он подарил Соне специальную зубную щетку с батареей, которая будет чистить зубы сама. Только нужно ее намазать пастой, включить кнопочку и сунуть щетку в рот. Интересно, а что подарит бабушка Лена? И бабушка Марина. И кто-нибудь еще. И почему в «День рожденья» дарят подарки? За что? За то, что ты родился? А что было, когда ты не родился?

Соня попыталась это представить и не смогла. Она была всегда. Четыре года — это маленькое «всегда». У мамы оно больше. У бабушки Марины еще больше.

Но самое большое, наверное, у дедушки Игоря. Дедушка Игорь курит, и от него плохо пахнет. А что подарит он?

Приход гостей был назначен на четыре часа. Чтобы успеть все приготовить, на помощь маме приехала бабушка Лена, которую мама называет «мама». А папа — Елена Максимовна. Соне это смешно: какая же бабушка Лена «мама», если она бабушка? Хотя и сама ездит на машине. Хотя и занимается гимнастикой под музыку (об этом Соне говорила мама), хотя и красит себе волосы (об этом Соне говорил папа). Все у нее как у бабушки: и морщинки вокруг глаз и на шее, и голос, и темные, подкрашенные щеточкой брови. Соня видела, как бабушка Лена их красит.

То же самое происходит с бабушкой Мариной и дедушкой Игорем. Только здесь, наоборот: папа зовет их «мама» и «папа», а мама по имени-отчеству. Смешно.

Бабушка Лена привезла Соне большущий набор цветных карандашей, большущий альбом бумаги и несколько книжек-раскрасок.

— Теперь, мое сокровище, мы будем ходить в художественную школу, — сказала бабушка Лена, вручая Соне пакет, — с ноября я записала тебя к Машуровой. В группу для детей с ярко выраженными художественными наклонностями. Сделаем из тебя Серебрякову.

— Мама, — спросила мама, — а кто такая Машурова?

— Ты меня улыбаешь, Викуся. «Кто такая Машурова?»... Это сейчас самый престижный педагог в городе. И слепого научит писать пейзажи. С пеленок, заметь. Слава богу, что сестра моего Кости с этой Машуровой вместе училась в институте. «Кто такая?»... Отстаеете от жизни, госпожа Виноградова. Ты цыплят разморозила?

И бабушка Лена, чмокнув Соню в лоб, ушла на кухню.

А Соня, тихо прошептав «Кто такая Машурова?», открыла карандаши и принялась раскрашивать цветок.

Потом из магазина пришел папа, и они с Соней поехали в Зоопарк.

В Зоопарке было так интересно, что Соня очень быстро устала от счастья и начала зевать. И уже плохо понимала, кто ей больше нравится и кого она больше боится. Перед тем, как у нее начали слипаться глаза, она успела прокатиться на пони и кинуть кусок пирожка в клетку медведю.

На обратном пути она заснула. Прямо на заднем сиденье.

Когда они с папой вернулись домой, все гости были уже в сборе и ждали Соню. И она, еще не совсем пришедшая себя от сна в машине, пошла по рукам.

Первой ее поздравила бабушка Марина и сказала: «Потом!» Что это значило, Соня не поняла, так как ее стиснула тетя Света, Машина мама. После сама Маша, сунувшая Соне в руки какую-то коробочку. Еще ей улыбнулся дядя Андрей и показал пальцем на посаженную в кресло почти как настоящую куклу. Еще ее поздравляли и что-то говорили тетя Неля с дядей Сергеем, их сын Виталик, который был старше Сони, но все равно с ней играл. Они принесли игру, которая называлась «Лото».

И наконец, из кухни появился дедушка Игорь. Он держал за спиной большой розовый предмет. К дедушке сразу подошла бабушка Марина и, сделав строгое лицо, торжественно начала:

— Соня! Мы, то есть я и дедушка, долго думали, что же тебе, наша Голубоглазка, подарить? Ты уже перестала быть настолько маленькой, чтобы довольствоваться погремушками, кубиками и Шреками, но еще не так велика, чтобы осваивать мобильный телефон или ноутбук. Тем более что у мамы и папы они есть. Но...

В это момент за спиной дедушки Игоря раздался писк. Дедушка Игорь хитро улыбнулся:

— Закругляйся, Марина. Животное кормить пора.

— Словом, нет ничего лучше, чем живое существо. С которым ты, Соня, и поиграть сможешь, и о котором будешь учиться проявлять заботу. Мы с дедушкой дарим тебе котенка. Смотри!

И дедушка поставил перед Соней розовую переносную клетку. В ней, за пластмассовыми ячейками решетки шевелилось что-то маленькое и белое. Которое снова принялось тоненько пищать, как только все склонились над Соней и ее подарком.

Дедушка на миг исчез и появился снова, держа в руках такое же, как клетка, розовое корытце:

— А это туалет для котика. Мы решили подарить тебе именно котика. Что-то вроде братика. Советую сразу приучать его к посудине, чтобы впоследствии не было проблем с запахами и лужами в самых неожиданных местах.

Это он говорил уже Сониным маме и папе.

— А можно его достать?

— Конечно! Даже нужно. Пусть привыкает к новому месту. Лучше, мне кажется, выпустить его у тебя. Там и ему спокойнее, и вы с детками сможете с ним поиграть и покормить его молочком.

— Вот! — и бабушка Марина протянула Соне такую же розовую, как клетка и лоток для писанья, мисочку.

— А как его зовут? — замирая от подступившего восторга, спросила Соня, пытаясь взять и клетку, и миску, и кошачий туалет.

— Пока никак, — ответила бабушка Марина. — Вы это с папой и мамой решите сами. Ну как, моя Дюймовочка, ты довольна?

Соня была так довольна, что ответить не смогла.

На этом сюсюканье можно закончить.

Девочка, схватив обеими руками клетку с котенком, в сопровождении снедаемых завистью Виталика и Маши бросилась к себе. Забыв о подаренной кукле, лото и наборе косметики для Барби. Забыв сказать спасибо деду и бабушке, преподнесшим сюрприз не только своей внучке, но и невестке с сыном (те узнали о «подарке» только за час до его вручения). Забыв о том, что хочет пить, а заодно и в туалет.

А родственники направились за стол. К винам, крепким напиткам и закускам, обещающим долгое и приятное празднование.

Выходка свекрови и свекра вызвала некоторое напряжение у Вики, но после первого бокала сухого недовольство прошло — она рассудила, что кот лучше собаки, на которую у родителей мужа вполне хватило бы ума. И что при случае его можно будет им же и вернуть, отправив вместе с Соней к ним летом на дачу.

— Но почему, Марина Станиславовна, вы не посоветовались со мной? — спросила Вика, когда утолили первый, жадный и мешающий наслаждаться вкусом голод. — Ведь это не плюшевый заяц? Это будущий кот. Он и обои будет драть, и углы помечать. А еще меня беспокоит возможная Сонина аллергия на шерсть, как с этим?

«Моя мать, — Вика посмотрела на Елену Ивановну, занятую беседой с мамой Виталика, — себе такого не позволила бы».

— Не волнуйся, Вика. Это особая порода — «Ирландский альбинос». Они смирны, очень дружелюбны и чрезвычайно чистоplotны. И, говорят, страшно умны. Достаточно двух-трех уроков, и они навсегда запоминают свое корыто и его назначение.

— И скорее сдохнут, чем позволят себе справиться где-нибудь в ином месте. В этом отношении эта порода мало чем отличается от собак, — заступился за жену свекор.

— Ты еще скажи, что они овладевают чтением и счетом. И скорее сдохнут, чем позволят себе уснуть без главы из Брэма.

— А ты, Андрей, лучше бы налил отцу еще рюмашку, чем угощать его шутками. А если серьезно, то хлопот с ними минимум. Это нам мужик, у которого покупали, сказал. Главное — не перекармливать. А Соне только польза — эгоисткой не будет.

— И с аллергией ты, Вика, можешь быть спокойна: эти ирландцы не лезут. Потому как альбиносы. Так нам продавец сказал. Приятный, между прочим, парень. На молодого Демьяненко похож. Ну? Не обижаешься на нас больше? Я видела твое лицо, когда мы с клеткой вошли.

— Ну что вы, Марина Станиславовна?! Обижаюсь... Скажете тоже.

— Видела, видела.

— Лишь бы Соне на пользу пошло.

— Вот это точно.

Выпили за успешное воспитание.

Потом прибежала Соня и сказала, что котенок описался. На ковер у кровати. Все снова пошли его смотреть.

Дети поместили котенка на Сонину постель, по которой он, дрожа и спотыкаясь, пытался ходить.

Котенок был матово бел, странно голубоглаз, невероятно мал и худ и невероятно большеголов. С выпирающим, если смотреть на его профиль, лбом. Лбищем. Казалось, что его крупная голова перевешивает все остальное, и вследствие этого он помимо воли тычется во все выступающие поверхности, а чтобы скрыть анатомический перекосяк, делает вид, что постоянно приплюсывается.

— Ой, какой страшный зверь! — скривила губы Елена Максимовна. — Дивный экстерьер. Ты не боишься этого головастика, Соня?

— Нет, бабушка. Он очень смешной, и я его очень люблю.

— Вот видите? — заметил свекор. — Ребенок ценит эту нетрадиционную эстетику. Большая голова — признак ума. По крайней мере, потенциально.

— Но лужу-то он сделал, как самый заурядный.

— У него стресс от нового места, — выставила защиту Марина Станиславовна. — У нас он вел себя так же.

Чтобы «ирландский альбинос» по причине стресса не надел чего хуже, чем лужа, его снова посадили в клетку и отнесли на кухню. А детей усадили есть.

Через четыре часа, в течение которых играли в прятки, танцевали под Земфиру, ели торт, Соня, Маша и Виталик играли в лото, взрослые пили вино, а котенок мяукал на кухне, разошлись. Довольные днем рождения, праздничным столом, поведением детей и поведением собственным.

Проводив бабушек и вернувшись к себе Вика, Андрей и Соня сразу направились на кухню — посмотреть, как там новый жилец. И были очень удивлены (особенно Андрей), что котенка в клетке не было. Он сидел под стулом в большой комнате. Как ему удалось выбраться из ящика, было непонятно. Очевидно, кто-то из гостей его выпустил на волю перед самым своим уходом. Скорее всего, Виталик или Маша.

Котенок уже не дрожал и не мяукал. Было видно, что он привык. И позволял себя гладить. Не сжимаясь в комок и мелко при этом не трясясь.

Решили его покормить. Соня налила в розовую миску сливки и не успела поставить ее перед котенком, как он издал подобие рычания и с невероятной скоростью

принялся лакать. Стуча своим мощным лбом в края, и тем самым отталкивая миску от себя. Миска уползала, голодное животное бросалось вслед, снова таранило посудину, которая от очередного толчка опять сдвигалась с места.

— Ну и экспрессия! Бодает, как баран, — усмехнулась Вика. — И где его хваленый ум? Так он всю комнату избороздит.

Но в этот момент котенок, словно услышав Викины слова, прекратил движение, прижав миску лапкой с выпущенными коготками.

— Вот! А ты сомневалась, — засмеялся Андрей, поднял пустую миску и понес ее на кухню. — Давайте приучать кота к порядку. Теперь он будет есть только здесь.

— А гадить только в туалете, — добавила Вика.

— А спать только у меня! — завершила Соня.

3

Прозвали котенка «Кашалот».

В его кличке сходились все предлагаемые каждым членом семьи прозвища.

У Сони большеголовость, короткохвостость и гладкошерстость ее котенка ассоциировались с игрушкой, которую она видела в садике у мальчика Ромы. Рома принес из дома и играл рыбкой, очень похожей сбоку на ее котика. Рыбку Рома со знанием дела называл «Кафалот». И объяснил Соне, что кафалоты очень большие и живут в море. Но дышат воздухом и имеют большие зубы.

Сонин питомец тоже дышал воздухом (она часто щупала его раздувающееся пузико), тоже имел большие зубы и тоже много кушал.

Это свойство было сразу отслежено Викой, которая предложила именовать котенка «Проглот».

Андрей, считал (но Вике не говорил), что в этой довольно грубой кличке содержится что-то обидное, относящееся к его родителям, опрометчиво преподнесшим Соне kota. Которого можно нейтрально и просто называть «Кошара». Вычлняя таким образом, животное мужское начало, независимость и силу.

В итоге остановились на Кашалоте. Это, по крайней мере, было без намеков и прикольно.

Как ни странно, но слова свекра сбывались. Вика удивлялась тому, насколько быстро Кашалот усвоил гигиенические навыки. Буквально с третьего захода он признал свой розовый лоток единственным местом для отправления нужд. Причем, кошачья система выделения работала в некоем очень удобном для уборки ритме. Утром было «большое». Днем и вечером «маленькое». Почти в одно и то же время.

И ел Кашалот только на кухне. И только из своей миски. И никогда не клячил дополнительные куски и кусочки, если Вика, Андрей и Соня сидели за столом. Правда, его порции поражали Вику размером и однообразием вкусового предпочтения. Ел Кашалот сырой куриный фарш, вареную картошку и рыбу. Тоже сырую. Первые дни жадно лакал сливки и молоко, а потом перешел на воду. Его рацион был установлен эмпирически. Это он нюхал и отходил, это он даже не нюхал, а на это (фарш, рыба и пюре) с ревом набрасывался.

А еще он очень быстро рос. Это констатировали приезжающие к Виноградовым теща и свекровь.

И действительно, за месяц телесные диспропорции сгладились. Голова Кашалота уже не перевешивала его тело и не казалась приделанной к нему от какого-то другого, большего размером kota. Все как-то уравновесилось и сгармонизировалось. Даже хвост вытянулся и стал толще.

Белая шерсть тоже, вроде как, уплотнилась и стала гуще. Но ворс ее по-прежнему был короткий и матово бел. Без блеска и лоска.

Голубизна глаз утратила подозрительную человеческую прозрачность и потемнела, приняв зеленоватую хищную глубину.

Первое время Соня в своих чувствах к котенку не знала никакой меры. Она таскала Кашалота на руках, укутав одеяльцем, укладывала спать в кукольную кроватку, учила ходить на задних лапах, постоянно гладила, чесала за ушами и всеми силами выжимала из него довольное урчание.

Но Кашалот терпел или принимал ее внимание как должное и ни разу Соню не царапнул или укусил.

С Викой он также был в контакте: играл с бантиком, терся о ее ноги и приходил к Вике на диван, когда она садилась перед телевизором.

А Андреем пренебрегал. Игнорировал. Уклонялся. Дистанцировался. Андрея Кашалот не признавал. И ни разу не запрыгнул к нему на колени, ни разу не ткнулся своим сократовским лбом Андрею в ноги, ни разу ему не мяукнул.

Обнаружился и еще один странный момент. В первый месяц, когда во избежание загрязнения и мелких квартирных повреждений Кашалота на день засаживали в его ящик-клетку, а сами уходили на работу и в детский сад, то... То иногда обнаруживали Кашалота сидящим на воле. Либо под столом в большой комнате, либо на диване у Сони. Но это происходило не настолько часто, чтобы вызвать у Вики и Андрея тревогу и недоумение, переходящее в мистический страх. Каждый раз все списывалось на небрежность замыкания дверцы.

И еще. Оказалось, что никаких «ирландских альбиносов» не существует. Нет такой кошачьей породы. Это

Вика выяснила, когда заглянула в Интернет за дополнительной информацией по правильному уходу за котами, с позиций их взаимодействия с детьми. На предмет желудочных инфекций, аллергий и лишаев у последних. Просмотрев сотни фотографий, лобастых «ирландских альбиносов» Вика не нашла.

Были «рексовые», «восточные короткошерстные», «девоны», «шотландские вислоухие», «русские голубые» (в смысле окраски), «сфинксы» и просто альбиносы с красными глазами и розовыми носами. А таких, как Кашалот, то есть «ирландских», да еще альбиносов, не было.

Ну и что?

4

За месяц к Кашалоту привыкли. Приняв как норму его необременительное присутствие. Согласившись с наличием в своей квартире живого, бесшумного белого пятна, перемещающегося по собственной прихоти по ее трехкомнатному пространству. Как будто он жил у Виноградовых всегда.

За месяц Кашалот привык к Виноградовым. Определив основные зоны своего пребывания и стиль своего котеночьего поведения. Спал он в большой комнате на диване. Это если отдыхал днем. Ночевать же всегда приходил к Соне, устраиваясь поверх одеяла на ее постели. Видимо, сказался приобретенный в первые дни адаптации рефлекс, когда ребенок в избытке новых чувств с Кашалотом не разлучался.

Если Кашалот не дремал, то играл. С Соней, Викторией, привязанным к стулу фантиком, скомканным рекламным листком, резиновым мячиком или собственным хвостом. Если Кашалот не играл, то смотрел в телевизор. Если не смотрел в телевизор, то со всех сторон себя

вылизывал. И утомившись от перечисленных занятий, впадал в дрему.

Чем котенок занимался в отсутствии людей, определению не подлежало. Уже выпускаемый из клетки на свободу Кашалот следов не оставлял — ничего и нигде исцарапано и ободрано не было. И не обнаруживалось опрокинутых или разбитых предметов.

В ноябре Соня, как и предупреждала ее бабушка Лена, начала посещать занятия живописи и основ эстетики. Проводимые в узком кругу одаренных детей (от 4 до 6), в который за достойную, усиленную знакомством плату попала Виноградова Соня.

Бабушка забирала внучку по вторникам и четвергам прямо из детского сада и везла ее в центр, где в одном из помещений Дома Журналиста госпожа Машурова учила красоте. Причем интенсивным комплексным методом.

Помимо собственно рисунка (карандаши только «Faber Castel») и мазни акварелью («Сонет» и колонковая кисть), деток загружали фильмами, музыкой и лекциями. Музыкой, естественно, классической, кино, само собой, о картинных галереях мира, лекциями, безусловно, о гармонии звука и цвета.

То ли от переизбытка информации, то ли от долгой дороги и пробок, то ли от двух часов неподвижности, наступающей во время изучения основ прекрасного, то ли... то ли от совокупности всех этих факторов, отягчающих Сонину жизнь во вторник и четверг, поведение и состояние Сони изменилось.

Она стала капризной, сердитой и до слез обидчивой. И даже, чего никогда не бывало раньше, начала просыпаться среди ночи и рыдать. Громко и безутошно. И Вике требовалось больших усилий и самообладания, чтобы успокоить дитя, которого, по Викиному мнению, стали одолевать кошмары.

— Может, не будем больше возить Соню к твоей Машуровой, мама? Вчера я около часа пыталась ее успокоить. И все никак. Вроде затихнет, начнет дремать. А потом опять встрепенется и давай. И все про какого-то мальчика, который к ней пристаёт. Что за мальчик?.. Видишь, к чему приводят твои занятия живописью.

— Живопись здесь ни при чем, — отвечала бодрая Елена Максимовна. — Красота, моя дорогая, в принципе не может навредить. Она мир спасает, как Федор Михайлович справедливо заметил. Я это очень хорошо почувствовала, когда стала Соню в кружок водить. Очень хорошо. Если бы ты знала, какая замечательная атмосфера царит на занятиях! Раиса Викторовна — гениальный педагог. Мы сидим в уголке и любим ее мастерством. Как она с детьми! И не строго, и не мягко. И покажет и подскажет. И похвалит, когда необходимо. Мы не налюбujemyся.

— Хорошо, но, может быть, перебор? Все же два часа. Не много ли таким маленьким?

— Много? Что ты! И разминки есть у них, и музыкальные паузы, и обсуждают они свои успехи и неудачи. Все в динамике. Не успеешь оглянуться — уже конец! Два часа — как две минуты.

— Но Соня изменилась.

— Это лишний раз говорит о ее повышенной чувствительности. С одной стороны, неосознаваемый эмоциональный отклик на прекрасное, с другой — меняющиеся внешние условия. Я имею в виду повышение общего уровня мрака. Эта бесконечная темень, слякоть, дождь, мокрый снег. Это же такой для ребенка контраст. Да еще авитаминоз. Вы ей фрукты покупаете?

— Мама?! Ну что у тебя за вопросы?

— А что? Так покупаете?

— Покупаем, загляни в холодильник.

— А соки?

— И соки.

— А витамины?

— При чем здесь витамины? Ребенок вскакивает по ночам и бьется в истерику, а ты витамины. И все какой-то мальчик. Чужой мальчик. Все к ней лезет.

— Лезет? Это в каком смысле?

— Это, мама, в том самом.

— В таком-то возрасте?! Ужас!

— Я не знаю, в каком он возрасте. У вас там мальчики есть?

— Мальчики? В смысле мужского начала? В группе семь человек. Пять девочек, включая нашу Соню, и два мальчугана. Но один еще слишком инфантилен, хотя ему, как и Соне, уже четыре. А второй... Сережа. Тому вроде уже шесть. Но... Не думаю, что он смог бы произвести на Соню такое глубокое впечатление, что даже начал ей сниться. Да еще в таком качестве. Худой, очкастый, как мышь тихий. Ничего, по-моему, интересного.

— Это по-твоему. А я не знаю, что делать!

— Да ничего не делать. Давай ей на ночь успокоительный чай. Поменьше телевизора и этих идиотских японских мультфильмов. Или, вон, вашего Кашалота пусть почаще гладит. Я читала — коты всю отрицательную энергию на себя забирают.

— Да он и так у нее в ногах спит. Куда уж ближе. А она все равно просыпается и кричит.

— А с Андреем у них как?

— Что «как»?

— Я имею в виду отношения. Он ее не ругает? Не по-вышает голоса?

— Мама! Ну что ты такое говоришь! При чем здесь Андрей? Ее что-то угнетает. Но я никак не могу понять, что. Наверное, этот твой дурацкий кружок. Рано ей еще.

— Ну вот, договорились! Дошли до сути проблемы! Как всегда, виноватой оказалась я. Спасибо тебе, родная доченька!

— Мама...

— Спасибо, большое спасибо. Сенкью, как говорится, вэри мач. А как же еще?! Я увожу и я привожу. Я плачу по полторы тысячи за занятие. Я покупаю дорогущую бумагу... Я вожу с собой термос с чаем и бутерброды...

— Мама...

— Я просиживаю по два часа в душном зале. Я не знаю, что еще сделать для того, чтобы моя внучка росла умной и развитой в отличие от всеобщего дебилизма и деградации... и... И в итоге виновата. Родители довели своего ребенка до ночных кошмаров, а все претензии ко мне.

— Да не к тебе, успокойся, ради бога! Успокойся. Если бы я могла предположить такую с твоей стороны неадекватную реакцию, никогда бы этот разговор не начала. Я всего лишь соотнесла. Это началось после того, как Соня стала посещать занятия. Может быть, ей не нравится рисовать? Может, она это делает через силу и только, чтобы тебя не обидеть, или просто, подчиняясь, ходит. Что ей еще делать? Детям рассуждать не положено. Помнишь, ты меня на музыку таскала? Я это пианино видеть спокойно не могла. А виду не подавала.

— Почему, скажи теперь?

— А потому что считала: раз мама водит, значит надо. Все просто. И без обсуждений. Надо так. Понимаешь?

— Что-то не замечала я, чтобы Сонюшка страдала. Глазки горят, и старается так, что языком чуть листа не касается. И получается у нее. Раиса Викторовна несколько раз в пример ее ставила. Где же здесь скрытые муки? И потом, почему мальчик? Тогда снилась бы старуха. С кисточкой и палитрой в руках. И что значит

«лезет»? Ты уверена, что это «лезет» означает сексуальные домогательства? Может быть это ты, моя милая, в силу своей испорченности, во всем видишь сексуальную агрессию. А?

Тем неприятный для обеих мам разговор и закончился.

А через неделю после него у Сони был еще один ночной приступ, после которого разночтений понятия «лезет» не стало.

Около двух часов ночи, взвизгивая и плача, залитая по пояс слезами в спальню к родителям прибежала Соня. Вытяжка из ее полуслов-полуплача, всхлипываний и бессвязных междометий заключалась в следующем. Каждую ночь к Соне приходит мальчик. Мальчик почти такой, как Виталик, но не Виталик. Вначале он прячется, но Соня чувствует, что мальчик уже пришел. Потому что уже не спит. А только лежит. Но подняться и пошевелиться не может. И только чувствует и видит. Потом он незаметно ложится к Соне на кровать и неподвижно лежит и только дышит. А потом он прижимается к Соне сзади и начинает ее трогать. Одной рукой ее голову и волосы, а другой ноги. Это не больно. Но становится страшно. Потом мальчик прижимается еще плотнее и свою руку просовывает в то место, откуда Соня писает. А губами или чем-то мокрым касается шеи. И вот тогда Соне начинает «казаться». И от этого ее охватывает такой страх, что хватает сил, чтобы вскочить, заплакать и позвать маму. Вот и все. Соня больше не хочет, чтобы к ней приходил этот странный мальчик и чтобы ей «казалось».

Что значит «казалось», Вика так понять и не смогла. Не понял это и Андрей. Также было невозможно узнать, что именно казалось Соне, когда «казалось». Этому в ее еще скудной детской лексике не находилось нужных понятий. А те слова, которыми она пыталась передать

свой опыт, не складывались и между собой не сочтались. «Качели», «вода», «огоньки», «красный звук», «лапы», «темный лифт», «много», «лизжет», «быстро»...

После этой неприятной и скорбной ночи Вика стала заваривать Соне пакетик успокоительного сбора. И обзванивать знакомых на предмет подсказки, что в таких случаях можно сделать еще. К врачу пока не обращались.

К врачу обратились тогда, когда Соня на занятиях по спасающей мир красоте укусила свою преподавательницу. Вонзив зубы в помогающую выводить нужную линию руку. Вцепившись глубоко и до крови.

Конфуз был страшный.

Машурова, от неожиданности потеряв контроль и чуть не матюгнувшись в присутствии детей и сопровождающих их бабушек и мам, взвыла. Дети вначале оторопели, а потом захихикали. Сопровождающие их бабушки и мамы бросились к столам, и образовалась каша.

Одна только Соня оставалась спокойной и безмолвной. И не отвечала ни на чьи вопросы. Ни бабушкины, которая от стыда была готова провалиться сквозь второй этаж Дома журналиста. Ни Машуровой, вновь обретшей равновесие и способность к связной речи. Ни находящихся на грани шока тетенок.

Больше живописью Соня не занималась. И до консультации с детским психиатром, специально приглашенным на дом, в детский сад не ходила.

Психиатр представлял собой плотного румяного сангвиника лет сорока. Звали его Марк Леонидович Бялик. А добыла его Викина свекровь, наотрез отказавшаяся верить в происшедшее.

Разговор со специалистом начался общим чаепитием. Присутствовали все: Соня, Вика, Елена Максимовна, Марина Станиславовна и трущийся об ноги Кашалот. Марк

Леонидович умело и предельно тактично выспрашивал обстоятельства Сониной жизни с того момента, когда она начала говорить: первые слова, сложные для произнесения буквы, ошибки в подборе терминов. Всем было, что вспомнить и над чем еще раз посмеяться.

Затем он издалека подошел к кружку рисования и бомбардировал Елену Максимовну разными, на первый взгляд, ничем с собой не связанными вопросами: как дети сидели, цвет одежды Машуровой, время, потраченное в пробках...

Обратив внимание на Кашалота, Марк Леонидович, выразил восхищенное удивление его внешним видом и, как бы любопытствуя на счет котенка, выспрашивал у Вики Сонину реакцию на появление в их доме живого существа. Втягивая в беседу и Соню.

Когда же Соня, привыкнув к «доброму и веселому» дяде, перестала стесняться и разговорилась, они (Соня и дядя) уединились в Сониной комнате. И провели там не менее полчаса.

После чего, уже без девочки, оставшейся играть у себя, в гостиной был озвучен эпикриз.

— Ситуация, дорогие мои женщины, типичная, — мягко начал румяный Марк Леонидович. — Это детский бунт, который вполне естественен для каждого более или менее раскрепощенного ребенка. И это хорошо. Не ее агрессия, выраженная таким примитивным архаическим способом, а сам выпад. Иначе загнанное вглубь недовольство сулило бы серьезной личностной деформацией. Все наши комплексы и отрицательные свойства закладываются в детском возрасте. Когда устанавливается устойчивая картина мира и складывается оценочно-понятийная система.

— Простите, доктор, а против чего бунт? — перебила доцента Елена Максимовна и бросила взгляд на Вику.

— Против чего? Поправлюсь. «Бунт» слишком громко сказано. Это искренний протест. Или, если хотите, защита. Попытка сохранить прежние границы, где можно быть такой, к какой привыкла. Здесь, насколько я смог понять, ситуация, в которую была введена Соня, предъявила ей определенные требования. Навязала ей некое подобие социальной роли. И эта роль, в нашем случае роль старательной рисовальщицы и внимательной ученицы, могла ощущаться как новое платье. С непривычки кажущееся тесным и неудобным. Но это лишь одна из составляющих. Существует еще нечто, дестабилизирующее психическое состояние ребенка. Что? Точного ответа я вам дать не могу. Судя по персонификации в виде воображаемого «мальчика», появляющегося в Сониных грезах, я могу предположить, что им может быть доступ в новый подсознательный уровень, открывшийся посредством неких разблокирующих программ.

— Простите, Марк Леонидович, вы не могли бы то же самое выразить попроще, — не постеснялась обнаружить свою неосведомленность в вопросах психологии и детской психиатрии Марина Станиславовна.

— С удовольствием. Вы, — обратился Бялик к Викиной маме, — говорили, что занятия проходили в очень комфортной располагающей обстановке. Изысканная музыка, красивые фильмы о музеях и европейских городах. Замечательно! Но не вспомните ли вы, Елена Максимовна, а не звучала ли там музыка Паганини?

— Паганини? — покраснела Елена Максимовна и еще раз бросила взгляд на Вику.

— Скрипка, — помог чуткий Бялик. — Страстные стремительные пассажи? Было?

— Кажется, скрипка играла. Если Раиса Викторовна не объясняла, то музыка играла все время, как фон. Но,

скорее, умиротворяющий, а не стремительный. Да. Сейчас я вспомнила — скрипка играла.

— Отлично. А фильмы? Я имею в виду предлагаемый детям видеоряд. Не показывали ли им полотна с изображенными нагими телами?

— Конечно. Рубенс, Боттичелли и... и другие.

— Так. А не мелькала ли на экране скульптура Гермеса? Такой парящий в беге обнаженный юноша в шлеме, с крылышками по бокам, и витым жезлом в руке?

— Не помню, но вполне может быть. Преподавательница одно из вводных занятий специально посвятила скульптуре. Конечно на детском уровне, без зауми. Безрукая Венера, Давид, Медный всадник. А что, скульптуры как-то влияют на детские кошмары?

— Вот, а вы говорите, что нет никаких причин, — проигнорировал вопрос Марк Леонидович. — Теперь, Вика, последний вопрос к вам. Можно?

— Конечно.

— Вы не подскажите, где я могу вымыть руки?

В ванной Марк Леонидович спросил:

— Виктория, вы соблюдаете правила звукоизоляции?

— Простите?

— Хорошо ли запираете дверь супружеской спальни?

— Я поняла. Конечно. Мы с мужем блюдем целомудрие своей дочери.

— Чудесно.

Вернувшись назад, доктор Бялик еще минут двадцать объяснял положение дел. Все сводилось к тому, что хотя кусаться и плохо, но все же лучше, чем превращаться в потенциального шизофреника или суицидника. Что все, в принципе, нормально. Что бояться особенно нечего. Что эмоциональные всплески, выражаемые в виде ночных истерик, не что иное как работа, метафорически, перепускного клапана, избавляющего от избытка

впечатлений и непроработанной информации. Ребенок — есть ребенок. А тем более девочка. А тем более такая чувствительная, как Соня. Тем более обладающая таким живым воображением...

А посему:

— в кружок пока не водить. Может быть, на какое-то время устроить каникулы и от детского сада. Но ненадолго;

— пешие и только пешие прогулки по городу. Детские площадки с качелями, горками и веревочными лестницами;

— минимум телевизора;

— максимум моркови и винограда. Никаких приправ, «Макдоналдсов» и хот-догов;

— утром: несложные гимнастические упражнения в течение пяти-десяти минут плюс одна таблетка «Тенотена»;

— на ночь: русские народные сказки и также «Тенотен», также одна таблетка. В течение трех месяцев;

— раз в неделю теплая ванна с морской солью.

— А чтобы избавить Соню от стресса, — завершил Марк Леонидович, — и внезапных ночных пробуждений, могущих еще какое-то время иметь место, то девочке лучше спать с мамой. Так сказать, перелистнуть страничку назад к послеродовому периоду, что только усилит связь между прелестной Соней и ее прелестной мамой. Все.

Следуя рекомендациям доцента Бялика, Соне устроили каникулы, и две недели она не ходила в детский сад. К ней через день приезжали бабушки, привозя

яблоки и пакеты с мытой, готовой к немедленному употреблению морковкой. Если не шел дождь, бабушки и Соня отправлялись на площадку, где Соня до изнеможения лазала, качалась, бегала и прыгала.

Каждое утро, включая выходные, Андрей и Соня делали зарядку. Старательно воспроизводя скаченный из Интернета комплекс утренней гимнастики «Солнечный зайка».

Вечером Вика читала Соне сказки. Телевизор принципиально не включался.

На время «нормализующей терапии» произвели небольшие перестановки: Андрей вместе со своим ноутбуком и наушниками к нему перебрался в Сонину комнату. Благо, купленная на вырост дочкина кровать оказалась вполне способной принять вес и габариты его тела.

А Соня с игрушками перебралась в спальню родителей.

Через несколько дней к Вике и Соне присоединился Кашалот, не сумевший приспособиться к тому, что вместо ребенка под одеялом теперь лежал взрослый мужик.

Вике и Соне котенок не мешал — к ним он не лез, а благоразумно ложился на стоящее рядом с тахтой кресло, свернувшись на Сонином халатике.

Засыпали они (Кашалот, Соня и Вика) около десяти часов. Начитавшись до зевоты про Иванушек-дурачков, Василис прекрасных и Золотых петушков. И спали до утра. Не просыпаясь. До следующего дня, начинающегося с комплекса утренней гимнастики «Солнечный зайка».

О кружке, как о чем-то неприличном, не вспоминали. Ни Вика, ни Елена Максимовна, ни свекор со свекровью. Однажды Соня захотела порисовать, и это вызвало некий испуг и напряженность. Но Марк Леонидович, с которым спешно связались, успокоил короткой фразой: «Все

хорошо в меру естественности. И все естественно в меру благодати». Что означало — пусть себе рисует, пока есть желание.

6

Так прошел месяц.

За это время Соня ни разу ночью не плакала, не кричала и не вскакивала. А если и просыпалась, то совсем на чуть-чуть и только для того, чтобы прошептать «мамочка» и прижаться плотнее к Вике. Но это только первые несколько дней. В последующие недели сон у девочки стал крепок, как у ночного сторожа на дежурстве. К Новому году в Вике (имеется в виду по ночам) Соня уже не нуждалась. Мама ей теперь мешала, и она уже старалась отодвинуться от матери, раскинуться и сбросить с себя одеяло, под которым вдвоем становилось неудобно и жарко.

Все нормализовалось. Это подтвердил и доцент Марк Леонидович.

И Соня снова оказалась у себя. А счастливый Андрей снова спал с женой.

И Кашалот почему-то остался у них в спальне. За Соней он не пошел. Может потому, что привык к креслу, может потому, что за это время он подрос и сменил привычки.

А он действительно подрос. И уже не играл с бумажным фантиком, и не бросался на брошенный ему маленький резиновый мячик, и не ловил собственный хвост. Детские кошачьи забавы сменились у него кошачьими подростковыми манерами: Кашалот мог куда-нибудь спрятаться, а потом неожиданно выпрыгнуть из укрытия и вцепиться в шагающий тапок. Или запрыгнуть на подоконник и смотреть, как по стеклу стекают водяные струйки, которые он периодически пытался остановить ударом лапы.

А после Нового года произошло несколько неприятных событий.

Перове и второе больше касались Сони. Третье и четвертое — Вики и косвенно Андрея.

Оказалось, что терапевтические меры, предложенные опытным в своем деле Марком Леонидовичем, носили паллиативный характер. Соня избавилась от своих ночных кошмаров и ни разу не жаловалась на появление «мальчика». Она вообще больше ни на что не жаловалась. Зато жаловаться начали на Соню. Вначале мама Вероники Угловой, а потом мама Олега Дмитриева, с которыми Соня имела несчастье пребывать в средней группе своего детского сада.

Веронике Угловой Соня оцарапала руку. А Дмитриева Олега она укусила за палец...

Разбирательство установило, что оба случая произошли в тот момент, когда дети собственными усилиями пытались распределить между собой любимые игрушки. Станным и вызывающим сильнейшее недоумение был сам челюстно-ногтевой способ, используемый четырехлетней тихой девочкой для обозначения своей позиции и заявления прав на куклу и пластмассовый домик с мебелью. Предназначаемые для всех в порядке справедливой очереди.

Соня! Большеглазая светловолосая, очаровательная Соня! Приветливая и послушная, как ангел... И вдруг такое! И дважды!!! Какой кошмар, какой ужас...

Спешно вызванный к Виноградовым доцент прокомментировал инциденты как проявление атавистических рефлексов, наложившихся на автоматически сработавшие глубинные инстинкты, дремлющие в каждом человеке с той самой поры, как он встал с четверенек.

— Ничего страшного я пока не наблюдаю, — объявил неунывающий Марк Леонидович Вике и Елене

Максимовне (свекрови о дикостях Сони решили не говорить). — Тот, кто по-настоящему не испытывал боль, с легкостью причиняет ее другим. До тех пор, пока сам не испытает подобное.

— Так что же? Вы предлагаете в сою очередь покусать Сонечку? Так, что ли?

— Ни в коем случае. Просто следует это учесть. И все свое педагогическое внимание направить на разъяснение девочке недопустимости никакого вида насилия по отношению ко всему живому. Будь то мальчик, девочка, взрослый, животное или даже растение.

— Кстати, — Бялик обратился к Вике, — как ваша Соня относится к живущему у вас коту? Вы не замечали с ее стороны какой-либо направленной на него жестокости? Она хватает его за хвост? Или, может быть, шлепает?

— Нет, что вы! Никогда. Дома Соня всегда послушна и ласкова. С Кашалотом...

— С кем?

— С Кашалотом. Так зовут нашего котенка. С ним она весело играет, гладит его и с удовольствием кормит. Я и подумать не могла, что такое может повториться. Я...

Закончить фразу Вика не смогла — она заплакала.

— Да вы не убивайтесь, — улыбнулся доцент. — Это нормально. Отстаивание своих прав — это нормально. Это в генах. А тем более дети. Они, в известном смысле, как дикари. Тот же уровень. Я и сам в детстве чудил. Книжки рвал, игрушки ломал. Успокойтесь. Сейчас очень важно эту дугу разомкнуть. Чтобы подобный поведенческий паттерн не стал привычным.

— Но как?

— Как? Умело накажите. Но без физического воздействия. Только осознание. Только через ум и сердце. Здесь, к сожалению, теория заканчивается. Конкретный способ вразумления я вам указать не могу.

И посоветовав Вике и Елене Максимовне стать для Сони примером незлобия, терпения и дружелюбности, доктор Бялик удалился.

Так совпало или с этими психологическими разглагольствованиями имелась прямая связь, но в ту же ночь расстроенной Вике приснился странный сон. Очень странный сон.

Ей снилось, что она не спит. А просто так лежит на тахте с закрытыми глазами. На любимом правом боку, подложив под щеку ладонь. Все слыша, все чувствуя, все воспринимая. Рядом сопит Андрей, за окном шумит метель, у соседей наверху подпрыгивает музыка.

И вдруг, в мягкое и осторожное «вдруг», Вика понимает, что рядом кто-то есть. Настолько рядом, что она ощущает за своей спиной его дыхание. Частое и возбужденное. Вызывающее в ней не страх, естественный в такой момент, а любопытство. Стремительно переходящее в нечто подобное ожиданию.

Вот этот некто лег. Вот нежно коснулся ее плеча. И это безмолвное прикосновение, сопровождаемое теплыми воздушными приливами, приостановив на несколько мгновений Викин пульс, ее обессилило и парализовало. Но опять же, не тем, что Вике стало жутко, а оцепенением узнавания чего-то давно-давно забытого и желанного. Желанного и желаемого. До дрожи, до сухости во рту, до пота под мышками.

Никакой необходимости защищаться не было. Вика не видела, но знала, что рядом с ней лежит молодой парень, почти пацан, с наглым и красивым лицом. Сильный и гибкий. Который значительно моложе и сильнее, чем ее Андрей, и который сейчас будет... И при этом совершенно неважно, как он оказался в их спальне, потому что сама Вика жаждет того же, потому что она прекрасно понимает, что это сон. В котором себе можно позволить

все. И именно потому, что это сновидение. Разъедающее ее животной страстью.

Влажные губы прилипли к Викиной шее, а рука уверенно и ловко стиснула грудь. Пока поверх одеяла. Но только пока. И действительно, как только Вика пропиталась теплом ладони и влажностью губ, одеяло и ее ночная рубашка растворились, и они оказались нога к ноге, спина к животу, ягодички к горячей твердости. Мочку уха нежно прикусили зубы, рука, еще раз тиснув Вике сосок, поползла по животу, и она вздрогнула от нажима пальца между лепестками-складками своей сокровенности.

Внезапно обрушилась тугая темнота, и оранжерейно запахло влажным лесом. В листовном шевелении которого невидимо копошились маленькие зверьки, выдающие свое движение дразнящим писком. Оставалось только прыгнуть, схватить одну из этих тварей и начать грызть. Зеленые косые всполохи, закручивающиеся в спирали...

Где-то включилась истошная автомобильная сигнализация, и Вика очнулась.

Рядом, лицом к ней сопел муж, мокрый свет фонаря высвечивал в спальне занавеси и угол шкафа, одеяло ватным покровом касалось щеки. Никого. Только сердцебиение и отвратительный осадок. И еще привалившееся к спине легкое тепло. Оказавшееся, когда она решилась вынуть руку, спящим Кашалотом.

Скинув на пол кота, Вика встала и пошла на кухню выпить воды.

Наваждение повторилось через несколько дней. Длилось оно дольше и зашло дальше: было неистовое соитие, а затем размазанный бред, в котором Вика за кем-то гонялась, от кого-то скрывалась и куда-то прыгала. После чего (Андрей во сне закашлял, и все оборвалось) Вику тошнило и хотелось плакать.

И пошло.

Не часто, но периодически. И каждый раз неожидан-но. И может быть, поэтому от сладостных истязаний не было никакой возможности избавиться. Когда на-катывало, когда Вика понимала, что «оно» наступило, ее охватывали паралич и сладострастная нега. В самом невыгодном для Вики сочетании.

Потом наступало похмелье и душило отвращение к себе. Постепенно накапливающееся и прорывающееся во вне: Андрей в качестве мужа стал ей невыносим, Соня раздражала, а Кашалот бесил. И на работе Вика удивляла свою подругу Бармину угрюмостью и неразговорчивостью.

Прошли депрессивные февраль и март, в течение которых положение усугубилось. Дело в том, что Соня от своих хищных тенденций не избавилась. Не помогли ни консультации Бялика, ни гуманные наказания в виде запрета на сладкое и мультфильмы, ни усиленные дозы успокоительных средств.

А после того как Соняхватила за колено нянечку, про-изошел скандал. Вика отшлепала дочь. С руганью, кри-ками, но при этом хладнокровно и расчетливо сильно. За Соню вступился Андрей и тоже получил свою порцию в виде оскорблений и упреков. Были разбиты две чашки, выброшены в мусорное ведро подаренные на 8 Марта духи. Досталось и Кашалоту — он получил пинок и был вышвырнут на лестничную клетку.

Приезжала Елена Максимовна, обливалась слезами и всех жалела. А потом на несколько дней взяла Соню к себе.

С подачи Бялика Вика несколько раз ездила на кон-сультации к профессору Кузнецову — ветерану кли-нической психиатрии и неврологии. Старик задавал

каверзные вопросы, поил Вику травяным чаем и грузил советами и рекомендациями. Одна из которых заключалась в санаторном отдыхе от семьи с полным курсом водолечения и фитотерапии.

— Ну это, если станет совсем невмоготу. Но я уверен, Виктория Алексеевна, вы справитесь с проблемой сами. Такое неприятие жизни бывает у всех. Потерпите — выглянет солнышко, запахнет весной, и все нормализуется.

Но когда запахло весной и выглянуло солнышко, ничего не нормализовалось. По ночам Вику посещал похотливый фантом, а днем она срывала свое щелочное настроение на дочке, муже и коте.

В один из благоприятных для выяснения отношений моментов Вика и Андрей, чтобы не докатиться до развода, решили отправить Вику в санаторий.

Марина Станиславовна раздобыла со скидкой путевку, и Вика уехала в украинскую «Полтаву», где на полувековом протяжении успешно справлялись и справляются с любыми расстройствами нервной и иных человеческих систем.

А теперь перейдем к Марине Станиславовне.

8

Каждую весну Марина Станиславовна выезжала на дачу. И надолго там поселялась: как правило, с середины апреля по самое осеннее некуда.

Такую возможность ей предоставляли льготно-пенсионный возраст и Игорь Дмитриевич, продолжающий трудиться в своем институте и приезжать на участок по выходным.

Обычно маленькую Соню перевозили на дачу только в июне. Когда были засеяны грядки и цвела сирень. Но

в этот год ввиду критических обстоятельств с их критической массой (сложности возникли не только с Викторией, но и с Соней в садике) бабушка Марина забрала внучку сразу по отбытии остервеневшей невестки. Перед этим, естественно, были споры с Еленой Максимовной, но победа осталась за Виноградовыми-старшими. Потому что одним из главных аргументов был Кашалот, которого увозили в дачную местность вместе с Соней. Елена Максимовна не любила животных и категорически исключала появление на своей территории какой-либо живности. А тем более неприятного ей Кашалота, ставшего к той поре если не матерым, то уже вполне сформировавшимся котом.

Несчастный Андрей отказался оставаться в квартире с «ирландским альбиносом», ссылаясь на то, что их отношения не сложились. Кот подлежал изъятию. И поэтому был засунут в свою розовую клетку и вместе с розовым блюдцем, розовым туалетом и парой чемоданов увезен к Марине Станиславовне, начинавшей дачный сезон.

А Елена Максимовна, тем самым, осталась в расстройстве от двойной разлуки, но в полной психической нерасшатанности, подобно вросшему в десну зубу мудрости. Но дело не в ней.

На даче устроились очень удобно. Соня заняла свою комнатку, а кота из гигиенических соображений Марина Станиславовна устроила у себя.

Днем они с Соней ковырялись в земле, гуляли, а после обеда ложились отдыхать. Вечером читали книжки, слушали на древнем магнитофоне кассеты со сказками и пили кефир. Когда они пили кефир, к ним присоединялся Кашалот, полюбивший этот незнакомый ему до селе густой и кислый напиток. Из тех же гигиенических соображений он на улицу не выпускался и сидел в доме. Но ему в качестве компенсации предоставлялись все

комнаты, сени и чердак, где Кашалот в светлое время суток и пропадал.

В субботу с ночевкой приезжал Игорь Дмитриевич. В воскресенье Андрей. Каждый вечер Соне звонили Вика и Елена Максимовна.

Пахотный период требовал не только лопаты, грабель и кривых длинных зубьев на ручке. Иногда становились совершенно необходимыми пила, молоток и топор: крепить новыми досками грядки, подпереть вбитым колом яблоню, оградить ряжи куст. И если с посевом Марине Станиславовне старательно помогала Соня, то столярные операции могли произвести лишь мужские руки. Но муж и сын появлялись только раз в неделю, и поэтому очень часто Марина Станиславовна прибегала к услугам своего соседа. Кряжистого, подвижного и неутомимого отставника Михаила Анатольевича. Очень к ней расположенного.

По первому же зову, отложив свою шумную возню неизвестно с чем, сосед являлся и быстро и весело выполнял задание. Потом подмигивал и говорил:

— Принимай работу, Мариша. Вот только не знаю, чем расплачиваться будешь? А?

Потом подмигивал снова и уходил до следующего зова.

Непонятная Соне фраза и непонятное Соне подмигивание повторялось с механической точностью каждый раз. И это было ей смешно. Улыбалась и «Мариша».

А в холодную и бледную майскую ночь Марине Станиславовне приснился сон. Тоже бледный, но отнюдь не холодный. Станный сон. Но вместе с тем приятный.

Ей снилось, что она с закрытыми глазами лежит на своем диване и слушает, как тикают настенные часы. И их ход постепенно начинает раздваиваться и производить новые звуки, напоминающие шаги. Как будто

кто-то ходит за стенкой. «Соня?» — подумала во сне Марина Станиславовна, но скоро поняла, что шаги не детские. Шаги взрослого. Но не Игоря и не Андрея. Это ее почему-то не удивило и не испугало, а каким-то парадоксальным образом развеселило и разбудило интерес — что будет дальше?

А дальше Марине Станиславовне сквозь закрытые глаза стало видно, как к ней уже бесшумно и быстро подошел мужчина. В возрастной неопределенности, но явной зрелости и силе. Это ощущалось, этим от него веяло. Черты лица, смазанные ночной серостью, были чем-то очень знакомы и о чем-то очень знакомом напоминали. Вот-вот и все станет ясно и объяснится. А еще это напряжение памяти отозвалось у Марины Станиславовны в груди и в низу живота. Приятным, давно не переживаемым чувством. Женским чувством.

Мужчина смотрел на нее темными пятнами невидимых глаз и, как ей показалось, слегка улыбался. А когда он сел на край постели, Марина Станиславовна впала в приятную обездвиженность — ей не могло и не хотелось двигаться. Ей хотелось, чтобы этот интересный мужчина к ней прикоснулся.

Мужчина к ней прикоснулся — вначале положил свою ладонь ей на запястье, а после перенес ее на грудь. И вот тогда Марина Станиславовна услышала его частое порывистое дыхание, и сама задышала порывисто и часто.

А потом его теплая рука оказалась под одеялом, у Марины Станиславовны на животе. Отчего она покрылась мурашками и стала ждать, когда поглаживающие живот пальцы спустятся ниже, залезут под пижамные панталоны.

Но на этом месте ей пришлось проснуться — где-то с диким воем пронесся мотоцикл.

Она вздрогнула, и от ее телесной конвульсии проснулся Кашалот, незаметно взгромоздившийся ей на ноги. Было тихо, было полутемно... никого. Только урчащий кот.

Шугнув его, Марина Станиславовна повернулась на бок и попыталась заснуть, чтобы досмотреть щекочущее сновидение. Но заснуть не удалось — помешало вызванное прерванным странным сном возбуждение. Ярко выраженного сексуального характера.

И именно это приятно волнующее чувство с оттенком неудовлетворенности способствовало тому, что Марина Станиславовна совершенно по-новому взглянула на ядреного Михаила Анатольевича, пришедшего утром поправить компостный ящик.

Через день дразнящий сон повторился. Начался он почти так же, а прервался (у Сони что-то упало за стенкой) на нежной, но многообещающей прелюдии.

А после третьей сексуальной грезы, когда этот удивительный ночной мужчина почти вошел в Марину Станиславовну (почему дело не дошло до конца, она понять не успела — началась настоящая чушь: птицы, брызги крови, тоннель...), она встала утром, отдавая себе отчет в том, что хочет мужчину. Настоящего, во плоти.

Игорь Дмитриевич сошел с дистанции уже несколько лет назад. Иногда еще бывали обманчивые потуги на близость, но кроме досады и зуда в известном месте они после себя ничего не оставляли. А пятидесятидвухлетняя Марина Станиславовна сексуально еще не умерла. И, как она поняла после таких глюков, умирать не собиралась.

И вот когда после очередной отпиленной доски и вколоченного гвоздя соседка подмигнул и изрек свое:

— А чем расплачиваться будешь, Мариша?

Она кокетливо улыбнулась (понимая, что совершает безумие) и ответила:

— А чем ты, Миша, хочешь?

— Так это... — опешил вначале Миша и оглянулся. — Ты серьезно?

— А ты?

— А у нас слово с делом не расходится.

— А у нас тоже. Приходи как-нибудь чайку попить. Когда внучка заснет. У меня и ликер есть. Французский, между прочим.

— Так... Договорились, соседка, договорились. Чаек мы любим.

Уже после диалога Марина Станиславовна кляла и ругала себя как могла. Но та, которую она кляла и ругала, изнемогала от желания лечь под крупное тело Михаила Анатольевича и вцепиться ногтями в его покатые широкие плечи. Понимая при этом, что свихнулась. И что ей все равно — пусть будет так...

Так Марина Станиславовна изменила мужу. Первый (двадцать лет назад на юге — не считается) раз за их совместную жизнь.

А потом еще. И еще. Плюс тот, который во сне.

Кошмар...

9

А в середине июля произошли изменения. Трагического характера.

Во-первых, Вика и Андрей разошлись.

Во-вторых, Соня уехала с Еленой Максимовной в Черногорию дышать озоном.

В-третьих, Марину Станиславовну застукали.

Как-то ночью, посреди недели без звонка приехал Игорь Дмитриевич. То ли он подозревал, то ли почувствовал, то ли созрела карма — можно лишь гадать. Когда машина заехала на участок, Марина Станиславовна

и сосед Миша занимались любовной возней. В доме отставника — Сони уже не было.

Разборка была короткой и бессловесной — Игорь Дмитриевич надавал изменнице тяжелых оплеух и уехал назад в город. А она осталась на даче в компании Кашалота и струхнувшего соседа.

А в-четвертых, и Кашалот пропал.

Он каким-то образом умудрился выскочить из закрытого дома. Его белое тело видели у ларька, мелькал он и в кустах за прудом, лакал воду из лужи у колонки. Потом сгинул.

Марина Станиславовна написала несколько объявлений и расклеила их в поселке и на станции.

«Пропал белый кот ценной породы “ИРЛАНДСКИЙ АЛЬБИНОС”. Гладкошерстый, с характерной формой морды и головы. Откликается на прозвище “Кашалот”. Людей не боится. Не царапается. Нашедших и приютивших животное большая просьба вернуть его владельцам за вознаграждение. По адресу: Подгорный переулок, дом 14. Виноградовой Марине Станиславовне. Контактный телефон: 8 960 245 78 87».

Вы случайно не встречали? Если встретите — пристрелите немедленно!

Основной принцип

В подъезде дома номер 14 по улице Капитана Журавлева появился странный неприятный запах. Казалось, что где-то сдохла крыса или валяется иное мертвое животное. Как ни искали, как ни приняховались поначалу, а точный источник вони определить не смогли. Несколько раз мыли лестницу, проветривали, постоянно держали дверь подъезда нараспашку, но ничего не помогало. Где-то что-то продолжало гнить и удушливо об этом заявлять.

С каждым днем отвратительный смрад становился все тяжелее и гуще. И тогда пенсионерка Григорьева Н. Е., живущая в 45 квартире, отправилась с жалобой в жилконтору. Там ее выслушала техник Коновец и обещала с этим пикантным вопросом «разобраться». Обещание было дано более из тактических соображений, нежели из действительного намерения помочь.

«Мало ли где воняет? Что мы-то можем сделать? — подумала Коновец, выпроваживая пенсионерку Григорьеву Н. Е. из своего кабинета. — Нигде ничего не течет, нигде ничего не обвалилось, утечки газа нет. Что людям надо? Повоняет, повоняет и перестанет. Мусор свой почаще выносите! Итак забот хватает».

Забот, действительно, хватало: где-то в подъезде выбили все стекла, в одном из подвалов случился потоп,

на площадке вокруг детского сада не горят фонари. И не только фонари — у Коновец лежало уже не менее десятка заявок по электротехническим работам. А сам электрик пропал. Петрова уже неделю никто не видел и не слышал.

Думали, запил человек, с кем не бывает. Но Петров больше трех дней запоя не тянул. А здесь неделя. И звонили, и один раз на дом приходили — безрезультатно. Нет Петрова. И света вокруг детского сада нет.

В тот же день, после ухода Григорьевой Н. Е. техник Коновец еще раз послала на квартиру к Петрову человека из конторы в виде сантехника Гнатюка.

Уже в конце рабочего дня, когда Коновец, собираясь домой, вышла из кабинета в туалет, она столкнулась в коридоре с Гнатюком, заглянувшим в ЖЭК перед тем, как идти на халтуры.

— Ну, Витюня, ходил к Петрову?

— Да заходил, Томчик, заходил.

— Ну и как?

— А что «как»? Нету Петрова. Не отвечает. Сгинул наш Петров. Только я тебе скажу, и воняет там у него в подъезде! Такой тухлятиной прет, не приведи меня господь. Пивом не запьешь.

— А что, Петров живет (профессиональная память на адреса сработала автоматически) в четырнадцатом доме по Журавлева?

— А где ж еще? Может, сейчас и в другом месте. Может, сейчас у бабы какой. Хотя он по этой части не особо. Ну так я тебе скажу: прет! Душу выворачивает! Пивом не запьешь!

— Странно...

— Ну, я пошел, Томчик?

— Иди. Странно...

Некое подобие догадки шевельнулось во внутренностях Томчика, но очень скоро посторонние ощущения отошли на задний план — Коновец пошла в универсам.

И только дома, после ужина, когда она с мужем и сыном сидела у телевизора и смотрела кино про бандюгов, ее что-то как пихнуло в грудь. После чего Коновец стало тревожно и беспокойно. И она долго не могла заснуть. Неужели?..

Утром следующего дня она позвонила в милицию и рассказала о долгом отсутствии на рабочем месте электрика Петрова и гнилостном запахе, распространяющемся в том самом подъезде, где электрик Петров проживает.

Дежурный звонок принял, должным образом отреагировал, и уже к 11 часам 40 минутам в квартиру 57, расположенную на пятом этаже дома № 14 по улице Капитана Журавлева, звонил младший лейтенант Саркисян. Звонил, зажимая себе нос платком и подавляя рвотные спазмы. А в 12:15 в присутствии понятых квартира была вскрыта. Обдав вошедших волной концентрированно трупного запаха.

В большой комнате на крюке (люстра была снята и лежала в углу) висел Петров. Совершивший самоубийство посредством провода, тройной петлей обмотанного вокруг шеи.

Разлагающийся вздутый труп производил отвратительное впечатление. Высунутый синий распухший язык, вылезшие из орбит, облепленные мелкими мошками глаза, черные ногти на багровых кистях, испачканные испражнения боты. Откинутый табурет в засохшей луже выделений. И все остальное в том же роде. И запах!

На обеденном столе, очевидно сдвинутом к стене, стояла недопитая бутылка «Пшеничной», граненый пустой стакан, под стаканом записка и рядом шариковая ручка.

Записка следующего содержания:

«18 октября ходил менять проводку в коридоре к Чанышеву, проживающему в 78 квартире дома № 14. Во время моей работы, когда Чанышев (если не ошибаюсь, Арсений Николаевич) подавал мне инструмент, с ним завязался разговор. Перешедший постепенно в беседу, из которой следовало, что поскольку основным принципом существующего мира является НЕБЫТИЕ, то каждому достаточно довольствоваться минимумом средств, предоставляемых случаем и социальными условиями скоротечной человеческой жизни. Что означало, как я смог тогда понять, — чаевых тебе не будет. Так оно и оказалось. Но не совсем. В смысле последующей ситуации. Чаевых Чанышев действительно не дал, но предложил угостить чаем. Заметив, что слово “чаевые” происходит от слова “чай”, а это с позиций элементарного математического анализа можно рассматривать как производную и основную функцию, от которой она была взята. Тогда (т. е. 18 окт.) я мало что понял и даже хотел коротнуть всю квартиру этому жмоту, но сдержался. И только прикурив от его спичек, ушел на следующий адрес. Тогда мне было насрать и на Чанышева, и на его бредни, и на само НЕБЫТИЕ. Мне было обидно, что я провозился три с половиной часа совершенно бесплатно. Но при замене предохранителей в распределительном щите, имевшей место в подъезде 28-го дома по пер. Каретникова 21 октября, я по неосторожности коснулся фазы и тогда мне стал ясен смысл говоримого Арсением Николаевичем. Которому прошу передать мои лучшие пожелания и успехов в научной деятельности. Когда меня ёбнуло (прошу мне простить использование ненормативной лексики), после легкого шока и завершения замены предохранителя моему внутреннему взору открылась вся панорама грядущей

перспективы. Перспективы как самосознающего индивидуума, так и неодушевленной материи. Будь то атом или галактика. Имею желание высказать свое последнее слово в качестве дополнения.

НЕБЫТИЕ как принцип, преломляемый в сочетании химических элементов, проявляет себя в неорганической природе как ВЫТЕСНЕНИЕ;

в животном мире как ПОЖИРАНИЕ;

в социуме как ОБМАН.

ОБМАН как основная человеческая программа имеет две составляющие. А именно: направленная во вне агрессия и устремленный внутрь гедонизм.

Возникает вопрос — что делать? Приходит ответ — не сделать ничего.

Кроме как бросить растворяемому в НЕБЫТИИ, ВЫТЕСНЕНИИ, ПОЖИРАНИИ и ОБМАНЕ миру спасательный круг в виде «пузыря времени». Учитывая, что мне сейчас 37 лет, а человек в среднем, прежде чем навсегда исчезнуть, обманывает себя и наебывает (прошу простить исп. ненорм. лекс.) других 70–73 года, то мне по закону условного человеческого существования положен остаток. Составляющий 37–40 лет. Который я отказываюсь проживать и смело и гордо кидаю в ненасытную черную бездонную пасть ОТСУТСТВИЯ. Если каждый из живущих поступит так же, а последний взорвет (ядерного запаса хватит) планету, то мы сможем это самое НЕБЫТИЕ преодолеть. Чистой нереализованной возможностью отрицания отрицания. За мной, товарищи!»

Все...

Содержание

Дай мне напиток железнодорожной...

3

Конец Кентавра

19

«Лунная соната»

95

Кошачья гъадость

111

Основной принцип

147

Связаться с автором можно по эл. почте:
ilichevanatolia@mail.ru

Дизайн обложки *А. В. Самойлова* · Технический редактор *А. Б. Левкина* · Корректор *А. Б. Левкина* · Оригинал-макет *Л. А. Брисовская* · Подписано в печать 16.03.2014 · Формат 60×88¹/₁₆ · Печать офсетная · Усл. печ. л. 9,3 · Тираж 100 экз. · Заказ № 059Р · Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме», 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: renome@comlink.spb.ru · www.renomespb.ru